АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ

ВАСИЛІЯ РОМАНОВИЧА МАРЧЕНКИ [1]).

1782 — 1838.

1.

Рожденіе и воспитаніе.—Кончина отца.—Служба въ Могилевской губерніи и у бѣлорусскаго генералъ-губернатора.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Служба въ коммиссаріатской экспедиціи и въ канцеляріи военнаго министерства.—Женитьба.—Графъ Аракчеевъ военный министръ.—Эпизоды изъ шведской войны 1809 г.—Служба В. Р. Марченки въ Сибири.—Характеристика гр. Аракчеева и служба въ его канцеляріи.—Отечественная война.

Къ непреложномъ упованіи на милосердіе Божіе, никогда не ропталъ я на службу, и въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, когда самое существованіе казалось излишнимъ, я повѣрялъ только дѣянія свои, но, съ совѣстью спокойною, оставался увѣреннымъ, что дни скорби пройдутъ и наступитъ лучшее время: ибо таковъ законъ Превѣчнаго, испытующаго сердца наши, къ несчастію на все готовыя при благополучіи безпрерывномъ. Да бу-

---

[1]) Малороссія дала Петербургу въ прошломъ вѣкѣ нѣсколькихъ замѣтныхъ дѣятелей, послѣднимъ изъ которыхъ былъ авторъ предлагаемой «Записки». Марченки ничѣмъ не выдѣлялись въ Малороссіи, и лишь одинъ изъ родственниковъ В. Р. Марченки подписался въ 1767 году подъ депутатскимъ наказомъ Днѣпровскаго пикинернаго полка: «старшій канцеляристь Василь Марченко» (Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. XCIII, 50). Въ Россіи, кромѣ статсъ-секретаря императора Александра I, уже въ наши дни, въ литературѣ

детъ правило сіе и вашимъ, любезныя дѣти. Для васъ собственно давно желалъ я оставить описаніе жизни своей, но дѣятельная служба не позволяла заняться до 1822 г. Теперь судьба доставила мнѣ должность легкую, и потому досужное время употребляю на предметъ, мною желанный, и буду дополнять записку сію тѣмъ, что случится со мною съ 1823 г., доколѣ не откажутъ, говоря словами закона, здравый умъ и твердая память.

Я родился въ бѣлорусскомъ Могилевѣ 28 декабря 1782 г. Отецъ мой, избранный генералъ-губернаторомъ [1]) изъ малороссійскихъ гражданскихъ чиновниковъ на службу въ открывшееся, по пріобрѣтеніи отъ Польши бѣлорусскаго края, могилевское намѣстничество, былъ уважаемъ начальствомъ, какъ дѣлецъ и честный человѣкъ и обожаемъ, могу сказать, мѣстнымъ дворянствомъ, которое, даже по смерти его, вспомоществовало семейству нашему, послѣ несчастія, описаннаго ниже. Въ началѣ 1795 г. былъ онъ губернскимъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ, въ чинѣ коллежскаго ассессора; былъ произведенъ и въ надворные совѣтники, но указъ о томъ Сената полученъ по смерти уже его. Онъ былъ напослѣдокъ представленъ отъ генералъ-губернатора Пассека въ губернскіе прокуроры, дабы удержать его отъ перехода въ Волынскую или Уфимскую губернію, куда приглашали его съ лестными обѣщаніями генералъ-губернаторы Тутолминъ [2]) и Вязмитиновъ [3]), знавшіе его лично.

стало извѣстнымъ имя А. Я. Марченки (Кіевская Старина, XXVII, 392). О печатаемой нами «Запискѣ» давно уже упоминалось въ печати (Сборникъ, LXII, 15); нѣкоторые изъ трудовъ В. Р. Марченки, какъ государственнаго секретаря, изданы въ послѣднее время А. А. Половцовымъ (Сборникъ, XC, 569); но автобіографическая записка его впервые появляется въ свѣтъ. Кромѣ записки, авторъ оставилъ еще два приложенія къ ней: «Событія, въ глазахъ монхъ совершившіяся при вступленіи на престолъ императора Николая I» и «О молоканахъ и духоборцахъ». Мы печатаемъ «Записку» и оба приложенія по копіи, сдѣланной вслѣдъ за кончиною автора, лицомъ ему близкимъ, судя по слѣдующей замѣткѣ: «Копія эта списана съ рукописи, писанной собственною рукою В. Р. Марченки и найденной въ кабинетѣ его, послѣ его смерти. Жизнь его описана въ этой же запискѣ. Прибавить надобно только, что онъ въ послѣдніе дни жизни, уже на смертномъ одрѣ, пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и умеръ 6-го декабря 1841 г. въ 4 часа и 10 минутъ пополудни». Ред.

[1]) Генералъ-губернаторомъ могилевскаго намѣстничества былъ, съ 1782 г., Петръ Богдановичъ Пассекъ, 1736—1804.

[2]) Тимоѳей Ивановичъ, 1740—1809, генералъ-губернаторъ волынскій и подольскій.

[3]) Сергѣй Кузьмичъ, 1748—1819, генералъ-губернаторъ симбирскій и уфимскій; съ 1802 по 1808 г. военный министръ; 19 августа 1818 г. возведенъ въ графское достоинство «за отличную отечеству службу». Авторъ комедіи «Новое семейство», представленной въ 1781 году. О немъ см. «Русск. Старину», XXXII, 661.

Неожиданная кончина отца положила всему конецъ. Онъ занемогъ въ 1795 г., на первой недѣлѣ великаго поста, простудною горячкою [1]) и, дней чрезъ десять доктора объявили болѣзнь опасною. Еще нѣсколько дней, и печальное семейство облеклось, на разсвѣтѣ 21 февраля, въ трауръ.

Съ сей минуты познало оно всѣ несчастія. Домъ нашъ, по пословицѣ, былъ полная чаша: мы ни въ чемъ не знали нужды и, видя ежедневно почти гостей, кромѣ годовыхъ семейныхъ праздниковъ, веселились въ младенчествѣ нашемъ. Нѣсколько уже лѣтъ отецъ пріискивалъ устроенную деревню, душъ 400, не больше, говорилъ, чтобы не войти въ долгъ, и остановился на томъ, что можетъ быть перейдетъ служить въ Волынскую губернію, то тамъ уже и осѣдлость сдѣлать. Письма Сесемана и Петра Савича Марченки [2]) доказывали, что у нихъ были на примѣтѣ такія имѣнія, изъ числа пожалованныхъ, цѣною отъ 27 до 32 т. рубл. Намѣреніе его было гласное; всѣ пріятели знали о томъ и что капиталъ его, въ неизвѣстномъ только количествѣ, сохраняется въ расходномъ сундукѣ губернскаго правленія, гдѣ генералъ-губернаторъ Пассекъ не довѣрялъ никому пересылочныхъ суммъ, и несмотря на стороннюю должность отца, поручилъ ему храненіе сихъ суммъ, простиравшихся иногда за 200 т. рублей въ годъ, контролируя, такъ сказать, симъ образомъ полученіе и выдачу денегъ, чрезъ губериское правленіе переходящихъ. По этому-то случаю и имѣлъ онъ свою шкатулку за его печатью, сохранявшуюся въ большомъ расходномъ сундукѣ, при которомъ стоялъ всегда часовой. Надежда семейства на капиталъ, въ шкатулкѣ сей бывшій, была несомнѣнна: многіе брали у отца деньги въ займы, подъ росписки, и знали, что въ особомъ ящикѣ его собственность, а прочее пространство шкатулки для казенныхъ денегъ служитъ.

Смерть отца такую причинила горесть въ домѣ, что одинъ только я могъ быть при погребеніи. Матушка, сестры, братъ и большая часть людей находились въ горячкѣ; трое служителей вскорѣ умерли. Пріятели отца, входя въ положеніе наше, настаивали, и въ ночь кончины его и послѣ въ теченіе девяти дней, чтобы освидѣтельствовать шкатулку и пересчитать деньги. Они вносили ее на рукахъ въ присутствіе правленія, и всѣ слышали шарканье въ ней бумагъ и звонъ монеты. Но освидѣтельствованіе отлагаемо было до выздоровленія матери моей. Нако-

---

[1]) Странный случай: директоръ таможни Пестовъ, пріятель отца, привезъ изъ Толочина больную жену и остановился въ безпокойномъ трактирѣ, у жида. Отецъ мой, сострадая больной, предложилъ Пестову переѣхать къ нему въ домъ, хотя другіе не совѣтовали ему, по предубѣжденію: не принимать въ домъ пріѣзжаго больнаго. Съ водвореніемъ Пестовыхъ, проявилась у насъ горячка, надѣлавшая столько бѣдъ.

[2]) Родной дядя автора записокъ.

нецъ, чрезъ 10 дней (3-го марта 1795 г.) присланъ изъ правленія чиновникъ, чтобы скорѣе привезти ключикъ отъ шкатулки. Собраны пріятели отца. Я привожу ключъ, и намъ объявляется, что печать съ шкатулки, вѣроятно, по неосторожности расходчика, оторвалась; отпираемъ шкатулку и находимъ въ ней пустоту. Начался процессъ, продолжался 12 лѣтъ, и мы не получили ни копѣйки. Вотъ урокъ вамъ, дѣти! не полагаться на наслѣдство послѣ родителей.

Обо мнѣ, при жизни отца, различныя были предположенія. Еще когда обучался я въ теперешней гимназіи, а по тогдашнему въ главномъ народномъ училищѣ, то записанъ былъ въ какой-то гренадерскій полкъ (помню сіе по аммуниціи и высокой гренадерской шапкѣ, хранившимся въ кладовой), потомъ записанъ былъ въ гражданскую службу; но, для большаго усовершенствованія въ наукахъ, положено было отдать года на три въ Шкловскій дворянскій корпусъ. Только внезапная болѣзнь отца остановила поѣздку въ Шкловъ, а смерть его и похищеніе нашего капитала заставили меня вступить на дѣйствительную службу.

И такъ, въ мартѣ 1795 г. явился я могилевскаго верхняго земскаго суда въ 1-й департаментъ. Прокуроръ потребовалъ, чтобы я занимался и по его части. Хотя сіе трудно было 14-ти лѣтнему мальчику, но впослѣдствіи я былъ благодаренъ ему, ибо собственно по департаменту сему я узнавалъ уголовное только производство; занимаясь же у прокурора, по журналамъ и протоколамъ 2-го департамента верхняго земскаго суда, видѣлъ и утверждалъ въ памяти своей ходъ дѣлъ тяжебныхъ. Кстати сказать здѣсь, что въ тогдашнемъ возрастѣ и сиротствѣ моемъ судьба, на первомъ шагу службы, дала мнѣ учителей. Предсѣдателемъ департамента былъ нѣкто Мурашевичъ, а секретаремъ Хамкинъ, занятые тѣмъ, что могли писать стихи. Можно судить по сему, что слогъ ихъ не былъ подъяческій, и, сверхъ того, предсѣдатель былъ большой педантъ по службѣ. Случалось иногда, что всѣ дѣла кончены, или какое-нибудь дѣло, по обширности, не готово къ докладу: ему все равно—онъ все же въ присутствіи и заставлялъ меня читать законы. Журналъ того засѣданія составлялся такимъ образомъ: «№, число, дѣла докладованы не были (по такой-то причинѣ), а члены занимались чтеніемъ узаконеній». Занятія сіи были для меня учебными лекціями; я радовался, когда предсѣдатель, какъ русскій, объяснялъ членамъ-полякамъ смыслъ закона и позволялъ мнѣ дѣлать вопросы, когда чего я не понималъ. Жалованья получалъ я 60 руб. въ годъ.

Въ началѣ 1796 г., уголовная палата указомъ вытребовала меня изъ верхняго земскаго суда. Я, въ чинѣ коллежскаго регистратора, опредѣленъ былъ повытчикомъ въ палатѣ (теперешніе столоначальники). Удивляюсь, какъ можно было ввѣрить мальчику по 15-му году уголовныя дѣла, для повѣрки, выписки изъ законовъ и для составленія опредѣленія!

Но мнѣ почти оба повытья поручены были, ибо другой, товарищъ мой, былъ пьяница, и сверхъ того я же завѣдывалъ расходомъ. Здѣсь давали мнѣ жалованья 120 рублей.

Въ 1797 г. изъ двухъ губерній, Могилевской и Полоцкой, составилась одна, Бѣлорусская, а губернскимъ городомъ назначенъ Витебскъ. На меня обрушилась и сдача рѣшенныхъ дѣлъ въ архивъ, и доставленіе неоконченныхъ дѣлъ въ Витебскъ. Богъ помогъ исполнить то и другое; но я, сдавъ нерѣшенныя дѣла въ Витебскъ, остался безъ жалованья и не зналъ, гдѣ служить. Мазуринъ, бывшій протоколистъ губернскаго правленія, съ которымъ я жилъ въ клаторѣ, совѣтовалъ уже вступить въ правленіе, какъ пріѣзжаетъ переведенный изъ Крыма въ Бѣлоруссію губернаторъ, тайный совѣтникъ Жегулинъ [1]), и, отбирая въ губернскомъ правленіи писцовъ для своей канцеляріи, назначилъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, и меня въ канцелярію, съ прежнимъ жалованьемъ.

Служба по канцеляріи сей тѣмъ только лестна была для меня, что въ губернаторѣ имѣлъ я человѣка умнаго, честнаго и правдиваго. Онъ полюбилъ меня и всегда бралъ съ собою, когда отправлялся по губерніи; въ 1799 г. онъ вышелъ въ отставку. Пользуясь отъѣздомъ его въ Петербургъ, рѣшился и я искать службы въ столицѣ. Здѣсь очевидна милость Божія ко мнѣ. Безъ денегъ, безъ покровительства, можно ли думать о Петербургѣ? Но мнѣ проѣздъ ничего не стоилъ и, по прибытіи на мѣсто, четыре года имѣлъ я пріютъ у него же, Жегулина; слѣдовательно, на квартиру и на столъ ничего не издерживалъ.

Въ началѣ апрѣля 1799 г. прибылъ я въ Петербургъ, на 17-мъ году возраста и имѣя не болѣе 200 руб. денегъ. Мать снабжала меня пятью стами рублей, но я не принялъ ихъ, ибо у нея оставалось на рукахъ четверо дѣтей [2]). Предположеніе мое было опредѣлиться въ канцелярію генералъ-прокурора, но судьба поступила иначе. Осматривая городъ, пришелъ я въ крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ, прежній губернаторъ могилевскій, знавшій и отца моего, и меня. Захожу къ нему безъ всякой цѣли. Старикъ вѣжливо принимаетъ меня, разспрашиваетъ о семействѣ и зачѣмъ я пріѣхалъ. Узнавъ же причину, сказалъ: «не хочешь ли у меня служить?» Я отвѣчалъ поклономъ и съ тѣмъ вышелъ, бывъ приглашенъ отъ него приходить обѣдать. Скоро послѣ того переходъ чрезъ Неву сдѣлался опасенъ, и я, дождав-

---

[1]) Семенъ Семеновичъ, съ 1789 по 1796 годъ, былъ правителемъ Таврической области въ чинѣ генералъ-маіора; при назначеніи губернаторомъ бѣлорусскимъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта; въ тайные совѣтники переименованъ при Александрѣ I.

[2]) Сестра Анна выдана была уже замужъ въ 1798 г. Оставались сестры: Александра, Катерина, Ольга и братъ Петръ, всѣ моложе меня.

шись Святой недѣли, переѣзжаю рѣку, чтобъ поздравить Сергѣя Козьмича съ праздникомъ. Но въ какое пришелъ удивленіе, когда онъ сказалъ мнѣ, что опредѣлилъ меня въ комиссаріатъ, о которомъ понятія я не имѣлъ. Жегулинъ еще болѣе опечалилъ меня, не хваля сей службы и подозрѣвая, что я искалъ ее, не сказавъ ему. Но дѣлать было нечего; на Ѳоминой недѣлѣ явился я на службу въ комиссаріатскую военной коллегіи экспедицію, издержавъ на обмундировку послѣднія деньги, и остался безъ гроша.

Умный и знающій дѣло секретарь Михайло Тихоновичъ Тарасовъ скоро познакомилъ меня съ дѣлами комиссаріата и полюбилъ меня отмѣнно, ибо я работалъ усердно и замѣнялъ ему людей глупыхъ, каковыхъ достаточно было въ экспедиціи стараго завода, изъ солдатъ, дослужившихся до офицерства. Жалованья получалъ я 250 р., а послѣ, по званію протоколиста, 450 р., имѣя при томъ въ виду казенную квартиру, если бы вздумалъ переѣхать въ комиссаріатъ. Сверхъ жалованья, давалась еще каждый годъ, къ Святой недѣлѣ, казенная обмундировка тонкаго сукна.

Отсель начинаю ощущать нѣкое предопредѣленіе свыше, чтобы таскаться по свѣту 20 лѣтъ и увидѣть его отъ Аландскихъ острововъ до Томска, отъ Астрахани до Лондона, отъ Риги до Парижа и Вѣны, чего и во снѣ не представлялось прежде.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ службы моей въ комиссаріатѣ, какъ Сергѣй Козьмичъ предлагаетъ мнѣ отправиться въ армію Суворова, въ Италію, говоря, что молодому человѣку полезно увидѣть чужіе края и что другіе издерживаются даже на то. Безспорно, что это такъ, но я, незнающій языковъ, безъ денегъ, какой вояжиръ? При томъ же, не путешествовать мнѣ предлагаютъ, но быть при арміи, слѣдовательно, подвергать себя всѣмъ невзгодамъ и опасностямъ, не бывъ въ военной службѣ. Соображенія сіи и мысль, что въ случаѣ, если я пропаду за границею, матушка не перенесетъ этого горя, заставили меня отказаться.

Судьба, однако, иначе располагала: я отказался въ іюлѣ, въ сентябрѣ Сергѣй Козьмичъ вышелъ въ отставку, въ декабрѣ собирались уже тучи на горизонтѣ комиссаріатскомъ, а въ январѣ 1800 г. разверзлись. Генералъ-кригсъ-коммиссаръ князь Сибирскій и первый членъ экспедиціи генералъ-лейтенантъ Турчаниновъ посажены въ крѣпость. По всему государству посланы ревизоры, къ нимъ должно было прикомандировать грамотныхъ людей. Нечего дѣлать Тарасову въ такомъ страхѣ: онъ разстается со мною, и я, съ гвардейскимъ полковникомъ Ляпуновымъ, осматриваю комиссаріатскія депо въ Кременчугѣ, Балтѣ, Тирасполѣ, Переславѣ, крѣпости св. Дмитрія, Екатеринославѣ и Царицынѣ. Проѣхавъ отъ Петербурга чрезъ Бѣлоруссію и Черниговскую губернію въ Балту, видѣлъ я всю прежнюю турецкую границу, едва возникающую

Одессу, Таганрогъ, Черкаскъ, всю Кавказскую линію до Кизляра, степь отъ Кизляра до Астрахани, и потомъ, чрезъ Рязань и Москву, возвратился въ столицу, въ августѣ 1800 г. Поѣздка сія послужила мнѣ въ пользу. Я былъ на всемъ содержаніи то Ляпунова, то, какъ проѣзжій, у мѣстныхъ чиновниковъ въ городахъ; ѣздилъ въ одной съ нимъ колескѣ, и оттого остались у меня прогоны на двѣ лошади и жалованья за двѣ трети въ экспедиціи.

Къ неописанной радости, нашелъ старика Жегулина я еще въ Петербургѣ, слѣдовательно, столъ и квартира опять мнѣ ничего не стоили. Вскорѣ опредѣленъ былъ надъ коммиссаріатомъ генералъ-интендантъ князь Волконскій [1]), человѣкъ добрый, обласкавшій меня дотого, что я отмѣнилъ намѣреніе оставить коммиссаріатъ, по крайней мѣрѣ, до нѣкотораго времени.

Въ 1802 г. учреждены министерства. Здѣсь жилъ тогда дядя мой, познакомившій меня съ графомъ Васильевымъ, который и предложилъ мнѣ перейти въ открывавшійся у него департаментъ министерства финансовъ. Но я командированъ былъ между тѣмъ съ генералъ-маіоромъ Ломоносовымъ [2]) въ Воронежъ, для изслѣдованія, отъ чего много дурныхъ суконъ поставлено, и для изысканія средствъ къ поддержанію суконныхъ фабрикъ; а по возвращеніи данъ мнѣ чинъ коллежскаго ассессора, и милость эта крайне затрудняла меня, чтобы не сдѣлаться неблагодарнымъ.

Обдумавъ, наконецъ, что коммиссаріатъ должно же будетъ когда-нибудь оставить, и что въ министерствахъ другая дорога, рѣшился я просить князя Волконскаго, какъ человѣка добраго, чтобы онъ же доставилъ мнѣ мѣсто въ министерствѣ финансовъ, гдѣ, какъ сказано выше, все уже слажено было, и увѣренъ былъ, что онъ это сдѣлаетъ, какъ въ одно утро князь, проходя въ присутствіе, сказалъ мнѣ: «за что жъ ты, милый, меня оставляешь?» Я изумился, отчего узналъ онъ мою тайну, и полагалъ уже, что графъ Васильевъ проговорился; но чрезъ часъ выведенъ былъ изъ недоумѣнія. Тарасовъ, возвратясь изъ присутствія, сказалъ, по словамъ князя, что въ военной коллегіи полученъ указъ, дабы оберъ-секретаря коллегіи Биженча, члена экспедиціи полковника Покровскаго и меня отправить къ военному министру Вязмитинову, для составленія министерской канцеляріи. Я могъ только поклясться, что ни свѣдѣнія, ни видовъ на сію службу не имѣлъ, и, покоряясь судьбѣ, пошелъ къ министру. Не скрою, однако, что радъ былъ разстаться съ коммиссаріатомъ.

---

[1]) Дмитрій Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, гофмейстеръ; умеръ въ 1853 году.

[2]) Григоріемъ Андреевичемъ, 1767—1810.

На первый разъ опредѣлено мнѣ было жалованья 750 руб., но въ теченіе года я дошелъ уже до 1.500 руб. Сумма весьма достаточная по тогдашнему времени, особенно же потому, что я имѣлъ еще квартиру и столъ у Жегулина. Содержаніе таковое доставило мнѣ способъ всѣмъ обзавестись, помогать матушкѣ и выписать брата къ себѣ изъ Могилева. Первые три года служба моя была сущая каторга. Сергѣй Козьмичъ имѣлъ меня у себя при кабинетѣ. Съ шести часовъ утра до двухъ я не вставалъ со стула; обѣдать долженъ былъ всегда у него, и съ шести часовъ до 12-ти ночи опять оставаться приросшимъ къ стулу. Я не могъ даже пользоваться и тѣмъ временемъ, когда старикъ уѣзжалъ въ театръ—такъ много всегда было дѣла и собственнаго усердія. Многіе предсказывали мнѣ смерть, и я до того отвыкъ отъ воздуха, что рѣдкую зиму не было у меня двухъ горячекъ, а простуда безпрерывная. Довольно также несносно было, что, при множествѣ наградъ въ другихъ министерствахъ и даже по коммиссаріатской и провіантской части, полтора года ничего я не получалъ. Наконецъ, въ половинѣ 1804 г. награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, за отличіе.

Начинаются приготовленія къ войнѣ, учреждается секретная часть и поручается мнѣ. Трудовъ было множество и работать лестно. Въ 1805 г. произведенъ я въ коллежскіе совѣтники и послѣ сдѣланъ экспедиторомъ—награда тѣмъ пріятнѣйшая, что и жалованье мое увеличилось до 2.500 руб. въ годъ.

Съ окончаніемъ Аустерлицкой битвы, новыя начали дѣлаться приготовленія къ войнѣ, какъ я называю Беннигсеновой [1]), и новые представились мнѣ труды. Но я занимался въ департаментѣ и, живя въ домѣ Сергѣя Козьмича, имѣлъ уже, такъ сказать, отдѣльную часть: я не сидѣлъ въ кабинетѣ, меня не развлекали пріѣзжающіе къ министру, и работа казалась не столь тягостною, ибо я самъ располагалъ временемъ.

Служба въ военномъ министерствѣ составляетъ новую въ жизни моей эпоху. Будучи у другаго министра, можетъ статься, я не такъ бы скоро женился. Въ 1804 г. нанята была квартира въ домѣ надворнаго совѣтника Шмита (въ Почтамтской улицѣ, напротивъ дома Безбородко). Меня особенно ласкала хозяйка, молодая, умная, веселая и прекрасная собою женщина. Они люди были богатые, и мнѣ отмѣнно нравилось видѣть хозяйку: вечеромъ, въ брильянтахъ, разряженную, для благороднаго собранія, а по утру идущую въ погребъ, или пріѣзжающую въ каретѣ съ рынка. Русскія барыни не знаютъ сего: имъ надобно или не заниматься вовсе хозяйствомъ или, отказавшись, какъ онѣ называютъ, отъ

---

[1]) Графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, 1745—1826. Исторію пріобрѣтенія его записокъ см. «Русск. Стар.» XVI, 387.

свѣта, ходить ежеминутно съ ключами, браниться и кричать. У Шмитовыхъ, напротивъ, чистота въ домѣ и порядокъ были удивительные. Одинъ человѣкъ прислуживалъ 20-ти гостямъ, одѣвалъ хозяина и ѣздилъ за каретою. Прельщаясь такою жизнью, я говаривалъ товарищамъ моимъ, что или я буду имѣть такую жену, какъ Марья Осиповна Шмитъ, или останусь холостымъ. Судьба подслушала, видно, меня и подшутила.

Марья Осиповна начала находить во мнѣ добрыя качества; самая застѣнчивость моя ей нравилась. Я влюбился, она также, и потребовала развода. Право ея состояло въ томъ, что Шмитъ въ малолѣтствѣ принудилъ ее за себя выйти, что она ему падчерица и что въ день свадьбы торжественно объявила ему, что будетъ жить съ нимъ дотолѣ, пока не влюбится въ другаго. Шмитъ, опасаясь, чтобы насиліе его не было открыто, согласился на разводъ, въ 1805 г., зимою, и чрезъ три мѣсяца женился на ключницѣ, жившей у него же въ домѣ. Но мое положеніе было ужасное. Мысль, что я причиною разстройства семейнаго, убивала меня, не взирая на то, что самъ Шмитъ желалъ нашей свадьбы, и что Марья Осиповна рѣшительно говорила, дабы я не бралъ сего происшествія на свой счетъ, такъ какъ уговора у насъ никакого не было и она не нарушила супружеской вѣрности. Въ доводъ того, узнавъ, что въ домѣ Вязмитинова предлагаютъ мнѣ жениться на дочери Малышева, только-что взятой изъ Смольнаго монастыря, Марья Осиповна предложила мнѣ въ подарокъ 20 т. руб., слѣдующіе ей по разводной записи; а сама, съ остальнымъ капиталомъ, намѣрена была уѣхать за границу.

Я открылся во всемъ Сергѣю Козьмичу, испросилъ благословеніе матушки, предложилъ Марьѣ Осиповнѣ руку и сердце, и 8-го іюля 1806 г., въ Вознесенской церкви, поклялись мы предъ алтаремъ въ вѣчной другъ къ другу любви.

Съ сего дня зажилъ я своимъ хозяйствомъ. Ломоносовъ подарилъ мнѣ четверку лошадей, а квартира моя была на бульварѣ, въ домѣ Кутайсова. Труды и съ перемѣною жизни были тѣ же, даже съ опасностію, послѣ исторіи Степанова [въ канцеляріи графа Ливена[1])]; но въ мартѣ 1807 г. отличенъ я былъ Анненскимъ орденомъ, совсѣмъ неожиданно, потому-то и рескриптъ написанъ рукою Сергѣя Козьмича. Полтора года не увидѣли, какъ прошли. Но съ наступленіемъ 1808 г. лишился я почтеннаго начальника и благодѣтеля—Сергѣй Козьмичъ вышелъ въ отставку. Въ пяти-лѣтнюю при немъ службу, получилъ я два чина и орденъ 2-ой Анны. Сверхъ того, по представленію его, назначены были мнѣ и Бижеичу кресты 4-го Владиміра, но когда отъ коми-

[1]) Карлъ Андреевичъ, съ 1826 г. князь, 1767—1845, начальникъ военно-походной Е. И. В. канцеляріи.

тета министровъ объявлена высочайшая о томъ воля графу Аракчееву, то онъ не поднесъ указа къ подписанію. Каково?

Отставка Сергѣя Козьмича погрузила весь департаментъ въ крайнее уныніе, ибо на его мѣсто опредѣленъ графъ Аракчеевъ, человѣкъ, не имѣвшій въ публикѣ названія добраго. Мы, то-есть, экспедиторы, согласились посмотрѣть на пріемъ его и, ежели онъ обойдется по обыкновенію своему, оставить службу; на сей конецъ и просьбы объ отставкѣ были за пазухою у директора и трехъ экспедиторовъ.

Посылаемъ узнать экзекутора, когда приметъ новый министръ департаментъ? «Въ 4 часа утра»,—отвѣтъ былъ. И такъ, въ началѣ января, въ жестокій морозъ, при свѣчахъ, представились мы графу Аракчееву. Онъ былъ уже въ полномъ мундирѣ и, къ удивленію, началъ рѣчь, неожиданную нами: «Господа! рекомендую себя; прошу беречь меня, я грамоту мало знаю, за мое воспитаніе заплатилъ батюшка 4 рубли мѣдью; я долго не хотѣлъ брать этого мѣста, но государю угодно было непремѣнно меня опредѣлить. Мнѣ ничего не надобно, а будетъ у насъ дѣло хорошо идти, вамъ вся награда». Потомъ, разспросивъ каждаго, у кого какая часть, приказалъ всѣмъ ѣхать къ должности, а мнѣ остаться.

Будучи взятъ въ кабинетъ, выслушалъ я возможныя вѣжливости и отзывы на счетъ службы при Сергѣѣ Козьмичѣ. Какъ два мѣсяца, предъ отставкою его, всѣ доклады остались неразрѣшенными, и мы не знали, гдѣ они: у государя или Попова [1]), мѣшавшагося, со времени Бенингсеновой войны, во всѣ части, то графъ и приказалъ мнѣ остаться, чтобъ разобрать сіи бумаги, отданныя уже ему государемъ. По докладѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, нужнѣйшихъ, въ то же утро государю, графъ указалъ мнѣ мѣсто въ своемъ домѣ и приказалъ дѣлать по резолюціямъ исполненіе. Въ 5 часовъ вечера, въ другой разъ, возвратился онъ изъ дворца, съ докладами, и отдалъ опять мнѣ до 50 записокъ, да столько же разныхъ приказаній, по которымъ должно было заготовить исполненіе къ утру, и большею частію указы и приказы. Уснувъ не болѣе трехъ часовъ, на другой день увидѣлъ я то же, и сотни бумагъ, принадлежащихъ канцеляріи графа Ливена, отдѣльной отъ министерства, имѣвшей свой штатъ и директора Паглиновскаго [2]). Думая, что графъ незнакомъ еще съ распорядкомъ, я объявилъ ему о томъ; но онъ мгновенно возразилъ, что знать ничего не хочетъ, и чтобы я заготовилъ указъ о причисленіи графа Ливена къ иностранной коллегіи. Проводя такую службу двѣ недѣли, измучилъ я себя и чиновниковъ

---

[1]) Василій Степановичъ, 1743—1822; съ 1819 г. предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

[2]) Дмитрій Монсеевичъ, директоръ военно-походной канцеляріи; издалъ нѣсколько повѣстей, переведенныхъ съ нѣмецкаго.

своей экспедиціи, готовъ уже былъ все бросить, чувствуя, что выбиваюсь изъ силъ, какъ вдругъ получаю два предложенія: переѣхать въ домъ къ графу Аракчееву, на житье, и быть директоромъ военно-походной канцеляріи. Благоразуміе воспрещало мнѣ принять и то, и другое: первое потому, что я человѣкъ семейный, а второе потому, что канцелярія была въ совершенномъ разстройствѣ за время императора Павла, и случай какой-нибудь могъ помнить только Паглиновскій, а повѣрки словамъ его дѣлать было не съ чѣмъ. На отзывъ мой, что лучше мнѣ быть хорошимъ экспедиторомъ, чѣмъ дурнымъ директоромъ, графъ, къ удивленію, предложилъ мнѣ занимать оба мѣста. Но я и сіе отклонилъ, опасаясь сдѣлать упущеніе по которой-либо части [1]). И такъ чрезъ три уже недѣли, рѣшился графъ Аракчеевъ взять къ себѣ военно-походную канцелярію.

Не болѣе, какъ чрезъ четыре мѣсяца, въ маѣ 1808 г., пожалованъ мнѣ алмазный крестъ Анны 2-й степени. Послѣдствіе показало, что симъ задобриваемъ я былъ къ сочиненію проекта о запасныхъ рекрутскихъ депо. Сперва о семъ предметѣ былъ простой только разговоръ; но когда графъ Аракчеевъ замѣтилъ, что я одабриваю планъ его, предложилъ мнѣ всѣ сужденія наши записать и привести въ порядокъ. Изъ этого составилась порядочная книга, испестрившаяся, однако, подробностями и прибавленіями. Жаль, что у насъ во всякомъ, можно сказать, случаѣ, нѣтъ терпѣнія. Едва успѣлъ я положить на бумагу первыя мысли, я графъ Аракчеевъ началъ поправлять и прибавлять свое, какъ всякая тетрадка, по мѣрѣ переписки, летѣла въ Эрфуртъ, гдѣ изволилъ находиться государь императоръ, и, въ то же время, другая отдавалась въ печать, такъ что, съ возвращеніемъ послѣдней тетради, книга была уже напечатана и потомъ немедленно приведена въ исполненіе. За сочиненіе сей книги пожаловано мнѣ 1.500 р., а вскорѣ за тѣмъ сдѣлана прибавка къ жалованью 2.000 руб., что составило большое пособіе, ибо въ три года семейство мое умножилось, дороговизна во всемъ сдѣлалась непомѣрною, и я много прожилъ денегъ изъ приданаго Марьи Осиповны.

1809 годъ. По окончаніи первой недѣли великаго поста, графъ Аракчеевъ взялъ меня съ собою въ новую [2]) Финляндію. Причиною поѣздки его была необходимость удостовѣриться, точно ли невозможно перейти Ботническій заливъ по льду, дабы, явясь предъ Стокгольмомъ,

---

[1]) Къ удивленію, узналъ я, въ 1812 уже году, что указъ былъ обо мнѣ подписанъ, и что графъ Аракчеевъ при смѣнѣ своей, показавъ его Паглиновскому, изорвалъ. Это сказывалъ мнѣ самъ Паглиновскій при свидѣтеляхъ.

[2]) Т. е. только-что занятую русскими войсками и позже, но въ томъ же 1809 году, присоединенную къ Россіи по фридрихсгамскому мирному договору.

заставить шведовъ склониться къ миру. Невозможность сію, вопреки желанію государя, доказывалъ командовавшій тогда арміею генералъ Кнорринг[1]. Осмотрѣвъ внимательно Свеаборгъ, гдѣ предъ тѣмъ былъ взрывъ, графъ Аракчеевъ немедленно отправился въ Або и, объяснившись съ управлявшимъ гражданскою частію бар. Спренгпортеномъ[2] и корпуснымъ командирами генералъ-лейтенантами Барклаемъ[3] и княземъ Багратіономъ[4], положилъ намѣреніе перейти заливъ. Какъ скоро Спренгпортенъ приготовилъ подводы, армія двинулась тремя колоннами. Первая, подъ командою генералъ-лейтенанта графа Каменскаго[5] пошла за Торнео; вторая, подъ командою генералъ-лейтенанта Барклая, изъ Вазы; третья, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Багратіона, изъ Або. При сей колоннѣ былъ и военный министръ графъ Аракчеевъ; чрезъ сутки пріѣхалъ къ ней и Кнорринг. Сколь ни затруднителенъ былъ переходъ по льду, но всю опасность увидѣли мы уже на обратномъ пути, когда подулъ съ моря вѣтеръ и ледъ получилъ трещины по сажени. Тутъ узнали мы, что среди жесточайшихъ морозовъ, при вѣтрѣ, исчезаетъ въ нѣсколько часовъ ледъ на Ботническомъ заливѣ, и если бы несчастіе это постигло корпусъ, то ни одинъ человѣкъ не спасся бы; но Богъ былъ милостивъ къ намъ. Въ три дня достигли мы главнѣйшаго изъ острововъ Аландскихъ; послѣ небольшой сшибки, заняты были нашими войсками всѣ острова, и Кульневъ[6] стремительно, съ легкимъ отрядомъ своимъ, перешелъ на материкъ берегъ Швеціи. Три марша, и корпусъ Багратіона могъ быть у шлагбаума Стокгольмскаго, ожидая тамъ подкрѣпленія себѣ отъ Барклая, но шведы не дождались сего событія. Въ главную квартиру явилась депутація (съ заявленіемъ?), что упорству короля положена преграда. Между депутатами я помню одного генералъ-адъютанта[7], у котораго разрубленная голова связана была обручемъ, и когда онъ горячился во время конференціи, то обручъ сей сдвигалъ. Въ чемъ состояли переговоры (по-французски), мнѣ неизвѣстно; но, по окончаніи оныхъ, тотчасъ отправленъ былъ адъютантъ Чихачевъ въ

---

[1]) Богданъ Ѳедоровичъ, 1746—1825, генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій русскою арміею въ Финляндіи, «русскій генералъ изъ нѣмцевъ», по словамъ Вигеля (III, 50).

[2]) Георгъ-Магнусъ, генералъ-отъ-инфантеріи. См. статью Я. К. Грота въ «Журналѣ мин. нар. просв.» 1885 года и соч. К. Ф. Ордина „Покореніе Финляндіи".

[3]) Барклай-де-Толли, Михаилъ Богдановичъ, 1761—1818, позже графъ и князь.

[4]) Петръ Ивановичъ, 1765—1812.

[5]) Николай Михайловичъ, 1776—1811; позже генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій русскою арміею въ Турціи.

[6]) Яковъ Петровичъ, 1763—1812, герой Отечественной войны.

[7]) Левенгельмъ, раненный въ голову въ русско-шведскую войну 1789 г.

Петербургъ (и получилъ богатый перстень), а на другой день стали приготовляться къ обратному походу, и столь поспѣшно, что дней въ пять собрались войска въ Або къ парадной встрѣчѣ государя. Пріѣздъ Его Величества ознаменованъ былъ производствомъ Багратіона и Барклая въ полные генералы. Мнѣ при семъ случаѣ весьма лестно было слышать отъ министра, что онъ свидѣтельствовалъ предъ государемъ и о моихъ трудахъ, по истинѣ тяжелыхъ, ибо я одинъ, безъ писаря даже, работалъ за весь департаментъ и военно-походную канцелярію и что мнѣ предоставляется избрать себѣ награду. Размысливъ, что для чина статскаго совѣтника я дослуживаю уже срокъ, и что 3-го Владиміра не даютъ коллежскому совѣтнику, я избралъ для себя пенсіонъ и считалъ его вѣрнымъ, потому что никто изъ насъ не помнилъ, чтобы у графа Аракчеева какой-либо указъ вынесенъ былъ неподписаннымъ, или чтобы не было то сдѣлано, что онъ кому обѣщаетъ. Но въ семъ случаѣ еще болѣе я удостовѣрился, что въ свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго. Графъ Аракчеевъ, возвратясь отъ государя, сказалъ мнѣ, чтобы «я избралъ другую награду, а пенсіона не даетъ государь для того, что ты оставишь послѣ службу, чему многіе примѣры знаетъ государь».— «И такъ, нѣтъ для меня награды, ваше сіятельство!—отвѣчалъ я—двѣ тысячи руб. не сдѣлаютъ мнѣ состоянія, а прочія, также и перстень, я уже имѣю».

Изъ Або поѣхали въ Борго: тамъ былъ сеймъ. Оттуда въ Свеаборгъ, Тавасгустъ и, чрезъ Выборгъ, пріѣхали въ Петербургъ 1809 г., въ пятницу на страстной недѣлѣ. Я и не думалъ уже о наградѣ, какъ графъ Аракчеевъ приказываетъ мнѣ въ страстную субботу заготовить, у него въ кабинетѣ, по секрету, разные рескрипты, изъявляющіе милость государя, въ томъ числѣ и мнѣ на орденъ 3-го Владиміра. Поправивъ черновыя, велѣлъ онъ мнѣ тутъ же ихъ переписать, несмотря на то, что почеркъ мой никогда не былъ чистъ—и вотъ причина, отчего рескриптъ мой, вопреки всѣхъ правилъ, писанъ моею рукою. Признаюсь, ни малѣйшаго впечатлѣнія не сдѣлала на меня сія награда, по предчувствію ли какому, или потому, что мнѣ было уже 27 лѣтъ отъ роду и я, имѣя двухъ дочерей, Марью и Екатерину, ожидалъ третьей. Еще страннѣе было, когда графъ Аракчеевъ, отдавъ мнѣ по утру рескриптъ, для истребованія отъ Аршеневскаго орденскихъ знаковъ, послѣ вечерняго доклада сказалъ, чтобы я крестъ не надѣвалъ, а сдѣлать прежде справку для государя, кому въ такихъ чинахъ, въ его царствованіе, давались такіе кресты (точныя слова графа Аракчеева). Мнѣ было больно. Я не остановился тотчасъ просить его, чтобы онъ отвезъ бумагу сію, для истребленія; по крайней мѣрѣ, повелѣнную справку сдѣлалъ бы Биженчъ.

Справка показала, что ни одному коллежскому совѣтнику не жало-

валъ еще до того времени государь ордена 3-го Владиміра. На сей справкѣ отмѣчено, что государь ее читалъ 10-го апрѣля 1809 г., и она, вмѣстѣ съ рескриптомъ, двѣ недѣли назадъ подписаннымъ, выслана была отъ графа Аракчеева въ департаментъ.

Въ исходѣ 1809 г. государю угодно было посѣтить Москву. Графъ, отъѣзжая въ Грузино, приказалъ мнѣ быть туда, съ генералъ-маіоромъ Бухмейеромъ [1]), къ 30 ноября.

Три дня проведены въ Твери, у великой княгини Екатерины Павловны и супруга ея, и 6-го декабря прибыли мы въ Москву, гдѣ прожили недѣлю. Поѣздка въ Москву осталась въ памяти у меня (1835 г.) по двумъ случаямъ: частному и государственному.

Случай частный. У графа Аракчеева былъ адъютантъ г. А. Въ борьбѣ съ совершенною бѣдностію, присталъ онъ ко мнѣ, чтобы я упросилъ Аракчеева взять его въ Москву. Рѣшено было ѣхать: мнѣ съ генераломъ Бухмейеромъ въ кибиткѣ, а А. съ фельдъегеремъ на перекладной, и прибыть въ Грузино утромъ 30-го ноября (храмовой праздникъ у крестьянъ). Мы выѣхали изъ Петербурга вечеромъ, но лошади пристали у насъ на половинѣ дороги, и должно было поворотить въ Софію, для перемѣны лошадей. Здѣсь, поправляя подъ собою сѣно въ кибиткѣ, замѣтилъ я, что пьяный камердинеръ Аракчеева забылъ въ кабинетѣ трубку съ картами, необходимыми по случаю бывшей тогда Турецкой войны. Хотѣли послать за нею фельдъегеря съ камердинеромъ, но А. умолилъ дать ему эту коммиссію, увѣряя, что ему крайне нужно поговорить съ отцомъ и что онъ догонитъ насъ ночью. На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Чудово; ждали часа два и рѣшились уже ѣхать, съ повинною, чтобы поспѣть въ Грузино къ обѣднѣ, какъ является сахаръ нашъ, въ видѣ муміи, но съ трубкою. До обѣда прошло время въ Грузинѣ непримѣтно, въ разговорахъ между съѣхавшимися гостями, которыхъ было человѣкъ 20; во за обѣдомъ едва проглотилъ г. А. ложку супу, какъ упалъ со стула и одеревенѣлъ до такой степени, что ни растиранье, ни кувшины съ горячею водою, ни зеркало, на лицо положенное, не обнаруживали въ немъ жизни. Хотя измученный видъ его, по пріѣздѣ въ Чудово, и остатокъ во фляжкѣ сладкой водки показывали цѣль поѣздки его въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе, каково было мое положеніе? Рѣшено послѣ ужина ѣхать въ Москву, и покойника, оставленнаго въ нижнемъ этажѣ при одной свѣчкѣ, отвезти ночью въ Петербургъ.

Въ тишинѣ, въ задумчивости, отпили чай; но часовъ въ 8-мъ вечера входитъ въ гостиную верхняго этажа кавалергардскій офицеръ, и всѣ удивились, узнавъ въ немъ г. А. Онъ ничего не помнилъ и

[1]) Ѳедоръ Евстафіевичъ.

увѣрялъ, что спалъ послѣ обѣда; когда же совѣтовали ему возвратиться въ Петербургъ, то заплакалъ, и это убѣдило графа Аракчеева взять его въ Москву, гдѣ и положено начало женитьбы его, впослѣдствіи совершившейся.

Теперь о случаѣ, имѣвшемъ значеніе государственное. На время высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, приказано было отправлять ежедневно изъ Петербурга бумаги съ фельдъегерями, и одинъ день съ флигель-адъютантомъ, другой же съ адъютантомъ гр. Аракчеева (для экономіи въ прогонахъ). Всѣ, привезенныя ими, депеши разбиралъ я, и слѣдующія въ собственныя Его Величества руки отдавалъ привезшему, а прочія распечатывалъ гр. Аракчеевъ. Въ числѣ первыхъ бывали листовые конверты, безъ надписи и съ странною печатью; объ одномъ изъ нихъ сказалъ мнѣ флигель-адъютантъ Маринъ, что получилъ его отъ камердинера Мельникова и что государь изволитъ знать отъ кого. Послѣ чего и не обращалъ уже я вниманія на конверты сего рода; только впослѣдствіи сказалъ объ нихъ гр. Аракчееву, который, съ усмѣшкою, отвѣчалъ: «Мельниковъ важный человѣкъ!»

По возвращеніи въ Петербургъ графа Аракчеева, около 18-го декабря 1809 г., спрашиваетъ онъ у меня, когда пришелъ я съ бумагами: «Что слышно новенькаго?» Не привыкши къ такимъ вопросамъ, я сказалъ, что ожидаютъ въ городѣ какихъ-то перемѣнъ. «Да и мнѣ графъ Румянцевъ сказывалъ, что всѣ новости въ Москвѣ готовились» — былъ отвѣтъ графа. Тутъ показалъ онъ свое малодушіе. При неограниченной власти, какую онъ имѣлъ, ему досадно было, что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино; но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ наказъ Совѣту (Государственному). Хотя, по словамъ его, онъ отзывался, что трудъ будетъ напрасенъ, ибо онъ гражданской части не знаетъ, но примѣтно было желаніе узнать то, что всѣхъ занимало. Одинъ вечеръ, государь хотѣлъ прислать за нимъ; онъ и дожидался. Но докладываютъ, что Сперанскій присланъ отъ государя. Не прошло 10-ти минутъ, какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я и не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не сталъ слушать бумагъ и приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ онъ отъѣзжаетъ. Послѣ разсказывалъ, что Сперанскій привезъ ему одно оглавленіе, дабы на словахъ разсказать существо новой организаціи; но онъ не сталъ ничего слушать и отпустилъ его съ грубостью и послалъ письмо къ государю объ отставкѣ. Тутъ припомнилъ онъ мнѣ безъименные конверты, въ Москву присыланные. Три дня проведено въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино, но 30-го декабря графъ пріѣхалъ въ столицу. Сей и послѣдующіе дни прошли въ объясненіяхъ, прочитано образованіе Совѣта и (по словамъ графа) на вопросъ государя: «чѣмъ хочешь быть,

министромъ или предсѣдателемъ»? графъ Аракчеевъ отвѣчалъ, что «лучше самъ будетъ дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку». Вечеромъ послѣ сего, 31-го декабря, государь прислалъ въ подарокъ графу пару лошадей, съ санями, что́ крайне его порадовало, ибо едва-ли не первый это случай былъ въ столицѣ.

1810 годъ. 1-го генваря 1810 г., возвратясь изъ дворца, онъ объявилъ, что сдѣланъ предсѣдателемъ военнаго департамента Совѣта и что министръ будетъ другой, почему и отказывается отъ дѣлъ нашихъ. Но какъ ошибся въ перемѣнѣ мѣста!

Около половины января объявленъ военнымъ министромъ Барклай-де-Толли. Съ первой работы удивились мы сему выбору, и по нѣсколькимъ бумагамъ, у гр. Аракчеева явившимся, по которымъ не оставилъ онъ тотчасъ призвать насъ къ себѣ, заключили, что воистину онъ дядькою будетъ Барклая. Однако же, черезъ недѣлю, все перемѣнилось: докладныя записки начали выходить съ резолюціями, рукою государя писанными, и гр. Аракчеевъ, увидѣвъ ошибку свою, началъ ѣздить чаще въ Грузино и проживать тамъ по мѣсяцу.

Хотя Барклай окружился своими людьми и стадомъ лифляндцевъ, но въ департаментѣ не было никакой перемѣны. Въ одинъ лѣтній вечеръ, получаю я записку отъ Пестеля [1]), что нужно ему увидѣться со мною. Я не былъ съ нимъ знакомъ и, наслышавшись о немъ больше дурнаго, нежели хорошаго, не зналъ, что дѣлать; однако же рѣшился поѣхать на другой день. Ласковый пріемъ, лестные отзывы на счетъ службы моей и поведенія были привѣтствіемъ Пестеля; далѣе, что онъ давно хотѣлъ познакомиться со мною и предложить службу съ нимъ, но былъ увѣренъ, что при графѣ Аракчеевѣ успѣть въ томъ нельзя. Теперь же, когда прегражденъ путь къ чину статскаго совѣтника, онъ не обинуется предложить мѣсто, не хочу ли я служить въ Сибири, и предлагаетъ потому только, что ему нужны честные люди. Пріемъ сей подѣйствовалъ на меня, какъ ударъ электрическій; въ минуту родились новыя мысли, и я потребовалъ времени на размышленіе, чтобъ посовѣтоваться съ семьей. Жена моя рѣшилась ѣхать въ Сибирь съ перваго слова, и такъ осталось узнать о кондиціяхъ. Пестель предложилъ мнѣ мѣсто губернатора въ Тобольскѣ, съ чиномъ статскаго совѣтника, я попросилъ къ тому 5.000 на подъемъ и право взять нѣсколькихъ чиновниковъ съ собою. Получивъ обѣщаніе, поѣхалъ посовѣтоваться со старыми своими командирами Вязмитиновымъ и гр. Аракчеевымъ, и принялъ ихъ одобреніе. Разсчетъ мой состоялъ въ томъ, что содержаніе сибирскаго губернатора достаточно для прожитія; пробывъ тамъ пять лѣтъ, пока дѣти

---

[1]) Ивана Борисовича, 1765–1844, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

потребуютъ воспитанія, я сохраню тѣмъ приданое Марьи Осиповны, котораго, по дороговизнѣ петербургской, уже я коснулся; наконецъ, что, получа чинъ, открою себѣ дорогу, на будущее время въ Петербургѣ. Вслѣдствіе сего я объявилъ Барклаю о намѣреніи моемъ. Хладнокровіе сего человѣка показало мнѣ, что онъ доволенъ очисткою мѣста; но когда Пестель формально запросилъ его, могу ли я быть уволенъ, то, по докладу отношенія его государю, увидѣлъ, что онъ не понималъ предмета. Съ тѣмъ же хладнокровіемъ спросилъ онъ меня, что государь желаетъ знать: отъ чего перемѣняю я родъ службы? «Отъ того,—отвѣчалъ я,—что здѣсь не могу получить чина, о которомъ не радѣлъ, хотя выслужилъ уже и лѣта». На другой день предложеніе: переименовать меня въ военные совѣтники; «я не могу быть ни провіантскимъ, ни коммиссаріатскимъ». На третій день переименовать въ полковники. «Семейство не позволяетъ мнѣ учиться военной стойкѣ, и все-таки я не буду статскій совѣтникъ», былъ отвѣтъ мой. Въ сихъ переговорахъ, Пестель нашелъ случай однажды, за столомъ у государя, гдѣ былъ и гр. Аракчеевъ, говорить обо мнѣ. Его Величество согласился на опредѣленіе. Тогда отнесся Пестель къ Козодавлеву [1]), и 26-го іюля 1810 г. состоялся обо мнѣ указъ. Только на первомъ же шагѣ я и обманутъ: вмѣсто Тобольска, опредѣлили меня въ Томскъ; вмѣсто 5.000, выдали 3.000 и открылось, что нѣтъ вакансій для чиновниковъ, которыхъ я было только двое у меня въ виду: братъ и Случевскій. Зять Пестеля, фонъ-Бринъ [2]), перешелъ изъ Томска въ Тобольскъ и ему 2.000 дано на проѣздъ. Между опредѣленіемъ симъ, выдержалъ я нервическую желчную горячку, отъ которой едва было не умеръ. За пособіе въ сей болѣзни, обязанъ я всегдашнею благодарностію доктору Гурбандту [3]).

И такъ въ 1810 г. кончилась служба моя по военному министерству, столь же неожиданно, какъ и опредѣленіе въ коммиссаріатъ, который содѣлался послѣ для меня проводникомъ въ департаментъ министерства.

Проведя два года подъ начальствомъ графа Аракчеева, я получилъ въ сіе время чрезъ него два ордена: 2-й Анны съ брильянтами и 3-го Владиміра; но онъ лишилъ меня и Биженча—4-го Владиміра, пожалованнаго за службу при Вязмитиновѣ, и не далъ чина статскаго совѣтника, зная, что скоро изданъ будетъ извѣстный указъ 1809 г., вслѣдствіе чего и поторопился произвесть Персидскаго [4]) въ коллежскіе асес-

---

[1]) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, 1752—1819, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, писатель, членъ Россійской академіи.

[2]) Францъ Абрамовичъ, позже сенаторъ.

[3]) Георгъ, 1764—1832, докторъ медицины, статскій совѣтникъ.

[4]) Алексѣй Ивановичъ, 1770—1842, позже, съ 1818 года, помощникъ статсъ-секретаря собственной Е. И. В. канцеляріи.

соры. Впрочемъ, я разстался съ нимъ (графомъ Аракчеевымъ) хорошо и во время службы не только не имѣлъ никакой непріятности, но ощущалъ особенное къ себѣ уваженіе: раза два назывался онъ обѣдать у меня и былъ доволенъ пріемомъ; нерѣдко подъѣзжалъ къ департаменту, бралъ съ собою кататься предъ обѣдомъ; я у него обѣдалъ часто, что̀ въ тогдашнее время много значило; въ Сибирь прислалъ онъ мнѣ гравированный портретъ свой и велъ со мной переписку пріятную. Но что въ свѣтѣ семъ постоянно? Впослѣдствіи онъ сдѣлался врагомъ моимъ и, Богъ свидѣтель, не знаю иной тому причины, кромѣ замѣченнаго имъ благоволенія ко мнѣ императора Александра I-го.

Въ управленіе военнымъ министерствомъ, гр. Аракчеевъ держался одного правила съ Бонапарте: все гибни, лишь бы мнѣ блестѣть. Самовластіемъ безпредѣльнымъ и строгостію, конечно, сдѣлалъ онъ много хорошаго: возстановилъ дисциплину, сформировалъ, заново можно сказать, армію, разстроенную неудачами 1805 и 1807 годовъ (неисправно и жалованье получавшую); удовлетворилъ справедливыя полковыя претензіи; учредилъ запасы и оставилъ наличныхъ денегъ, какъ помнится, 20 милліоновъ рублей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ и вредъ государству, отказавшись платить долги и опубликовавъ о томъ въ газетахъ, съ странною отговоркою, что онъ не можетъ дѣлать изъ одного рубля двухъ, подорвалъ симъ болѣе чѣмъ на 15 лѣтъ кредитъ казны и разорилъ многихъ подрядчиковъ; неумѣренное же требованіе денегъ отъ государственнаго казначейства заставило Голубцова [1]) столько выпустить ассигнацій, что серебряный рубль изъ 1 руб. 30 коп. дошелъ въ два года до 4 рублей. Униженіе Голубцова предъ графомъ Аракчеевымъ такъ было велико, что онъ подписалъ актъ, дабы всѣ начеты и взысканія какъ съ чиновниковъ, такъ и съ подрядчиковъ, передавать государственному казначейству, а военному министерству отпускать изъ онаго деньги, тотчасъ по открытіи начета. Съ смѣною графа Аракчеева бѣдный Голубцовъ немедленно отставленъ безъ просьбы, и Аракчеевъ могъ хвастать, что оставляетъ министерство въ блестящемъ видѣ! Такъ и впослѣдствіи затѣялъ онъ военное поселеніе и оставилъ его, чрезъ 9-ть лѣтъ, съ экономическимъ капиталомъ свыше 40 милл. руб. Но какъ составленъ капиталъ сей? Грабежемъ казны! Министерство финансовъ удовлетворяло непомѣрныя смѣты военнаго министерства, заключавшія въ себѣ необъятное число войскъ, давало особо деньги на поселенія и, лишась крестьянъ, въ военныхъ поселянъ обращенныхъ, лишилось дохода въ податяхъ.

Можетъ быть, политика государя, послѣ неудачныхъ битвъ съ фран-

---

[1]) Ѳедоръ Александровичъ, 1758—1829, государственный казначей, сенаторъ.

цузами и при разстройствѣ арміи, заставила избрать министромъ именно гр. Аракчеева, даже смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія его, чуждыя чувствамъ добраго Александра; и человѣкъ сей былъ ужасенъ. Г. Фокъ [1]) справедливо изобразилъ его, при пожалованіи графу Аракчееву фамильнаго герба, въ стихѣ:

Девизъ твой говоритъ, что преданъ ты безъ лести;
Скажи же мнѣ кому? коварству, злобѣ, мести!

Вотъ нѣсколько анекдотовъ о графѣ Аракчеевѣ, безъ систематическаго порядка:

По вступленіи въ военное министерство, завелъ онъ конвой: карету его, по очереди, окружали кавалергарды, лейбъ-гусары и проч., съ обнаженными саблями. Потомъ, со всѣхъ полковъ отряжаемы были къ нему ординарцы, какъ къ государю; наконецъ, и одинъ флигель-адъютантъ долженъ былъ являться на дежурство. Первоначально жребій палъ на Ставицкаго [2]), нынѣшняго сенатора, которому показалось это обиднымъ, тѣмъ болѣе, что нарядъ былъ сдѣланъ не по высочайшему повелѣнію. Отдежуривъ, онъ объяснился съ государемъ, по утру; но, по возвращеніи гр. Аракчеева изъ дворца, Ставицкій тотчасъ усланъ въ армію князя Голицына.

Никакого равенства съ собою терпѣть онъ не могъ. Корсаковъ жаловался государю на дерзкія бумаги Аракчеева и получилъ такой собственноручный отвѣтъ, что съ первою почтою прислалъ просьбу объ отставкѣ.

Графъ Буксгевденъ [3]), главнокомандующій финляндскою арміею, отставленъ за то, что партикулярнымъ письмомъ [4]) просилъ съ большею внимательностью къ правдѣ дѣлать ему замѣчанія.

Даже великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ отъ него непріятности, до мелочей. Такъ, напр., въ одинъ праздникъ графъ Аракчеевъ никого не принималъ, и адъютантъ записывалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ книгу, которую на другое утро представлялъ графу. Увидя въ

---

[1]) Михаилъ Максимовичъ, позже директоръ канцеляріи III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, † въ 1831 году. См. „Петербургское общество при вступленіи на престолъ императора Николая по донесеніямъ М. М. Фока“ въ Русск. Старинѣ», XXXII, 163.

[2]) Максимъ Ѳедоровичъ, 1778—1841, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, 1750—1811, отличившійся въ роченсальмскомъ бою, комендантъ Варшавы, петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-инфантеріи, возведенный въ 1795 году прусскимъ королемъ въ графское достоинство. См. «Русскую Старину», XXXIX, 585.

[3]) Извѣстное письмо отъ 13 сентября 1809 г., составленіе котораго приписывали Гавердовскому. Богдановичъ, «Имп. Александръ II», 391, 9.

ней, что являлась въ 11-ть часовъ съ поздравленіемъ конная гвардія, съ шефомъ своимъ, онъ отмѣтилъ резолюцію: «Объявить, что военный министръ одинъ, такъ могли бы раньше пріѣхать». Подобныхъ чудесъ много въ адъютантскихъ книгахъ и на подлинныхъ бумагахъ.

Одинъ чиновникъ коммиссаріатскій умеръ въ Финляндіи, на гауптвахтѣ, гдѣ содержался по личному приказанію графа Аракчеева. На рапортѣ о томъ коменданта резолюція: «вѣчная память—однимъ мошенникомъ меньше». На сенатскомъ указѣ о производствѣ чиновниковъ за выслугу лѣтъ резолюція: «Поздравляю; чиновъ прибавилось, да прибавится ли ума и способности?»

Власть его была неимовѣрна: въ крѣпости сажалъ безъ доклада государю. При мнѣ призванъ былъ егерскій шефъ, помнится, полковникъ Жилка, и разруганъ за то, что при полку нашелъ графъ Аракчеевъ множество чухонскихъ подводъ. Объясненія Жилки, что полкъ его новый, что онъ выступилъ съ двумя ротами изъ Сибири, формировалъ его, не останавливаясь, на маршѣ до Нѣмана, а оттуда тотчасъ по прибытіи, обращенъ въ Финляндію, обоза же не могъ онъ строить на походѣ, но заказалъ въ Москвѣ, который, вѣроятно, и готовъ теперь, въ такое привели изступленіе графа Аракчеева, что онъ, не помня себя, закричалъ: «Ты еще разговорился: нѣтъ, братъ, не старая пора; я царю сказалъ, что я за все отвѣчаю и чтобъ онъ въ мелочи не мѣшался; да и покамѣстъ буду отвѣчать, не одну шкуру съ васъ сдеру, ты сгніешь прежде у меня въ крѣпости, чѣмъ царь узнаетъ»—и съ симъ словомъ, обратясь къ адъютанту, графу Апраксину, сказалъ: «Отведи его въ крѣпость, а оттуда ступай въ Измайловскій полкъ, возьми обозъ, и чтобъ полкъ проходилъ чрезъ городъ съ своимъ обозомъ; а Измайловскій полкъ получитъ деньги на счетъ этого командира татарской орды!» Все въ одну ночь и исполнено.

Правившій въ Саратовѣ должность губернатора, Панчулидзевъ, въ указѣ названъ былъ по ошибкѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Покровительствовавшій его товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ, воспользовался симъ и, подъ предлогомъ, что царь не ошибаются, поднесъ указъ о производствѣ; графъ Аракчеевъ, узнавъ о семъ отъ государя, тотчасъ поднесъ другой указъ, въ замѣну прежняго, съ названіемъ Панчулидзева статскимъ совѣтникомъ, послалъ фельегеря въ Саратовъ размѣнять указы и тѣмъ кончилъ недоумѣніе.

По удачномъ переходѣ Ботническаго залива, когда рѣшено возвратиться въ Або, и князь Багратіонъ пришелъ на Аландъ за приказаніемъ, графъ Аракчеевъ встрѣтилъ его поздравленіемъ съ чиномъ генерала отъ инфантеріи; а ко мнѣ обратясь сказалъ: «Вотъ Василій Романовичъ и приказъ заготовитъ къ пріѣзду государя о производствѣ васъ Барклая, которому можете послать (за 600 верстъ) и поздравить заранѣе».

Въ самомъ дѣлѣ, по пріѣздѣ государя въ Або, тотчасъ приказъ объявленъ, а главнокомандующій Кнорринг удалился послѣ сего изъ арміи въ деревню.

Врожденному честолюбію и властолюбію гр. Аракчеева много способствовало и баловство. Ростовскому полку велѣно называться его именемъ, потомъ бить барабанъ, когда онъ идетъ или ѣдетъ; подарена царская яхта, содержаніе которой въ Грузино стоило адмиралтейству столько же, какъ бы она за границею находилась. Все это давалось потому, что гр. Аракчеевъ не принималъ ни фельдмаршальскаго сана, ни Андреевскаго ордена. Повторяю: онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ быть равнымъ.

Льстецовъ и сродниковъ жаловалъ онъ и награждалъ; но, прогнѣвавшись, мстилъ имъ наравнѣ съ другими. Полковникъ Тишинъ сердечный былъ другъ его, за языкъ, но по выходѣ графа Аракчеева изъ министерства, проговорился, что «онъ не понялъ образованія совѣта 1810 г., которое подмыло его, какъ крѣпкій дубъ водопольемъ». Это дошло до гр. Аракчеева, и онъ таился два года, но въ 1812 г., взявъ опять силу, такъ наложилъ руку, что нѣсколько представленій кн. Барклая-де-Толли о производствѣ Тишина въ генералъ-маіоры и о наградѣ орденомъ 3-го Георгія остались безъ дѣйствія; послѣ и при отставкѣ даже не дано чина. Генералъ-маіоръ Бухмейеръ, указавшій нѣкогда дорогу Аракчееву въ Гатчино и заплаченный имъ за то впослѣдствіи, былъ друженъ съ нимъ до униженія (осматривая каждое утро конюшни и кухню) и, по окончаніи французской войны, употребленъ по новгородскому воевному поселенію. Тогда не было еще ни комитета, ни совѣта, ни штаба по сей части, и все дѣлалось по-домашнему. Но огромность затѣй и издержекъ, и страхъ, что выйдетъ изъ мужиковъ, цѣлыми волостями обученныхъ военному ремеслу, избавленныхъ отъ податей и еще получающихъ отъ казны не только для себя и дѣтей обмундировку, но дома, какъ дачи устроенные, привели Бухмейера въ недоумѣніе: онъ прикинулся, или въ самомъ дѣлѣ началъ бредить о бѣдѣ и отвѣтѣ, и отпущенъ съ большимъ содержаніемъ для излѣченія. Проживъ года три въ Орловской деревнѣ своей и думая, что съ новымъ устройствомъ штаба, комитета и прочаго, разстался онъ навсегда съ военнымъ поселеніемъ и числится по артиллеріи, только-что пріѣхалъ съ женою въ Петербургъ, дня за два до Петергофскаго праздника, какъ гр. Аракчеевъ узнаетъ о томъ и о добромъ здоровьи Бухмейера, и присылаетъ въ обѣдъ, 21 іюля, полиціймейстера Чихачева съ высочайшимъ повелѣніемъ: выслать Бухмейера съ женою въ Чугуевъ (гдѣ было также военное поселеніе), сопроводить до первой станціи и, въ самый праздникъ 22 іюля, отрапортовать объ исполненіи, такъ рано, пока гр. Аракчеевъ еще не пойдетъ во дворецъ.

Барклая возненавидѣлъ онъ съ той поры, какъ, сверхъ ожиданія своего, увидѣлъ его утвердившимся на постѣ министра и пользующимся довѣренностію царя и всею помпою, изобрѣтенною гр. Аракчеевымъ лично для себя. Удаленіе Барклая изъ арміи послѣ Бородинскаго сраженія успокоило духъ ненависти къ нему гр. Аракчеева, и онъ безстыдно разсказывалъ мнѣ, какъ пріѣзжему изъ Сибири, при гостяхъ, за обѣдомъ или за чаемъ, о неспособности Барклая, гордости и вмѣстѣ подчиненности женѣ, жадности къ деньгамъ, такъ что содержаніе его, какъ министра, было въ 80 тыс. и проч. Но неожиданное возстаніе Барклая опять раскрыло характеръ графа Аракчеева. По назначеніи его, на мѣсто Чичагова [1]), главнокомандующимъ той арміи, которая шла осаждать Торунь, онъ пріѣхалъ въ началѣ 1813 г. на почтовыхъ изъ Эстляндіи въ Плоцкъ, чтобы представиться государю. Небольшой разоренный этотъ городокъ заваленъ былъ постоемъ, по случаю переправы чрезъ Вислу, и Барклай, на сутки только пріѣхавшій, рѣшился не хлопотать о квартирѣ, а остановившись на почтовомъ дворѣ, пошелъ во дворецъ, гдѣ и приглашенъ былъ къ обѣду. Пользуясь остающимся до того временемъ, старикъ побрелъ явиться къ кн. Кутузову и гр. Аракчееву; но Аракчеевъ, жившій за версту отъ дворца, завидѣвъ въ окно Барклая, идущаго по грязи, пѣшкомъ, не сказался дома. Въ слѣдъ затѣмъ велѣлъ принести изъ придворной кухни три блюда; и я, работавшій съ нимъ утро и вечеръ, приписалъ все это занятіямъ, никакъ не предполагая, чтобы онъ остался обѣдать дома, единственно избѣгая встрѣчи съ Барклаемъ. Старикъ, получивъ приказанія государя и откланявшись, притащился опять вечеромъ къ гр. Аракчееву, но онъ отозвался больнымъ; нечего дѣлать: остался ночевать и въ 7-мъ часу утра явился въ шарфѣ, какъ объяснилось послѣ, съ просьбою доложить государю о назначеніи ему столовыхъ денегъ. Вотъ ужъ натѣшился гр. Аракчеевъ: заставилъ ждать въ комнатѣ, гдѣ одинъ лакей чистилъ сапоги, а другой разливалъ чай; потомъ вышелъ въ шлафрокѣ, извиняясь, что, отвыкнувъ отъ визитовъ, особливо такихъ раннихъ, онъ неодѣтъ, да и не очень здоровъ, не попросилъ садиться, а выслушавъ просьбу, отозвался, что это не по его части, ибо онъ секретарь государя, не больше, и пишетъ только то, что ему прикажутъ. Барклай, уѣзжая изъ Плоцка, писалъ, однако, письмо, чтобы доложилъ государю о столовыхъ, и гр. Аракчеевъ, возвратясь съ докладами, сказалъ мнѣ, что назначено 12 тыс. Я заготовилъ рескриптъ министру финансовъ объ ассигнованіи сей суммы серебряною монетою, какъ слѣдовало за границею; но на другой день, получа Аракчеевы доклады и указы, удивился, что въ рескриптѣ слово «серебромъ»

[1]) Павла Васильевича, 1762—1849, авторъ «Mémoires inédits de Tchitchagoff». Paris, 1837.

пропущено. Спрашиваю кантониста, при немъ бывшаго, Леонова, и узнаю, что графъ Аракчеевъ приказалъ ему переписать въ такомъ видѣ присланный мною рескриптъ. Мщеніе гнусное! Когда Барклай поступилъ на мѣсто Кутузова, то самъ докладывалъ и получилъ серебромъ; но государь отнесъ это къ ошибкѣ своей канцеляріи.

Оправясь отъ болѣзни, готовился я въ дорогу, дабы успѣть до зимы въ Томскъ. Наконецъ, распродавъ ненужныя вещи и заведясь экипажами, пустились 20-го августа 1810 г. въ дорогу всѣмъ домомъ. Жена, двѣ старшія дочери, третья Лиза двухъ мѣсяцевъ, съ кормилицею и мамка были въ каретѣ; я съ нѣмкою въ коляскѣ; братъ ѣхалъ самъ по себѣ, впереди, для заготовленія лошадей; двѣ женщины въ особой кибиткѣ, да четверо было мужчинъ и сибирскій казакъ. Благодареніе Богу, не взирая на всѣ препятствія отъ осенняго времени, мы достигли Томска, 20-го октября, всѣ здоровыми. Въ пути имѣли отдыхи: однѣ сутки въ Чудовѣ (чтобы съѣздить оттуда проститься съ гр. Аракчеевымъ), двое сутокъ въ Твери (у Юрченки), трое сутокъ въ Москвѣ, однѣ сутки подъ Владиміромъ (за лошадьми), однѣ сутки въ Нижнемъ (за кибиткою), трое сутокъ въ Казани, двое сутокъ на заводѣ Шаховской (для починки коляски), трое сутокъ въ Ревдѣ (у Зеленцовыхъ), и недѣлю на Иртышѣ. Слѣдовательно, не съ большимъ въ мѣсяцъ проѣхали 4.500 верстъ.

Первые мѣсяцы, занявшись со всѣмъ усердіемъ новою службою, не примѣтилъ я скучной жизни въ Томскѣ; но впослѣдствіи сдѣлалась она непріятною и переписка съ генералъ-губернаторомъ становилась горячѣе время отъ времени. Мнѣ крайне было больно замѣчать родъ какого-то подозрѣнія на дѣйствія, гдѣ все вниманіе обращено было со стороны моей, чтобы откупщики не обманывали правительство, и я, отправивъ письмо къ Пестелю, въ такомъ смыслѣ, что его сбиваетъ кто-нибудь, что честному человѣку больно заниматься оправданіями, и что лучше бы ему сдѣлать повѣрку на мѣстѣ всѣмъ тремъ губерніямъ, изъ коихъ по одной только моей никто его не бранитъ, не злословитъ— предупредилъ жену, что не останусь долго въ Сибири, и началъ заранѣе запасаться бричками, вмѣсто бывшихъ прежде кибитокъ, задерживавшихъ меня въ дорогѣ.

Ласковыя письма Пестеля были уже для меня неимовѣрны. Я все держалъ себя на той ногѣ, чтобы, при первой непріятности, бросить службу и чтобы ни съ какой стороны нельзя было сдѣлать ко мнѣ привязки, какъ началась война съ французами, и особенныя попеченія, по должности моей востребовавшіяся, заставили забыть свою личность. Назначенный сборъ рекрутъ остановилъ отъѣздъ мой по губерніи; при-

сутствіе должно было открыться въ сентябрѣ, и я цѣлое лѣто отдѣлывалъ госпитальный садъ, для гулянья, и устроилъ въ немъ огромную бесѣдку, при входѣ въ которую посадилъ два кедра, на тридцати лошадяхъ привезенные. Обязанъ будучи, по должности, дать праздникъ 30-го августа, я назначилъ обѣдъ въ новой бесѣдкѣ и распорядился, чтобы сей садъ, съ рѣшеткою, великолѣпно былъ иллюминованъ, пригласивъ на вечеръ всѣхъ безъ разбора на гулянье; и похвастаюсь, что въ сей вечеръ Томскъ увидѣлъ гуляющихъ татарокъ, бывшихъ до того въ заперти.

Я велѣлъ разбудить себя въ 6 часовъ утра, чтобы похозяйничать, принять чиновниковъ, съѣздить въ церковь и послѣ заняться угощеніемъ цѣлый день и ночь, и, разумѣется, съ сею мыслью заснулъ не скоро и спалъ дурно, какъ начинаютъ уже будить. Смотрю на часы— вижу 5-й, и думаю, что человѣкъ ошибся; но онъ докладываетъ, что курьеръ пріѣхалъ. Выхожу тотчасъ въ кабинетъ и, Боже праведный! какое принесу Тебѣ благодареніе? Хотя курьеръ изъ Тобольска, но онъ смѣнилъ петербургскаго и привезъ указъ, чтобы, сдавъ должность, немедленно слѣдовалъ я въ мѣстопребываніе государя, для особыхъ порученій. На проѣздъ дано мнѣ 5.000 руб. и въ то же время пожалованъ я въ дѣйствительные статскіе совѣтники; а гр. Аракчеевъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы я узналъ дорогою о мѣстопребываніи государя и слѣдовалъ туда, сколь можно поспѣшнѣе. Итакъ, опять неожиданная со мною перемѣна, опять покровительство Божіе!

Передъ тѣмъ только доставлены 6.000 руб., взысканные съ Нарышкина [1]), 5.000 руб. еще пожаловано на проѣздъ; можно сказать, что праздникъ нашъ 30-го августа сдѣлался и богаче и веселѣе. Одна лишь жена плакала отъ радости и отъ печали, ибо не могла ѣхать со мною и потому уже, что за наводненіемъ Россіи непріятелемъ не зналъ бы я, гдѣ оставить семейство.

Въ четыре дня, сдавъ должность и отслуживъ молебенъ, пустился я въ дорогу 5-го сентября. Тутъ только увидѣлъ, сколь любимъ я былъ въ губерніи. 200 верстъ провожали меня чиновники, и купечество угощало на двухъ станціяхъ. Наконецъ, 7-го числа, распрощавшись въ Чаусскомъ, благополучно переѣхалъ Обь и Иртышъ, и 14-го сентября пріѣхалъ въ Тобольскъ, сдѣлавъ лишній даже крюкъ, чтобы видѣть сей городъ въ первый и послѣдній разъ.

Отобѣдавъ 15-го числа у губернатора фонъ-Брина, доѣхалъ я, не останавливаясь, до Екатеринбурга и долженъ былъ прожить въ немъ двое сутокъ, въ ожиданіи почты, ибо предыдущая ничего не привезла

---

[1]) Александръ Львовичъ, 1760 –1826, оберъ-камергеръ, канцлеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ.

изъ Москвы, и сомнѣніе было, не занята ли уже столица сія непріятелемъ. Какъ и со второю почтою ничего получено не было, то рѣшился я пуститься въ Пермь, чтобы, судя по тамошнимъ вѣстямъ, или продолжать путь на Казань, или ѣхать въ Вологду. Въ Перми заѣхалъ я прямо къ почтмейстеру Красикову, почтенному старику, угощавшему меня въ первомъ пути; но онъ также, бывъ въ недоумѣніи, совѣтовалъ мнѣ остаться на сутки, пока придетъ московская почта. Вечеромъ за чаемъ, привезли Сперанскаго, и я тотчасъ просилъ къ себѣ частнаго пристава [1]), его привезшаго. По секрету сказалъ онъ мнѣ, что Москва со 2-го сентября въ рукахъ непріятеля, и что онъ посланъ графомъ Толстымъ [2]) изъ Нижняго, гдѣ новыя формируютъ силы. По утру, повидавшись съ губернаторомъ Гермесомъ [3]), старикомъ не мудрымъ и трусливымъ, поѣхалъ я прямо въ Казань, въ которой не только не нашелъ квартиры, но и на улицахъ не было мѣста отъ людей, бѣгущихъ отъ непріятеля. Отобѣдавъ у почтдиректора, на вечеръ пустился я въ путь и на первыхъ станціяхъ имѣлъ большія затрудненія отъ Сената и Оружейной палаты, подводами которыхъ и дороги и поля заняты были; но въ ночь на 1-е октября прибылъ въ Чебоксары. День сей памятенъ мнѣ потому, что кузнецъ не брался починить къ утру брички моей, и я просилъ помощи у городничаго Брежинскаго, прекраснаго человѣка, умнаго и давшаго мнѣ идею о внутренней стражѣ, вновь заведенной, послѣ чего не имѣлъ онъ въ распоряженіи своемъ ни души, которую бы послать могъ за кѣмъ-нибудь. Позавтракавъ у него, 1-го октября прибылъ благополучно въ Нижній и остановился у предсѣдателя Юрьева; другой квартиры я здѣсь не нашелъ бы, ибо многія присутственныя мѣста изъ Москвы туда прибыли, равно какъ и арестанты изъ московскаго острога. Здѣсь формировалъ войска князь Лобановъ-Ростовскій и ополченіе—гр. Толстой; тутъ же были и шары, которыми занимался Ростопчинъ. Никогда не забуду я сего пути. Вся дорога отъ Казани до Нижняго уподоблялась петербургскому празднику: ни одного угла не было пустаго и 5 руб. стоило добиться горячей воды для чаю.

По самой дурной дорогѣ добрался я до Костромы и не имѣлъ тутъ лошадей, потому что фельдъегерскій офицеръ (Штосъ, помнится) забиралъ 70 лошадей подъ какого-то мнимаго Шмита, съ швеями, который хотѣлъ воевать на аэростатѣ, въ томъ же обозѣ везомомъ для окончанія въ Ораніенбаумѣ [4]).

---

[1]) Шипулинскаго.

[2]) Сергѣемъ Васильевичемъ, нижегородскимъ вице-губернаторомъ.

[3]) Богданомъ Андреевичемъ, позже сенаторомъ.

[4]) Настоящая фамилія его, скрываемая будто бы отъ Наполеона, была Леппихъ. Въ Ораніенбаумѣ работалъ онъ во дворцѣ, по секрету, и государь

Выпросивъ у Штоса лошадей, чтобы не мѣшалъ мнѣ впереди,— пріѣхалъ я на ночь въ Ярославль, гдѣ все уложено было и лошади стояли въ хомутахъ. Почтмейстеръ, старикъ, напуганный трусъ, не могъ дать мнѣ никакого совѣта. Угощенный чаемъ, въ видѣ откровенности, онъ сказалъ только, что нѣсколько разъ въ день сочиняются у великой княгини Екатерины Павловны бюллетени, что ихъ свободно ходятъ всѣ читать во дворецъ, но не вѣрятъ имъ, ибо все изъ дворца вывезено и для великой княгини стоятъ лошади въ хомутахъ, тогда какъ бюллетени успокоиваютъ каждаго; что приходящіе изъ уѣздовъ безпрестанно говорятъ о появленіи въ ихъ мѣстахъ французовъ, и что, по сегодняшнимъ вѣстямъ, одна непріятельская колонна пошла къ Рыбинску.

Мнѣ двѣ дороги предлежали изъ Ярославля: чрезъ Рыбинскъ и Тихвинъ, по которой девять сутокъ фельдъегеря ѣхали; и другая, вновь проложенная, чрезъ Бѣжецкъ на Вышній-Волочекъ. Не добившись ничего отъ ярославскаго почтмейстера, сѣлъ я въ бричку свою въ 11 часовъ ночи, и, въ упованіи на Бога, ни слова не сказалъ ямщику, по какой дорогѣ ѣхать. Въ теченіе ночи, изломались двѣ оси, и кое-какъ утромъ добрался я до деревни. Вхожу въ избу и съ удивленіемъ вижу, что парикмахеръ чешетъ какого-то дюжаго мущину. Попотчивавъ его чаемъ, узнаю, что я на новопроложенной дорогѣ, и что чопорный мой баринъ есть дворянинъ, ускользнувшій отъ ополченія и избравшій себѣ должность станціоннаго смотрителя; похвалился онъ при томъ, что у него 300 душъ... Вѣсти, имъ сообщенныя, состояли въ томъ, что ночью прибѣжала внутренняя стража изъ ближняго города, и что въ Рыбинскѣ непріятель, слѣдовательно, дорога и назадъ мнѣ отрѣзана. День насталъ прекраснѣйшій и рѣшилъ меня пуститься впередъ, ибо, встрѣтясь съ непріятелемъ, надѣялся я уйти на эту же станцію. Встрѣчные на дорогѣ подтвердили, что непріятель точно подходилъ къ городу (кажется, Бѣжецку), но, увидя, что жители не разо-

---

нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нему изъ Петербурга. Въ исходѣ ноября назначилъ онъ день, въ который прилетитъ въ 7 часовъ вечера въ Таврическій садъ. Послали туда фельдъегеря и адъютанта гр. Аракчеева, Тизенгаузена, чтобы первый тотчасъ скакалъ сюда, коль скоро шаръ поднимется, а послѣдній прилетѣлъ бы вмѣстѣ съ Шмитомъ. Въ ожиданіи фельдъегеря, государь и Аракчеевъ сидѣли одѣты; но въ 8 часовъ пріѣзжаетъ Тизенгаузенъ и доноситъ, что шаръ лопнулъ, прежде, чѣмъ поднялся. Былъ ли Шмитъ неудачный мастеръ, или шарлатанъ (по мнѣнію гр. Аракчеева), я не знаю, только много взялъ денегъ. При отъѣздѣ изъ Петербурга, мы передали его на руки канцлера гр. Румянцова; въ 1814 г. проявился онъ въ главной квартирѣ, около Труа, и исчезъ. Съ той поры не слышалъ я уже ни объ немъ, ни о томъ, куда дѣвался шаръ». О Франціи Лепинѣ и его воздушномъ шарѣ см. «Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи» выпуски I и II. Ред.

шлись, воротился ночью къ Дмитрову. На другой станціи встрѣтилъ я толпу французовъ, но плѣнныхъ, сопровождаемыхъ бабами, подъ командою Измайловскаго унтеръ-офицера, который увѣдомилъ меня, что на пути моемъ къ Угличу одинъ страхъ, а непріятеля вовсе не было. Прибывъ въ Угличъ, въ полночь, нашелъ я ополченіе Ярославское, со всею строгостью занявшее посты по улицамъ и переправы. Должно отдать всю справедливость тогдашнему распоряженію: мужики, отъ сохи взятые, дворовые люди, унтеръ-офицерами наименованные, только-что на ночь пришли въ городъ, на мостовыхъ и въ полѣ расположились бивуаками и, соблюдая тишину, превѣжливо разспрашивали меня и смотрѣли подорожную. Даже дисциплина замѣчена мною.

Изъ Углича, безъ дальныхъ уже хлопотъ, выбрался я на большую Московскую дорогу, въ Волочекъ, и безпрепятственно прибылъ въ обѣденное время 23-го октября, въ Петербургъ.

Остановясь въ Демутовомъ трактирѣ, тотъ же вечеръ навѣстилъ Случевскаго и Жеванова, а по утру явился съ графу Аракчееву, который объявилъ, чтобы въ воскресенье (дня черезъ два) представился я государю.

Съ самаго пріѣзда моего начали приходить пріятныя вѣсти. Тотъ же самый вечеръ иллюминація возвѣстила взятіе Полоцка, а послѣ извѣстно, какими главными побѣдами ознаменовались послѣдніе мѣсяцы 1812 года.

Представившись государю, удостоился я лестнаго отзыва на счетъ службы моей и разговора о дѣлахъ иркутскихъ; заключеніе же состояло въ томъ: «Я выписалъ тебя въ помощь графу Алексѣю Андреевичу (Аракчееву). Теперь у насъ дѣла много; трудись съ нимъ».

3-го ноября, для умноженія содержанія моего, зачисленъ я въ Государственный Совѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря, что̀ прибавило 3.000 р. жалованья. Работы, дѣйствительно, столько было, что ночи лишь оставались мнѣ для отдыха. Въ одинъ день оканчивались вступавшія бумаги; по нѣскольку курьеровъ пріѣзжало изъ арміи и отъѣзжало въ сутки. Бумагъ вступало и по военной части, и по министерствамъ множество, въ томъ числѣ на иностранныхъ языкахъ; а помощниковъ у меня было только два: Танѣевъ [1]) (больше для переводовъ) и Немировскій да три человѣка писцовъ кантонистовъ. Неутомимое усердіе вознаградило, однако, недостатокъ въ людяхъ. Государь также изволилъ множество писать бумагъ собственноручныхъ; черновой указъ, какъ бы измаранъ ни былъ, въ томъ самомъ видѣ, посылаемъ былъ Его Величеству, перемарывался и опять отправляемъ былъ къ подписанію. Отъ

[1]) Александръ Сергѣевичъ, 1785—1866 гг., позже статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта.

сего, тысячи бумагъ во время войны писаны моею рукою, прямо набѣло, чтобы не останавливаться перепискою. Такъ прошло время до 6-го декабря 1812 года, когда, безъ дальнихъ пріуготовленій, изволилъ государь отправиться къ арміи, въ Вильно. 7-го числа ночью отправилась и канцелярія, получившая съ сей минуты названіе Собственной Его Императорскаго Величества. На разсвѣтѣ 12-го декабря прибылъ я въ Вильно. При отъѣздѣ изъ столицы, даны всѣмъ деньги на подъемъ, и я получилъ 3.000 руб. асс.

Мѣста отъ Невеля были всѣ разорены; здѣсь взята была прямая линія къ Вильнѣ; выставлены артиллерійскія лошади, и среди жестокихъ морозовъ, ѣхали мы по трупамъ отъ самаго Полоцка! Не говорю объ ужасахъ, на пути семъ бывшихъ, и что случалось, вмѣсто скамейки, садиться за столъ на мертвыхъ, прикрытыхъ соломою; цѣлыя книги наполнены этою картиною бѣдствія французовъ!

Четырнадцать дней работали мы въ Вильнѣ такъ же, какъ въ Петербургѣ, имѣя прегнусную, холодную квартиру, и такую оттепель, что по колѣно въ водѣ переходить должно было улицу къ графу Аракчееву, а ночью возвращался я всегда по лѣстницѣ, устланной мертвыми французами, которые въ безсиліи обыкновенно искали мѣста подъ воротами, или по лѣстницамъ, чтобы умереть спокойно. Наконецъ, прибылъ изъ Великихъ Лукъ лѣтній обозъ государя, съ флигель-адъютантомъ Альбединемъ [1]); экипажи получили назначеніе, и на третій день праздника Рождества Христова объявленъ походъ.

Разоренными селеніями дошли мы до Меречи, и канцелярія досталась квартира въ кляшторѣ, на берегу Нѣмана, гдѣ оставалось двое стариковъ-бернардиновъ, полунагихъ и безъ пищи. Цѣлую ночь не дали мнѣ спать глухіе звуки, похожіе на то, какъ будто что отваливалось отъ строенія; по утру вижу въ огородѣ подъ окнами мертвыя тѣла. Любопытство повело меня по огромной парадной лѣстницѣ во второй этажъ кляштора, и я съ ужасомъ отступилъ, увидя залы, набитые французами мертвыми и полуживыми, грызущими своихъ сосѣдей. На повѣрку вышло, что бернардины выбрасываютъ изъ оконъ тѣхъ, которые кое-какъ выползутъ въ корридоръ и заграждаютъ проходъ. Это были несчастные больные, брошенные безъ призора, безъ пищи, а бернардины наканунѣ только пришли и сами въ кляшторъ. Государь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ подать помощь, кому можно. Цѣлый казачій полкъ употребленъ былъ на очистку комнатъ; въ сутки болѣе 300 труповъ вынесено было изъ кляштора и опущены въ Нѣманъ; столько же оставалось неиспустившихъ еще духъ, но сомни-

---

[1]) Барономъ Петромъ Семеновичемъ, 1770—1830 гг.; позже оберъ-гофмейстеръ.

тельно, увидѣлъ ли кто изъ нихъ отеческій кровъ, ибо не помнили они и того даже, какъ давно не ѣли!

Въ Вильнѣ поручено было генералу Эртелю [1]) очистить городъ отъ труповъ и сжечь ихъ. На площади стоитъ огромный костелъ, который нашли заваленнымъ до такой степени, что двери не отворялись, и надобно было изъ оконъ купола выбрасывать тѣла. Послѣ узнали, что госпитальные чиновники, корыстуясь деньгами, положенными по штату на погребеніе, изобрѣли такое средство: сколять умершую свою братію до весны, чтобы, съ открытіемъ рѣки, пустить ихъ въ море однимъ пріемомъ.

1-го января 1813 г. послѣ молебствія, перейденъ Нѣманъ, а въ первыхъ числахъ января главная квартира расположилась въ Калишѣ. Въ сіе время познакомился я съ походною жизнью и пріучилъ себя къ будущимъ недостаткамъ и неудобствамъ въ пути. Содѣйствіемъ Безроднаго [2]), фельдмаршалъ Кутузовъ поравнялъ содержаніе наше съ интендантскими чиновниками, и отъ сего времени были мы уже съ деньгами.

Мои соображенія о войнѣ 1812 года.

Эпоха отечественной войны описана въ множествѣ книгъ; но справедливость ихъ отношу я единственно къ битвамъ и числу войскъ, а за остальное не держу пари ни рубля. Послѣднее сочиненіе генерала Михайловскаго-Даниlевскаго, которому, по высочайшей волѣ, открыты были всѣ архивы, должно быть вѣрнѣе прочихъ; только я, грѣшный, при полномъ уваженіи къ достоинствамъ и уму Александра Ивановича, не полагаюсь на правдивость его, видя, что онъ выставляетъ себя (примѣч. черезъ 20 лѣтъ) какимъ-то близкимъ дѣйствующимъ лицомъ у фельдмаршала Кутузова и императора Александра; и болѣе, что онъ чрезчуръ ужь льститъ нѣкоторымъ вельможамъ, играющимъ теперь важныя роли—отчего и звѣзды получаетъ за книги и о фрейлинствѣ дочерей своихъ говоритъ, какъ объ обстоятельствѣ, зависящемъ отъ него: «сегодня представлю, и фрейлина!» Мнѣ доподлинно извѣстно, что до 1830 г. не былъ онъ фаворитомъ ни князя Петра Михайловича Волконскаго, ни графа Александра Ивановича Чернышева; даже чрезъ меня искалъ у послѣдняго изъ нихъ, чтобы назначили его въ турецкую армію. Отъ чего же съ изданія книжекъ явилась со стороны ихъ такая протекція? А на счетъ 1812—1815 годовъ скажу, что въ 1812 г. вступилъ Михайлов-

[1]) Ѳедору Ѳедоровичу, 1768—1825.
[2]) Василія Кирилловича, сенатора.

ский-Данилевскій [1]) въ ополченіе и былъ зачисленъ въ канцелярію главнокомандующаго такъ же, какъ В. А. Жуковскій и другіе милиціонеры, не знавшіе военной службы. Въ одно сраженіе, примкнувъ къ толпѣ, ѣздившей за Коновницынымъ, раненъ въ ладонь пулею [2]), а весною 1813 г. переименованъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ армейскій чинъ и послѣ переведенъ въ квартирмейстерскую часть. Въ слѣдъ затѣмъ князь Кутузовъ-Смоленскій скончался. Спрашивается: когда же и отъ чего могъ быть Данилевскій, молодой мальчикъ, близкимъ къ Кутузову, у котораго были Коновницынъ, Толь, Безродный, Фуксъ, Скобелевъ и другіе, каждый по своей части?

Весь 1813-й годъ и до вступленія нашего въ Парижъ Данилевскій былъ въ канцеляріи князя П. М. Волконскаго, которою управлялъ полковникъ Селявинъ; на Вѣнскомъ конгрессѣ и до вторичнаго пріѣзда въ Парижъ (Данилевскій) находился при князѣ Волконскомъ по дворцовой части, завѣдывая расходомъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей; да и въ 1816 году былъ не больше, какъ капитанъ. По этимъ должностямъ и чинамъ можно судить о хвастовствѣ Михайловскаго-Данилевскаго.

Не мое дѣло описывать войну 1812 г., а разскажу, что видѣлъ и слышалъ я, по возвращеніи моемъ изъ Сибири.

Петербургъ нашелъ я въ болѣзненномъ какомъ-то состояніи; лица мрачныя и на улицахъ полная тишина. Иначе и быть не могло: еще не перестало навѣвать пепломъ изъ Москвы, войска въ походѣ, много статскихъ чиновниковъ пошло въ ополченіе, всѣ послы, кромѣ англійскаго, оставили Россію, французская труппа распущена, Большой театръ сгорѣлъ и оставался одинъ только маленькій деревянный. Эрмитажъ, библіотеки, ученые кабинеты и дѣла всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вывезены водою на сѣверъ, чѣмъ воспользовались и служащіе, присоединивъ свои ящики къ казеннымъ, такъ что у графа Аракчеева, напр., было въ домѣ не болѣе трехъ ложекъ. Затѣмъ всѣ жили, по пословицѣ, на мази: кто могъ, держалъ хотя пару лошадей, а прочіе имѣли на-готовѣ крытыя лодки, которыми запружены были каналы. Закрытіе банка и ломбарда, съ пресѣченіемъ присылки доходовъ изъ деревень, сдѣлало то, что монетный дворъ не успѣвалъ перечеканивать въ монету приносимыхъ сервизовъ. О званыхъ обѣдахъ и помину не было. Грустное

---

[1]) Онъ очутился за границею, съ дѣтьми гр. Заводовскаго. Походъ Наполеона въ 1812 году заставилъ Данилевскаго оставить университетъ и ѣхать въ Россію. Прибывъ въ Петербургъ, опредѣлился въ министерство финансовъ; но вскорѣ послѣ того поступилъ, по сдѣланному правительствомъ воззванію, въ ополченіе.

[2]) Въ одно время раненъ и почтамтскій чиновникъ (теперь дѣйст. стат. совѣт.) Доливо-Добровольскій—доказательство, что и статскіе толпились безъ надобности около Коновницына.

это положеніе дѣлъ, неизвѣстность о будущемъ и самое осеннее время раздирали сердце добраго Александра. Какъ будто убѣгая людей, жилъ онъ до ноября на Каменномъ острову, и графъ Аракчеевъ едва могъ отдѣлываться отъ приглашеній императрицы Маріи Ѳеодоровны къ обѣду, зная, что она станетъ любопытствовать, и ему придется или лгать, или невѣжливо отмалчиваться и пожимать плечами. Не хотѣли даже, чтобы знали о пріѣздѣ курьеровъ изъ арміи, и ихъ направляли отъ шлахбаума по Лиговкѣ во дворъ графа Аракчеева; здѣсь отбирались депеши, а курьеровъ отдавали на руки командиру фельдъегерскаго корпуса Касторскому, жившему въ домѣ, гдѣ теперь выстроенъ штабъ военныхъ поселеній. Тутъ жили они сутки и двое, а иногда отправляемы были и обратно, не видавъ города, чтобъ не болтали. Изъ этого смѣшные бывали анекдоты, а однажды вышелъ и серьезный.

Жена Павла Сергѣевича Ланскаго [1]), страстная мать, имѣла извѣстіе, что сынъ ея, офицеръ гвардіи, посланъ будетъ слѣдующимъ курьеромъ и, разболтавъ радость свою, переселилась сперва въ Ижору, а потомъ въ Померанье. Сынъ не могъ оставаться съ нею на станціи больше того времени, какъ запрягли тройку, и полетѣлъ въ Петербургъ, а она притащилась вечеромъ и, по пути, заѣхала къ женѣ фельдмаршала Кутузова [2]), заявить, что у сына есть письмо къ ней отъ мужа, съ посылкою. Удивилась старуха, не найдя сына дома, прошло и время ужина; она къ Аракчееву: здѣсь отвѣчаютъ, что нѣтъ курьера изъ арміи, на шлахбаумѣ отвѣтъ такой же; бросается въ Ижору и у станціоннаго смотрителя находитъ въ книгѣ, что Ланской проѣхалъ, но ямщикъ не воротился. Новая бѣда! прохлопотала всю ночь; но поутру добилась до того, что сынъ живой высаженъ на дворѣ у Аракчеева. Сама туда же, но отвѣтъ прежній. Она къ Кутузовой и, по дружескомъ совѣщаніи, прокляли Аракчеева. Старуха Кутузова, гордая, умная, отпустивъ Ланскую, ту же минуту принялась за перо и послала къ государю письмо, въ такомъ тонѣ, что она не допускаетъ въ себѣ низкой мысли о подозрѣніи государя на счетъ переписки ея съ мужемъ, но поступокъ съ Ланскою и задержка письма на цѣлыя сутки почти прямо указываютъ на перлюстровку; что это интриги и выслуга гр. Аракчеева и проч. Государь личнымъ только врученіемъ письма и посылки успокоилъ раздраженную бабу. Но съ этого времени, тотчасъ уже по пріѣздѣ курьера, отсылались къ Кутузовой письма. Не прежде, какъ по полученіи донесенія о побѣдѣ подъ Краснымъ, сдѣлалось въ городѣ веселѣе.

О первоначальномъ планѣ войны мнѣ ничего не извѣстно, и въ

---

[1]) Александра Михайловна, рожденная Ханыкова.

[2]) Екатеринѣ Ильиничнѣ, рожденной Бибиковой.

канцеляріи государя никакихъ слѣдовъ этого не было. Безъ сомнѣнія планъ былъ; но думаю не рѣшительный и основанный на томъ собственно, чтобы не оставлять въ тылу у себя Литвы, не открывать военныхъ дѣйствій среди предателей-поляковъ. На Бѣлоруссію полагались видно больше, ибо при мнѣ еще, въ 1810 г., приступало военное министерство къ постройкѣ Динабургской и Бобруйской крѣпостей. Но если въ планѣ было заманивать французовъ еще далѣе, то было бы ближе, кажется, возобновить Могилевскія и Смоленскія укрѣпленія, чѣмъ начинать новыя, требовавшія многихъ лѣтъ и милліоновъ денегъ. Едва-ли не предоставлялось все времени и обстоятельствамъ: отъ этого такое расположеніе войскъ нашихъ по границѣ, что арміи Барклая и Багратіона не могли соединиться прежде, какъ подъ Смоленскомъ, и на ретирадѣ должно было сожигать хлѣбные запасы, чтобы не достались непріятелю.

Въ Вильнѣ слѣдовали праздникъ за праздникомъ, въ ожиданіи Балашова изъ Варшавы, съ (благопріятнымъ, судя по сему) отвѣтомъ Наполеона. Извѣстно, что въ самый разгулъ, на балѣ, данномъ гвардіею, привезъ дипломатическій чиновникъ Вейдемейеръ извѣстіе, что французы переправляются чрезъ Нѣманъ, и съ нимъ поступили, какъ съ вѣстовщикомъ; но на завтра это подтвердилось. Балашовъ не возвращался, и началась ретирада до Дриссы, гдѣ пруссакъ Фуль, принятый въ нашу службу генераломъ, устроилъ укрѣпленный лагерь. Тутъ положено было остановиться. Но когда прибыла армія Барклая, разнесся общій голосъ, что она содѣлается жертвою; тотчасъ приказано увозить орудія и что можно спасти изъ Динабурга, а прочее сжечь (при чемъ отличился артиллерійскій полковникъ Тишинъ, вывезшій мѣдную монету и сжегшій ассигнаціи). Войска стали ретироваться [1]).

Послѣ Бородинскаго сраженія, князь Багратіонъ умеръ отъ раны, а Барклай удалился въ свою деревню, около Дерпта, и Кутузовъ, оставшись одинъ хозяиномъ, сдѣлалъ извѣстный маршъ въ Тарутино, скрывшій его отъ Наполеона, такъ что двѣ недѣли не могъ онъ добиться, гдѣ русская армія.

Въ Петербургѣ, послѣ сожженія Москвы, знали, что французы окружены нашими отрядами, что размножаются партизаны, что непріятелю затруднительно продовольствіе, что наши въ Тарутинскомъ лагерѣ укомплектовываются успѣшно, пользуются всѣмъ въ изобиліи и находятся въ хорошемъ духѣ; но долгое бездѣйствіе опять стало погружать всѣхъ въ уныніе. Графъ Аракчеевъ не скрывалъ отъ меня,

---

[1]) Здѣсь мы опускаемъ нѣсколько строкъ, такъ какъ автору не были извѣстны подробности отступленія нашей арміи, и онъ сообщаетъ невѣрныя свѣдѣнія. Ред.

что государь день ото дня болѣе дѣлается недоволенъ Кутузовымъ, и проговорился, что послалъ его въ армію не по своей волѣ. Слухи, что доступъ къ нему очень труденъ, что большею частію спитъ или сидитъ съ дѣвками, переодѣтыми въ казачье платье, происходили отъ писемъ Беннигсена, вѣрившаго человѣку, при немъ бывшему, флигель-адъютанту князю Сергѣю Голицыну. Когда дѣла приняли хорошій оборотъ, то князь Кутузовъ, свѣдавъ объ ихъ интригахъ, выжилъ обоихъ изъ арміи и послѣ, не знаю уже почему, отправленъ былъ Голицынъ изъ Калиша съ фельдъегеремъ въ Грузію, но по кончинѣ Кутузова возвращенъ. Казачковъ же я самъ видѣлъ впослѣдствіи: они конвоировали старика, дѣлавшаго переходы на парныхъ дрожкахъ, и одинъ изъ нихъ былъ сынъ камердинера его, лѣтъ 16-ти, точно какъ переодѣтая дѣвочка.

Если бы крайность не заставила Наполеона выйти изъ Москвы, то не знаю, что̀ бы предпринялъ Кутузовъ зимою. Въ свое время это было загадкою и для людей высшаго званія. Здѣсь занимались только формированіемъ новыхъ силъ и брали мѣры заслонять Петербургъ. Винцингероде наблюдалъ за непріятелемъ изъ Твери, позади его скоплялись ополченія Ярославское и Тверское, и тянулись около Смоленской границы къ Полоцку, чтобы подкрѣпить, въ случаѣ нужды, Витгенштейна и поставить его въ связь съ Винцингероде. Башкирцамъ дано было направленіе отъ Нижняго на Ярославль, Угличъ и Волочекъ, въ слѣдъ за ополченіемъ. Отъ Новгорода до Волочка набиралъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ ямской конный полкъ, съ которымъ и ротою конной артиллеріи долженъ былъ идти къ Полоцку. Когда бы Наполеонъ бросился на Петербургскую дорогу, то вся эта масса и Витгенштейнъ долженствовали противостать ему, ожидая главнаго дѣйствія арміи Кутузова въ тылу у непріятеля; замѣнить же Витгенштейна на Двинѣ могъ Чичаговъ, шедшій съ свѣжими войсками изъ-за Днѣстра. Планъ сей хорошъ былъ и тѣмъ еще, что, при отступленіи Наполеона въ Литву, та же масса умножила бы корпусъ Витгенштейна, для нанесенія вреда непріятелю на маршѣ чрезъ Бѣлоруссію.

Неизвѣстность о намѣреніяхъ Кутузова и дурныя объ немъ вѣсти едва не довели государя до того, чтобы опять приняться за Барклая. Это заключаю я вотъ изъ чего: въ ноябрѣ поѣхалъ Аракчеевъ на два дня въ Грузино. Въ этотъ промежутокъ получаю я однажды отъ государя, между прочими бумагами, записку, чтобы прислать надежнаго фельдъегеря и бланкъ подорожной. Какъ приказанія подобнаго рода случались и прежде, то я ничего не подозрѣвалъ; но чрезъ нѣсколько дней заѣзжаю сдѣлать нужныя справки въ департаментъ (канцеляріи?) военнаго ми-

чистра и нахожу директора онаго, Биженча, въ хлопотахъ [1]). Сейчасъ былъ у него адъютантъ Барклая, Киверъ, и просилъ приказать отапливать министерскую квартиру (домъ, гдѣ теперь училище правовѣдѣнія), потому что на дняхъ Барклай пріѣдетъ. По возвращеніи гр. Аракчеева отъ государя, я удивилъ его сею новостью и послѣ узналъ, что требованный отъ меня фельдъегерь точно посланъ былъ къ Барклаю. Вечеромъ, воротившись изъ дворца, сказалъ мнѣ гр. Аракчеевъ, что государь сконфузился, когда онъ доложилъ о скоромъ прибытіи сюда Барклая; а спустя дня два государь отправился въ армію, чрезъ Полоцкъ и Невель. Нужно ли было избѣжать свиданія, я не знаю, но послѣ сказывалъ мнѣ генералъ-маіоръ Кайленскій, что объ отъѣздѣ государя узналъ Барклай передъ Стрѣльною, что онъ думалъ воротиться въ деревню, но потомъ рѣшилъ, что можетъ быть императрица Марія Ѳеодоровна объявитъ ему волю государя и, прибывъ въ столицу, остановился въ трактирѣ, нѣсколько разъ обѣдалъ у императрицы и, не получивъ, съ пріѣхавшимъ изъ Вильно уже фельдъегеремъ, никакого отъ государя приказанія, возвратился въ свою деревню. Беннигсенъ былъ хитрѣе, предвидѣлъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, что государь поспѣшитъ къ побѣдоноснымъ своимъ войскамъ и, удаленный изъ арміи, не поѣхалъ московскою дорогою въ Петербургъ, а пробрался на бѣлорусскую, и государь, встрѣтивъ его, сверхъ ожиданія, въ Порховѣ, долженъ былъ провести съ нимъ на станціи столько минутъ, сколько требовалось на закладку тройки лошадей въ кибитку Его Величества.

Не долго, однако, прожилъ Барклай въ деревнѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ государя въ Вильно Чичаговъ попросилъ увольненія и, при совѣщаніи государя съ Кутузовымъ, сей послѣдній откровенно отвѣчалъ, что противъ Барклая ничего не имѣетъ; но съ Беннигсеномъ служить не можетъ. Вслѣдствіе того Барклай назначенъ, вмѣсто Чичагова, главнокомандующимъ арміею, шедшею осаждать Торунь (по каковому случаю онъ и пріѣзжалъ въ Полоцкъ, гдѣ такъ низко поступилъ съ нимъ Аракчеевъ), а Беннигсенъ оставался въ Петербургѣ и послѣ смерти Кутузова, до той поры, какъ вздумали формировать въ Варшавѣ особую армію изъ приведеннаго графомъ Толстымъ Низоваго ополченія, съ прибавкою регулярныхъ войскъ. Ему ввѣрена была эта армія, и онъ едва поспѣлъ съ нею къ сраженію Лейпцигскому.

Впрочемъ, какъ бы кто ни думалъ о первоначальномъ планѣ войны, въ который, конечно, не входили ни оставленіе Москвы, ни разореніе 5 мил. въ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ, только, благодареніе Богу,

---

[1]) У него недоставало на расходы канцелярской суммы; жена же Барклая, отъѣзжая въ деревню, забрала всѣ деньги за дрова и свѣчи, слѣдовавшія на квартиру мужа ея, Барклая-де-Толли.

война эта кончилась счастливо для Россіи. Армія французская, ужасная въ іюнѣ 1812 г., не существовала уже въ концѣ декабря.

Мы нашли своихъ въ Вильно хотя оборванными и во время Рождества въ лѣтнихъ панталонахъ, но отдыхающими на лаврахъ, добрыми и веселыми, а казаковъ богатыми дотого, что, для облегченія лошадей, они продавали на рынкѣ мѣшочекъ наполеондоровъ или слитокъ серебра фунтовъ въ 15-ть за сто-рублевую ассигнацію; доставались за 25 руб. ассигнаціями дрожки, въ которыхъ находили, заколоченными, чайный сервизъ серебряный или дюжины двѣ ложекъ и тому подобное. Около Вильно всѣ поля усѣяны были экипажами разныхъ націй, которыхъ никто не бралъ за неимѣніемъ лошадей. Одни лишь жиды обдирали съ нихъ сукно, втулки и другія мелочи. Даже и казаки, при всей ловкости, не принимали въ этомъ никакого участія.

Сообщ. профес. **В. А. Бильбасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ

ВАСИЛІЯ РОМАНОВИЧА МАРЧЕНКИ.

1782 — 1838.

II [1]).

Краткій очеркъ кампаніи 1813 г.—Кончина князя Кутузова-Смоленскаго.—Пребываніе въ Парижѣ въ 1814 г.—Императоръ Александръ I въ Лондонѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Въ свитѣ государя на Вѣнскомъ конгрессѣ.—Въ Парижѣ въ 1815 году.—Назначеніе статсъ-секретаремъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ.—Характеристика гр. Аракчеева.—Путешествіе въ Москву и въ Варшаву въ свитѣ государя.

1813 г. Наконецъ непріятеля не стало далеко отъ границъ нашихъ онъ скрылся по крѣпостямъ, австрійцы ушли въ Богемію и ничего не желали, какъ нейтралитета, герцогство Варшавское и Пруссія очищены. Пруссаки изготовились. Прощай Калишъ! Въ исходѣ марта назначенъ походъ гвардіи, кирасирамъ и гренадерамъ прямѣйшимъ трактомъ, такъ чтобы въ страстную субботу вступить въ Дрезденъ. Два перехода только: Рачковъ и Кропичинъ, и мы увидѣли Силезію. Опрятность деревень, чистота въ народѣ и домахъ, гостепріимство, словомъ все показывало, что мы выѣхали изъ Іудеи. Три перехода приблизили насъ къ Одеру, а въ Штенау мы перешли его по понтонному мосту. Въ Штенау встрѣтилъ государя, при войскахъ, прусскій король, какъ новый союзникъ и какъ старый другъ, и присоединилъ гвардію свою къ нашей.—Чрезъ Либенъ и Бунцлау (гдѣ занемогъ свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій, бывшій предъ тѣмъ и у го-

---

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1896 года.

сударя и на разводѣ) вступили мы въ Саксонію—рай Германскій. Не говоря объ изобиліи сего края и объ опрятности, свойственной всѣмъ нѣмцамъ, въ саксонцахъ есть что-то отличительное. Нигдѣ не увидишь празднаго человѣка, во всякомъ домѣ или станъ или машина; есть занятія по силамъ и ребенку, и дряхлому старцу. Народъ видный, чистый, и особливо женщины, любятъ хорошо ѣсть, нигдѣ не видно нищихъ и всякій веселъ, ласковъ, радъ русскому. Въ таковомъ расположеніи народнаго духа, пришли мы 12 апрѣля въ Дрезденъ. Великолѣпный мостъ черезъ Эльбу поврежденъ непріятелемъ, взорвавшимъ двѣ арки, при бѣгствѣ своемъ. Картинная галлерея безподобна, были нѣкоторыя картины вывезены въ Кенигштейнъ; но чрезъ два дня опять возвращены.

Войти въ Дрезденъ спѣшили, какъ думали тогда, чтобы веселѣе провести святую недѣлю въ изобильномъ городѣ, на хорошихъ квартирахъ; но оказалось совсѣмъ иное: въ заутреню уже примѣтно было, что государь не веселъ, на другой день стали шептать, что непріятель усиливается у Лейпцига и Пегау; ночью пріѣхалъ Вилліе изъ Бунцлау, съ извѣстіемъ о кончинѣ кн. Кутузова, и ему не велѣно разглашать о томъ. Во вторникъ, вечеромъ, увидѣлъ я скачущаго верхомъ изъ дворца графа Витгенштейна въ андреевской лентѣ; въ среду узналъ о пожалованіи ему сего ордена, съ назначеніемъ главнокомандующимъ союзной россійско-прусской арміей и вслѣдъ за тѣмъ приказъ гвардіи выступить чрезъ 24 часа. Торопились сразиться прежде, чѣмъ узнаютъ солдаты о смерти Кутузова. Поручикъ гвардейской артиллеріи Тиманъ, попавшійся въ Люценское сраженіе въ плѣнъ, потомъ бѣжавшій отъ французовъ и пробравшійся, помощію саксонцевъ, горами, къ намъ при началѣ перемирія въ Петерсвальде, сказывалъ при мнѣ графу Аракчееву, что французы имѣли подробныя свѣдѣнія о Кутузовѣ и по полученіи донесенія о смерти его, тотчасъ оглашено было о томъ въ арміи и приказано готовиться къ походу въ Дрезденъ.

И такъ Кутузовъ кончилъ свое поприще. Послѣднее объ немъ и слово. Онъ не хотѣлъ переходить не только Эльбы, но и Вислы. Въ Вильнѣ долженъ былъ уступить настойчивости пылкихъ головъ, избалованныхъ партизанствомъ, что нѣмцы, не видя русскихъ, будутъ вѣрить въ бюллетени Наполеона; но появленіе наше за границею раскроетъ имъ глаза и изорванная, прожженная на бивуакахъ одежда краснорѣчивѣе всѣхъ прокламацій, сочиняемыхъ Коцебу, убѣдитъ ихъ въ томъ, что сдѣлалось съ французами, когда въ такомъ положеніи русскіе! Народное возстаніе въ Германіи предполагаемо было неизбѣжнымъ того послѣдствіемъ. Князь Кутузовъ указывалъ на малочисленность арміи и изнуреніе людей. И дѣйствительно, состояніе ихъ было таково, что цѣлый гвардейскій корпусъ, о которомъ бо́льшее попе-

ченіе прилагалось (разумѣя пѣхоту), можно было не только помѣстить, но и учить въ Петербургскомъ экзерциргаузѣ. Кутузовъ говорилъ, что партизаны, по личнымъ выгодамъ, не могутъ иначе проповѣдывать; быть въ строю связанному подчиненностію не то, что разгуливать по своей волѣ, писать о себѣ чудеса и на лету хватать награды. Однакожъ, вѣроятность ихъ доводовъ, а больше уваженіе, что разстроенный непріятель не скоро оправится, и что для насъ все равно формироваться: въ Литвѣ ли, въ герцогствѣ ли Варшавскомъ, заставили старика перейти границу [1]). На Эльбѣ же не то было: непріятель на носу, и мы не знаемъ силы его; армія наша, малочисленная и прежде, теперь сдѣлалась и еще менѣе отъ разбросанныхъ отрядовъ по герцогству и партизанскихъ партій, а на пруссаковъ не знали, можно ли полагаться въ первой схваткѣ.

Мысль Кутузова и была: не переходя Эльбы, стать на ней и держаться въ оборонительномъ положеніи, доколѣ не укомплектуемся, или не будемъ вынуждены ретироваться; въ послѣднемъ даже случаѣ, непріятель ослабѣвалъ бы по мѣрѣ удаленія нашего, а мы безпрестанно усиливались бы подходящими изъ Россіи резервами и выздоровѣвшими въ госпиталяхъ, которыхъ однихъ было въ пути, по послѣднимъ донесеніямъ, до 17 т. человѣкъ. Но Кутузова не послушали и, во время болѣзни его, далеко подались за Эльбу. За то пять дней только и погостили мы въ Дрезденѣ, а на шестой выѣхали, по извѣстіямъ, что непріятель собирается большими силами у Пегау. Въ тотъ же день прибыли въ деревню возлѣ Рохмеца и остановились у пастора на кладбищѣ. Государя не застали уже; на разсвѣтѣ уѣхалъ гр. Аракчеевъ съ Балашовымъ и Шишковымъ въ Люценъ, гдѣ началось сраженіе. Подъѣхалъ Безродный и здѣсь же остановился со мною. Чрезъ сутки прибыли мы въ Вальдгеймъ, маленькій городокъ между горъ, а черезъ два дня возвратились въ Дрезденъ.

Послѣ двухъ дней пребыванія въ Дрезденѣ двинулись далѣе и, прибывъ въ Бауценъ, къ старымъ хозяевамъ, не то уже нашли у нихъ. Въ первый разъ взобиліе было во всемъ, прекраснѣйшая иллюминація и человѣкъ 70 музыкантовъ играли весь вечеръ у государевыхъ воротъ. Теперь—всеобщее уныніе и ничего достать нельзя, съ трудомъ можно было пообѣдать. Съ перваго дня стали выбирать позицію; дрались два дня и потомъ начали войска переходить за Бауценъ. Насъ, т. е. канцелярію и обозъ государя, услали въ Герлицъ.

Изъ Герлица, чрезъ три дня, подались мы на двѣ мили впередъ,

---

[1]) Далеко заходить не думали, до того, что къ 15-му марта велѣно было имѣть въ разныхъ пунктахъ на Двинѣ большіе запасы хлѣба, отъ которыхъ погибли послѣ князь Горчаковъ и Молчановъ.

въ мѣстечко Рейхенбахъ, и имѣли ту квартиру, гдѣ, ровно за годъ, стоялъ Наполеонъ. Съ недѣлю жили тутъ; смотрѣли, выходя въ поле, на сраженіе; наконецъ объявлена ретирада. Ночью отправились въ Герлицъ, набитый ранеными, а съ разсвѣтомъ въ Лаубахъ, пограничный городъ Саксоніи. Вечеромъ судили съ Шишковымъ и Балашовымъ о томъ, что напрасно затѣяли Люценское дѣло и открыли Наполеону, что онъ и теперь уже вдвое сильнѣе насъ, когда не успѣли еще прійти къ нему изъ-за Рейна войска. Ночью отправили Голицына и Балабина навстрѣчу резервамъ, а по утру пришли въ Левенбергъ, въ Силезію. Пруссаки не очень пріятно на насъ смотрѣли.

Ежеминутно ожидали извѣстія о присоединеніи къ общему союзу австрійцевъ, но тщетно. Итакъ на завтра пришли въ Яуэръ и Швейдницъ, обширную крѣпость, которую срылъ было Наполеонъ, но пруссаки начали оправлять ее со всѣмъ усиліемъ. Ужасный величины колокольня и ядра, влѣпившіяся въ стѣну въ Семилѣтнюю войну, составляютъ достопамятность сего мѣста. У Швейдница начали выбирать позицію, а мы переѣхали въ мѣстечко Рейхенбахъ. Недѣлю ожидали сраженія; наконецъ объявлено перемиріе, и въ Рейхенбахъ переведена главная квартира, а государева въ замокъ Петерсвальде, съ милю въ сторонѣ, гдѣ одна только свита помѣщалась и Преображенскій полкъ.

Во время этого перемирія, нѣсколько разъ случалось, что государь заставалъ меня за работой съ графомъ Аракчеевымъ и удостоивалъ разговора; въ отсутствіе же графа въ Варшаву, была и переписка со мною и личный мой докладъ. Я воспользовался этимъ временемъ и выхлопоталъ награды сибирскимъ чиновникамъ, со мною служившимъ. Здѣсь-то пировали мы 22 іюля, о чемъ слишкомъ 20 лѣтъ воспоминаютъ Безродный, Крыжановскій и Добровольскій, и здѣсь-то, поѣхавъ въ горы отыскивать полотняную фабрику, наѣхали мы на французскіе аванпосты и чуть было не попали въ плѣнъ.

Изъ Петерсвальде часто ѣзжалъ государь въ горы, на дрожкахъ, и раза два не ночевалъ дома. Изъ этого выводили разные толки, особенно когда Илья-кучеръ проговорился какъ-то, пьяный, что его славно угостила предъ тѣмъ пасторша. Но послѣ, когда я былъ въ Іозефштадтѣ, узналъ, что тамъ жилъ лѣтомъ императоръ Францъ, который также ѣздилъ въ горы, для свиданія съ Александромъ, вмѣсто сомнительной дипломатической переписки.

Наконецъ, перемиріе кончилось, австрійцы соединились съ нами, шведы пришли къ Берлину, Сакенъ очистилъ Ченстоховъ, и въ началѣ августа арміи тронулись. Главная пошла чрезъ Глацъ и Прагу, а корпусъ Витгенштейна прямо изъ Швейдница на Лебау, въ Богеміи.

Изъ Рейхенбаха выѣхали мы послѣ обѣда; вечеромъ прибыли въ Франкенштейнъ и тотчасъ пустились въ Глацъ. Съ разсвѣтомъ пріѣ-

хали туда; но крѣпость была заперта, и мы ночевали въ полѣ, а часу въ 9-мъ уже утра вошли въ нее и уснули часа съ два, чтобы опять продолжать путь.

Въ половинѣ октября пріѣхалъ я благополучно во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ учреждена была главная квартира государя. Здѣсь отдохнули войска, укомплектовались и поперемѣнно пріѣзжали сюда короли и герцоги германскіе, присоединившіеся къ союзникамъ послѣ лейпцигскаго дѣла. Пребываніе ваше во Франкфуртѣ на Майнѣ продолжалось два мѣсяца. Только въ половинѣ декабря выѣхали оттуда въ Базель, когда исчезла надежда на заключеніе мира, объявленія котораго ежедневно ожидали. Самъ государь, при освященіи медалей въ память 1812 года, на площади во Франкфуртѣ, при большомъ парадѣ, 21 и 24 ноября, говорилъ, что, можетъ быть, скоро благословитъ Богъ миромъ. По объявленіи похода, мы въ декабрѣ выѣхали изъ Франкфурта и прибыли въ Базель.

Обзоръ 1813 года.

Люценское дѣло, безъ сомнѣнія, преждевременно и оправдываемо быть можетъ однимъ лишь важнымъ, по-тогдашнему, обстоятельствомъ—смертію Кутузова. Послѣдствіе показало, что Наполеонъ не имѣлъ возможности начать военныхъ дѣйствій; но, видя стремленіе наше все впередъ, долженъ же былъ противостать. Пусть бы онъ формировался у Лейпцига, мы то же бы дѣлали въ Дрезденѣ, имѣя сверхъ того въ виду: 1) что пруссаки, соединившіе съ нами войска свои въ томъ умѣренномъ числѣ, какое позволилъ имъ Наполеонъ содержать по Тильзитскому трактату, составили бы въ короткое время изъ распущенныхъ по домамъ старыхъ солдатъ сильную армію, для которой отправили уже англичане 200 тыс. ружей; 2) что австрійцы, увидя союзниковъ сильными, скорѣе отдѣлились бы отъ Наполеона; 3) саксонцы не таили, что, коль скоро осадимъ мы французовъ за Веймаромъ, то войска ихъ оставятъ французскую армію, подъ предлогомъ спасенія короля, запертаго въ Кенигштейнѣ. Всѣ эти выгоды исчезли съ ретирадою нашею, послѣ Люценскаго сраженія, и спасибо пруссакамъ, что они не струсили, увидя въ землѣ своей опять непріятеля, сильно преслѣдующаго насъ, а на иныхъ трактахъ и опереживающаго. Дѣйствительно, странно было смотрѣть на карту расположенія войскъ во время перемирія: войска должны были остановиться, гдѣ кого застигло повелѣніе, и вышло, что наши подкрѣпленія и курьеры слѣдовали изъ Россіи чрезъ города и деревни, занятыя французами, а французскіе резервы чрезъ мѣста, занятыя союзниками.

Барклай, ускоривъ покореніе Торуня, оказалъ важную услугу. Онъ

привелъ 11 тыс. неизнуренныхъ солдатъ въ самое нужное время и, соединясь съ Витгенштейномъ подъ Бауценомъ, далъ возможность остановить натискъ французовъ. Мы, оставя городъ, расположились по хребту Бауценскихъ горъ, которыя Наполеонъ долженъ былъ брать приступомъ, и, въ глазахъ его, два дня безполезно истреблялись цѣлыя колонны наступающихъ. Но стрѣляя безпрерывно отъ самаго Люцена, увидѣли мы, что зарядовъ остается у насъ немного, а оставленные въ Варшавскомъ герцогствѣ парки не могли подоспѣть во-время. Въ Швейдницѣ нашелъ я артиллеристовъ, приводящихъ въ нашъ калибръ ядра, отъ Семилѣтней войны валявшіяся, въ числѣ коихъ были и русскія. Недостатокъ огнестрѣльныхъ снарядовъ и малочисленность арміи рѣшили дальнѣйшее отступленіе отъ Бауцена, навстрѣчу къ идущимъ изъ Россіи пособіямъ, тогда какъ Наполеонъ, слѣдуя за нами, ослабѣвалъ бы, оставляя гарнизоны, больныхъ и раненыхъ, и изнуряя остальныхъ ежедневными маршами. Но вдругъ объявлено перемиріе. Всѣ остановились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ получено извѣстіе о томъ, и расположились на квартирахъ. Мы не знали, что положеніе Наполеона было хуже нашего, а спустя недѣлю, начали являться выходцы изъ плѣна и единогласно говорили, что Наполеонъ столько потерялъ людей при переправѣ у Дрездена и подъ Бауценомъ, что не смѣлъ уже преслѣдовать далѣе; парки его также истощились, а ранеными завалены были всѣ деревни до Дрездена. Не зная точныхъ силъ, обѣ стороны боялись другъ друга и обрадовались перемирію.

Началось перемиріе тѣмъ, что всѣ наши войска соединены въ одну армію, вѣренную Барклаю, а Витгенштейнъ остался корпуснымъ командиромъ. Три мѣсяца все толковали о мирѣ, почему нѣсколько разъ и отсрочивалось перемиріе, а между тѣмъ полки укомплектованы и одѣты были такъ, что любо было смотрѣть. Двѣ арміи, русская и прусская, составляли сильную уже массу; но въ подкрѣпленіе ей приготовлялась другая; на ходу ландверъ учился стрѣльбѣ и эволюціямъ. Объ австрійцахъ ничего не знала наша братія, и потому, вступая въ Богемію, недоумѣвали, друзья мы или непріятели. Первая стычка съ французами открыла, однако, что австрійцы отложились отъ Наполеона, а вслѣдъ затѣмъ и Кульмское сраженіе удостовѣрило Наполеона въ перемѣнѣ счастія и сколь мало могъ онъ полагаться на остальныхъ нѣмцевъ; только гордость его и упрямство удержали въ Саксоніи, несмотря на то, что онъ зналъ о движеніи Бернадота съ одной стороны и Беннигсена съ другой и что соединеніе всѣхъ силъ будетъ для него гибельно. Два мѣсяца разыгрывалъ онъ кровавую игру, бросаясь, какъ тигръ, окруженный ловцами, то на одну, то на другую армію союзниковъ, и терялъ множество людей и пушекъ; наконецъ, увидя себя стѣсненнымъ дотого, что одна только дорога къ

Рейну оставалась свободною, сосредоточился у Лейпцига, подрался, какъ бы на прощанье съ Германіею, и бѣжалъ во Францію. Всѣ утверждали тогда, что если бы не австрійцамъ поручено было наблюдать за ретирадою, то мало кому изъ французовъ удалось бы перебраться за Рейнъ.

Какъ въ концѣ 1812 г. прогнанъ Наполеонъ изъ Россіи за Нѣманъ, такъ въ концѣ 1813 г.—изъ Германіи за Рейнъ. Оставались въ Германіи французы въ крѣпостяхъ только, но обложенные союзниками, съ требованіемъ безусловной сдачи. Многіе пункты и сдались прежде, нежели мы перешли Рейнъ. Вообще, 1813 г. кончился тѣмъ, что Европа выведена изъ очарованія, в Наполеонъ остался при собственныхъ только средствахъ, имѣя слабую, невѣрную надежду на италіанцевъ. Всѣ другія націи шли къ нему отплачивать визитъ, а Германія и Веллингтонъ въ то же время безпокоили его, подобно нарыву въ груди. Въ такомъ-то нездоровомъ состояніи встрѣтилъ онъ 1814-й годъ.

1814 годъ. Въ Базелѣ, 1-го января отслужили мы молебенъ, освятили воду на Рейнѣ, и чрезъ городъ прошла парадомъ гвардія наша и резервная кавалерія.

Здѣсь отдѣлался государь отъ неотвязнаго Балашова, командированнаго въ Неаполь, гдѣ и загрязъ онъ такъ, что осенью умолялъ позволить ему ѣхать въ Россію. Здѣсь же остался и Шишковъ, изъ трусости. Онъ предрекалъ народную войну и пагубу намъ, въ минуту даже прощанья моего съ нимъ.

Путь изъ Базеля предпринятъ былъ чрезъ Монбельяръ, мѣсто рожденія императрицы Маріи Ѳеодоровны, а оттуда проселочною дорогою, въ Везуль и далѣе.

18-го марта, на разсвѣтѣ, прибыли мы въ Бонди [1]); пріѣхали рано и никого не застали, а канонада была близкая и сильная. Я поѣхалъ верхомъ, съ Тюфяевымъ. На дорогѣ разбросаны руки и ноги; встрѣтилъ и три орудія изувѣченныхъ. Пробираясь виноградниками на гору, вижу росłаго солдата, молодаго человѣка, и шинель въ крови.

— Котораго полка?

— Московскаго гренадерскаго.

— Что, братъ, раненъ? Ступай на дорогу, прямо, тамъ перевязка, и вотъ тебѣ рубль на водку.

— Благодарю, ваше благородіе, у меня отрѣзали ужь руку, и я, слава Богу, здоровъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ меня вздрогнуть, и я точно увидѣлъ, что лѣвая рука по плечо отнята.

---

[1]) Деревня близъ Парижа.

Въѣзжаю на высокую гору. Какая картина: на горѣ и подъ горою стоятъ батареи. Влѣво Парижъ, вправо вся Блюхерова армія подъ ружьемъ и наша гвардія готовится къ бою. Пріѣзжаетъ Добровольскій отъ Блюхера. Тутъ узнали, что государь и вся свита сзади у насъ, саженяхъ во ста. Черезъ часъ и они пріѣхали. Плѣнные и депутаты являлись безпрерывно.

Часу въ четвертомъ сбита послѣдняя батарея на горѣ, и мы всѣ поѣхали впередъ. Егеря, отнявъ пушки, стрѣляли изъ нихъ по французамъ. Къ вечеру перемиріе. Я видѣлъ Парижъ и какъ разъѣзжали кареты по улицамъ.

Переночевалъ въ коляскѣ. Въ пять часовъ утра шумъ каретъ разбудилъ меня. Просыпаюсь, вижу парадные экипажи, ливреи и узнаю, что Парижъ сдался, а Наполеонъ только-что успѣлъ уйти въ Фонтенебло. Все вычистилось, вымылось и пошло въ Парижъ парадомъ. Я поѣхалъ-было верхомъ; но, узнавъ на шлагбаумѣ, что мы не совсѣмъ еще пріятели, и что стрѣляютъ изъ оконъ, воротился въ Бонди къ обѣду, по каналу, усѣянному трупами пруссаковъ. Въ Бонди домъ, вѣрнѣе замокъ, сдѣлался просторенъ, ограбленный казаками Волконскаго. Я занялъ комнаты Толстаго и расположился спать; но въ первомъ часу ночи послѣдовало повелѣніе слѣдовать въ Парижъ. На разсвѣтѣ 20-го числа прибылъ въ сію столицу. Квартира въ Елизе-Бурбонъ. Государь у Талейрана и всѣ около него. Страстная недѣля прошла въ говѣньи; на Святой государь и вся свита переѣхали въ Елизе-Бурбонъ. Я занялъ другія комнаты, во флигелѣ, въ сосѣдствѣ съ графомъ Аракчеевымъ.

Такъ кончилась, въ мартѣ 1814 года, походная жизнь моя, и Парижъ заставилъ забыть всѣ непріятности, бывшія въ походѣ. Напротивъ, явилась утѣшительная мысль, что скоро увижу жену и дѣтей, оставленныхъ, въ октябрѣ 1812 года, въ Сибири. Изъ Калиша даже не совѣтывалъ еще графъ Аракчеевъ выписывать мнѣ семейство: такъ не увѣренъ онъ былъ въ успѣхѣ войны; но жена, въ началѣ 1812 года, сама собою выѣхала изъ Томска и, въ мартѣ, пріѣхала въ Петербургъ. Здѣсь получила она все содержаніе мое, 8.850 рублей, а послѣ, съ пансіономъ, 13.350 рублей. Я же довольствовался заграничнымъ содержаніемъ, которое, при Императорскомъ экипажѣ, вполнѣ достаточно.

Въ Парижѣ награжденъ я орденомъ Анны 1-й степени и думалъ, что навсегда разстанусь съ графомъ Аракчеевымъ, который, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границею. Передъ выѣздомъ изъ Парижа отправилъ онъ письмо государю, чтобы онъ позволилъ ему остаться на водахъ, и указъ, на мое имя заготовленный, но безъ моего вѣдома, чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, разсортировалъ я дѣла канцеляріи

и сдалъ по принадлежности, въ министерства и иностранную коллегію,—затѣя совершенно пустая и невозможная въ исполненіи. Государь, послѣ сего, позвалъ къ себѣ Аракчеева и, какъ графъ сказывалъ мнѣ, были большія объясненія. Предлагаемо ему было званіе фельдмаршала [1]); только кончилось тѣмъ, что онъ получилъ отпускъ. Указъ на мое имя не состоялся для того, что государь удерживалъ навсегда при себѣ особую канцелярію, и мнѣ приказано слѣдовать за его величествомъ въ Англію.

20-го мая, въ первый разъ въ Парижѣ былъ графъ Аракчеевъ съ докладами, весь день и ночь. Въ самую полночь присылались еще изъ кабинета государева словесныя, чрезъ разныхъ людей, приказанія заготовить то одинъ, то другой указъ.

А 21-го, утромъ, въ шестомъ часу, государь изволилъ выѣхать изъ Парижа и, поработавъ нѣсколько часовъ на первой станціи (помнится, Сэнъ-Дени), прислалъ оттуда много бумагъ и прощальное, весьма лестное, письмо къ графу Аракчееву, доказывавшее, что они разстались навсегда.

21-го и 22-го мая канцелярія безъ отдыха работала, и, окончивши всѣ дѣла, отъѣхалъ я 23-го числа, поутру, въ восьмомъ часу, черезъ Аміенъ, въ Булонь, куда и прибылъ на вечеръ 24-го. Время было самое лучшее, какого желать только можно. Отсюда отправлены фельдъегеря въ Россію, ожидавшіе моего только пріѣзда, и коляска моя въ тотъ же вечеръ отправлена была въ гавань, для амбаркировки, но приливъ столь малъ былъ, что надлежало дождаться другаго, въ полдень бывающаго. Къ полдню открылась картина: весь каналъ, раздѣляющій Францію отъ Англіи, уставленъ былъ военными судами, въ два ряда. Государь сѣлъ на фрегатъ въ Булони и, ровно въ часъ, отправились перевозныя суда, при ясной и тихой погодѣ. Въ шесть часовъ вечера стояли уже мы передъ Дувромъ, куда свита отправилась въ каретахъ, а суда должны были ожидать прилива. Часу въ восьмомъ государь сошелъ съ фрегата, при пальбѣ и восклицаніяхъ народа, и назавтра, утромъ рано, уѣхалъ инкогнито въ Лондонъ, въ коляскѣ графа Толстаго, за котораго тамъ и былъ принятъ.

27-го мая дали лошадей. Дорога и лошади безподобныя: до Лондона мы ѣхали только двѣнадцать часовъ. На станціяхъ вездѣ были завтраки на счетъ принца-регента. Дороги по Англіи — сады, а деревушки—дачи. Чистота удивительная и архитектура своя. Домики небольшіе, но уютные и опрятные. Вездѣ видно богатство, и не встрѣ-

---

[1]) Это задержало и приказъ о пожалованіи Барклая. Государь объявилъ ему чинъ фельдмаршала послѣ сраженія подъ Парижемъ, и всѣ поздравили его; во приказа не было мѣсяца два, и никто не понималъ причины тому.

тился ни одинъ нищій, тогда какъ во Франціи облѣпятъ они пріѣзжаго и бѣгутъ безпрерывно за коляской.

Дорогою не было проѣзда отъ англичанъ: вездѣ кричали «ура!» и женщины, на-скаку, подбѣгали къ коляскѣ пожать руку. Миндальные пироги на столѣ и окна въ домахъ—украшены именами Блюхера и Платова.

Дома отапливаются каменнымъ углемъ; отъ этого смрадъ и тяжело для груди и головы. Въ самый лучшій день туманъ по утру, а въ пасмурный совсѣмъ темно. Къ тому же, наводитъ уныніе и самый цвѣтъ домовъ, которые не штукатурятъ и покрываютъ черепицею или аспидными дощечками. Лондонъ раздѣляется на старый и новый: въ старомъ живетъ все купечество и тамъ биржа; онъ, какъ старинный, имѣетъ узкія улицы. Но новый совсѣмъ въ другомъ вкусѣ: улицы широкія, по обѣимъ сторонамъ тротуаръ, дома правильной архитектуры, съ зеркальными стеклами, и чисты дотого, что лѣстницы на улицѣ моютъ мыломъ съ мѣломъ. Комнаты и лѣстницы всегда убраны коврами. Государь и великая княгиня Екатерина Павловна занимали Hôtel Oldenburgh, а свита размѣщалась въ окрестныхъ домахъ. Отсюда до стараго города, по крайней мѣрѣ, семь верстъ, и все жильемъ. Блюхеръ и Платовъ были въ большой модѣ: 31-го числа изъ церкви народъ повезъ на себѣ послѣдняго изъ нихъ. Три дня была иллюминація и видны были имена: Веллингтона, Кутузова, Шварценберга, Витгенштейна, Блюхера и Платова. Въ Лондонѣ безъ денегъ ступить нельзя. Казенныя заведенія покажутъ и за это даже требуютъ плату. Дороговизна ужасная. Насъ было трое, и мы имѣли каждый день: бульонъ, рыбу, жаркое говядину, телятину или баранину, вздорные пирожки, двѣ бутылки пива и по апельсину. За этотъ столъ въ двѣ недѣли или еще за тринадцать дней, кромѣ квартиры, свѣчей и угольевъ, заплатили мы пятьдесятъ червонцевъ. 11-го іюня, благодаря Бога, выѣхали мы изъ Лондона, по утру, въ девятомъ часу; вечеромъ прибыли въ Кантенбюри, при иллюминаціи и ужасномъ стеченіи народа; а въ двѣнадцатомъ часу ночи въ Дуврѣ и стали въ трактирѣ, для прусскаго короля приготовленномъ. На разсвѣтѣ, амбаркировавъ экипажъ, мы сѣли на шлюпку и переѣхали на бригъ, стоявшій тогда, по мелководью, на якорѣ. 12-е число простояли на якорѣ. 13-го, въ сильную погоду, пустились по утру, плыли часа четыре и увидѣли себя у Деля, совсѣмъ въ противной сторонѣ. Въ полночь сдѣлался попутный вѣтеръ, и въ девятомъ часу утра, 14-го іюня, стали мы на якорь у Остенде.

Къ вечеру бригъ ввели въ гавань; мы вышли на берегъ, и я не простился съ англичанами, не позволившими дать на водку матросамъ 10 червонцевъ, такъ же хладнокровно, какъ отказали мнѣ въ требованіи

отдать бѣжавшаго отъ меня слугу. Это былъ Андрюшка, мальчикъ доктора нашего Даллера, скрывшійся ночью въ Дуврѣ и укравшій мои вещи, изъ чемодана, за коляскою бывшаго; по счастію, взялъ я въ комнату къ себѣ шкатулку съ казенными деньгами. Когда я ѣхалъ на шлюбкѣ, онъ стоялъ на берегу, зная, что англичане не выдадутъ его.

Въ Остенде на берегу встрѣтилъ Воробьева и Григорьева и тотчасъ поѣхалъ къ Антверпену. Лошади вездѣ были готовы и везли скоро. Въ Антверпенѣ перемѣнивъ лошадей, пустился по прямой дорогѣ къ Литтиху. Часу въ 11-мъ ночи пріѣхалъ въ Ахенъ и видѣлъ графа Аракчеева, расположившагося зимовать тамъ. Часовъ пять уснулъ и поѣхалъ, на Юлихъ, въ Кельнъ, обширный городъ, гдѣ зажиточныя дамы ходятъ за нашими больными. Въ Боннъ пріѣхали подъ вечеръ, и починка коляски продержала до полуночи. Отъ Бонна и почти до самаго Майнца надобно ѣхать по берегу Рейна. Картина величественная и вмѣстѣ ужасная. Кажется, природа разломила горы, чтобы дать дорогу Рейну. Съ обѣихъ сторонъ чрезмѣрной высоты горы, большею частію дикія и аспидныя; а по срединѣ тихо течетъ Рейнъ, съ островками. Небольшія площадки по берегамъ наполнены деревушками, по большей части бѣдными, а на утесахъ стоятъ развалины башенъ и замковъ, напоминающихъ рыцарскія времена. Дорога такъ узка, что на всякомъ шагу нужно опасаться или быть сброшену въ Рейнъ, или быть завалену горою, которой скала виситъ надъ дорогой. Двѣ послѣднія станціи, по $1^1|_2$ мили нѣмецкихъ, къ Майнцу перемѣняютъ уже картину. Рейнъ остается въ сторонѣ, и мѣстоположеніе выравнивается. Майнцъ—большая правильная крѣпость. Ее проѣхалъ ночью и чрезъ Вормсъ прибылъ въ Мангеймъ. Тотъ же день (19-го іюня), къ вечеру, пріѣхалъ въ пустой Бруксаль. Здѣсь жила у матушки императрица Елисавета Алексѣевна весьма просто. Здѣсь же нашелъ я и Шишкова, съ большими претензіями за манифестъ о мирѣ. Онъ не былъ во Франціи и съ января жилъ то въ Прагѣ, то во Франкфуртѣ на Майнѣ, то около Рейна.

21-го числа ѣздилъ въ Баденъ, гдѣ нашелъ я графа Милорадовича въ крайнемъ безденежьи. 26-го предъ обѣдомъ, спрошенъ я былъ къ государю, при Барклаѣ. Когда садились за столъ, самъ представилъ тещѣ, маркграфинѣ Баденской, почтенной старушкѣ, въ черномъ тафтяномъ платьѣ просто одѣтой. Пошелъ разговоръ, какъ меня обокрали, какъ былъ уважителенъ бѣглецъ къ казнѣ, не унесши при амбаркировкѣ, во время суматохи, шкатулки, гдѣ было до 150 т. рублей. Но разговоръ тѣмъ и кончился: ни копѣйки не дано мнѣ вознагражденія. Поводомъ къ разговору былъ смѣшной случай: придя во дворецъ, съ указами, во время обѣдни, засталъ я графа Толстаго и князя Волконскаго спорящихъ. Толстой требовалъ денегъ, а у Волконскаго кредп-

тивы франкфуртскіе всѣ вышли; онъ давалъ ему адресованные на Лейпцигъ, когда деньги нужны въ Бруксалѣ, и не позже, какъ завтра. Я прекратилъ споръ ихъ, предложеніемъ взять у меня изъ курьерскихъ 5.000 червонцевъ, лишь бы государь далъ повелѣніе. Толстой, тотчасъ послѣ обѣдни, побѣжалъ къ государю, объявить объ этой находкѣ, а я отпустилъ ему деньги. Отъ этого и сужденіе, какъ не унесъ бѣглецъ шкатулки, во время моей отлучки со двора, или во время сна.

30-го выѣхалъ, чрезъ Франкфуртъ, въ Лейпцигъ, нигдѣ не останавливаясь, по разсчету, надобно было пріѣхать въ Лейпцигъ въ воскресенье и отслушать обѣдню въ греческой церкви. Съ послѣдней станціи фельдъегерь, по обыкновенію, поѣхалъ впередъ, чтобы узнать мою квартиру; но каково удивленіе мое было, когда фельдъегерь объявилъ, что квартиру, мнѣ назначенную, занялъ графъ Аракчеевъ, оставшійся во Франціи и получившій отъ меня болѣе 1.000 червонныхъ на прогоны. Вотъ доказательство, что человѣкъ, привязанный ко двору, не можетъ жить безъ него. При свиданіи съ графомъ Аракчеевымъ, нашелъ я его разстроеннымъ и просящимъ пристроить его какъ-нибудь къ свитѣ, чтобы имѣть лошадей. Какъ это зависѣло не отъ меня, то сказалъ я о семъ князю Петру Михайловичу Волконскому, не менѣе меня удивившемуся, что Аракчеевъ ѣдетъ въ Россію. Онъ зналъ только, что графъ выѣзжалъ изъ Ахена на станцію и видѣлся съ государемъ; но никакъ не предполагалъ, чтобы онъ такъ скоро перемѣнилъ свое намѣреніе и опередилъ насъ, пока мы жили въ Бруксалѣ. Вечеромъ отправленъ фельдъегерь въ Петербургъ, съ депешами, и ему поручено заготовить для графа шесть лошадей, послѣ всѣхъ.

Изъ Лейпцига приказано было ѣхать, не останавливаясь, въ Петербургъ, и путь взять по картѣ прямой линіей, чтобы объѣхать Берлинъ, Кенигсбергъ, оттуда проселками въ Ковно, Динабургъ, и мимо Пскова, на Гатчину.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ нужно только было, по повелѣнію государя, отправить фельдъегеря, съ кирасами, въ Берлинъ. Изъ Лейпцига безъ роздыху ѣхалъ на Торгау, Франкфуртъ на Одерѣ, Кюстринъ, Маріенвердеръ, Кенигсбергъ, Вильковишки, Ковно и Псковъ. Ковно стоитъ на Нѣманѣ, и спускаться надобно съ крутой горы. На нее-то успѣлъ взобраться Иловайскій, съ 2-мя орудіями, при ретирадѣ французовъ, и удивительно, какъ могъ остаться изъ нихъ кто живой.

Коляска моя, въ которой путешествовалъ его величество, при коронаціи Павла I-го, въ качествѣ военнаго губернатора, сколько ни была удивительна по огромности своей, прочности и помѣщенію; но едва доѣхала до Петербурга, какъ на Литейной же разсыпалась такъ, что невозможно уже было чинить ее.

Съ несказанною радостію обнялъ я семейство свое, съ которымъ

безъ мала два года былъ въ разлукѣ. 5-го сентября 1812 года разстался я съ нимъ, а 16-го іюля 1814 года, въ 4 часа по полудни, увидѣлся. Марья Осиповна похоронила дорогую дочь Варвару, родившуюся въ Томскѣ; но, вмѣсто ея, увидѣлъ я въ Петербургѣ другую: Надежду, родившуюся въ Томскѣ же, чрезъ 15 дней послѣ моего отъѣзда.

Непримѣтно прошли шесть недѣль, и государю благоугодно было, при отъѣздѣ на конгресъ, въ Вѣну, взять меня туда же. Не постигаю до сихъ поръ, какъ это случилось. Въ исходѣ августа Марья Осиповна была очень больна, и графъ Аракчеевъ (оставшійся въ Россіи) объявилъ мнѣ, что государь не возьметъ съ собою канцеляріи, такъ какъ занятія будутъ тамъ только дипломатическія и не долго. Точно ли такъ было, или онъ начиналъ уже злиться на сближеніе мое съ государемъ, по сей день не знаю; но когда объявилъ я графу Аракчееву о городскихъ слухахъ, что я ѣду, то замѣтно было неудовольствіе его, хотя, ссылаясь на его же слова, просилъ я, ежели нельзя остаться мнѣ, по случаю болѣзни жены, то позволить по крайней мѣрѣ пробыть въ Петербургѣ, пока ей будетъ лучше. Мнѣ позволено остаться на недѣлю; но поведеніе графа Аракчеева примѣтно сдѣлалось сомнительнѣе, когда не отпустилъ онъ со мною Немѣровскаго, воловаго работника въ канцеляріи. Итакъ взялъ я съ собою Танѣева, для переводовъ, да писаря Батракова, на тяжкомъ уговорѣ, чтобъ назадъ отдать его графу Аракчееву писаремъ же, а не офицеромъ. Вотъ въ чемъ находила удовольствіе душа перваго вельможи!..

3-го сентября, въ 10 часовъ утра, простился я съ Петербургомъ, получивъ чрезъ князя Волконскаго 300 червонцевъ на дорогу, и самъ по себѣ оправился въ Вѣну, чрезъ Могилевъ, Мозырь, Житоміръ, Острогъ, Дубно и Радзивиловъ. Государь же изволилъ проѣхать на Брестъ, Краковъ и Величку. Въ этомъ путешествіи обрадованъ я былъ свиданіемъ съ матушкою, послѣ 8 лѣтней разлуки, съ 1806 года, когда, послѣ свадьбы моей, пріѣзжала она въ Петербургъ, ко мнѣ въ гости.

Отъ Радзивилова въ 10-ти верстахъ, между песками, лежитъ первый австрійскій городъ Броды, наполненный жидами, слѣдовательно, неопрятный. Выѣхавъ изъ него, вечеромъ 12-го сентября, къ обѣду на другой день прибылъ въ Лембергъ. Ѣзда по Австріи самая мучительная: не останавливаясь, нельзя сдѣлать въ сутки болѣе 18 миль (126 верстъ), по хорошему шоссе, которое становится хуже съ того только мѣста, гдѣ сошелся краковскій трактъ, отъ перевозки величковской соли. Отъ города Бѣльцы начинаются Карпатскія горы, вплоть до Вѣны, и одна станція такова, что на двухъ миляхъ 24 горы!

15-го сентября, ночью, прибылъ я въ Вѣну и, вмѣсто обѣщанныхъ шести недѣль, прожилъ 8 мѣсяцевъ, въ совершенной скукѣ: такъ какъ,

по незнанію языковъ и по нерасположенію къ весельямъ, не посѣщалъ я ни одного бала, ни праздника. Наконецъ, наступила весна, и прогулка въ Пратеръ и загородныя поѣздки сдѣлали жизнь пріятнѣе; но за то начали болѣть ноги. Бѣгство Наполеона, съ острова Эльбы, прибавило работы; но и утѣшило надеждою, что конгрессъ Вѣнскій кончится. Въ самомъ дѣлѣ, въ маѣ 1815 года простился я съ Вѣною и, вмѣстѣ съ государемъ, отправился, чрезъ Мюнхенъ и Штутгардъ, въ Гейльбрюнъ, гдѣ опредѣлена была главная квартира и гдѣ дожидался уже походный обозъ государевъ, прибывшій туда изъ Варшавы. Время было прекрасное; я видѣлъ и столицы и весь дворъ королей баварскаго и виртембергскаго (о сынѣ коего была уже молва, что онъ сватается за Екатерину Павловну), только ноги мои не позволяли ходить и участвовать въ праздникахъ. Странная болѣзнь: начали мокнуть подошвы и кожа сдѣлалась напослѣдокъ такъ тонка, что даже прикосновеніе пальцемъ было ощутительно. Виллié сказывалъ, что я ихъ простудилъ въ испаринѣ, когда-нибудь зимою, оставшись ночь или двѣ въ коляскѣ въ сапогахъ. Присыпка, имъ данная, большую принесла пользу; но болѣе мѣсяца не могъ я ходить.

Во время пребыванія въ Вѣнѣ и въ Гейдельбергѣ, имѣлъ я непосредственно дѣла съ государемъ. Всѣ военныя распоряженія 1815 года писаны мною, но какъ я не въ правѣ былъ объявлять высочайшихъ повелѣній, то бумаги сего рода подписывалъ князь П. М. Волконскій, съ которымъ я не служилъ, но чувствую, что можно съ удовольствіемъ служить, когда ни по одной бумагѣ не оказалъ мнѣ цѣлый годъ недовѣрчивости и подписывалъ ихъ, не спрося государя, точно ли такъ изложена воля его.

По полученіи въ Гейдельбергѣ пріятнаго извѣстія объ окончаніи дѣла при Ватерлоо, главная квартира перешла въ Мангеймъ и въ нѣсколько переходовъ достигла Нанси. Отсюда государь изволилъ отправиться, на почтовыхъ, въ Парижъ, а обозъ пошелъ своимъ порядкомъ, подъ прикрытіемъ корпуса Раевскаго. Въ обозѣ были: Толь, Закревскій, генералы и флигель-адъютанты, графъ Нессельроде, графъ Каподистрія и я.

Не болѣе двухъ мѣсяцевъ прожили на сей разъ въ Парижѣ; но время это провелъ я очень весело съ Закревскимъ, Ермоловымъ и княземъ Мадатовымъ. Къ тому же благопріятствовала и хорошая лѣтняя погода. Къ исходу августа собраны были всѣ наши войска у Вертю, и туда отправились военные разными способами, ибо почтовыхъ лошадей достать нельзя было, да и для государя выставлены были, на станціяхъ, собственныя его изъ обоза. Я, видя затрудненія таковыя, не будучи при томъ любопытенъ и зная еще, что статскому чиновнику не мѣсто быть при смотрѣ войскъ, расположился спокойно гулять дней 5, въ

Парижѣ, какъ наканунѣ отъѣзда своего государь, проходя мимо меня послѣ обѣденнаго стола, изволилъ спросить: «А ты ѣдешь въ Вертю?» Когда я доложилъ, что статскимъ мѣста тамъ нѣтъ, то государь не далъ мнѣ далѣе распространиться и, мгновенно обратясь къ Волконскому, сказалъ: «чтобъ лошади ему были; отправь его непремѣнно. Я знаю, что ты отшельникъ, не берешь участія ни въ одномъ дѣлѣ; но не повѣрю, чтобъ не было любопытства увидѣть на одной площади 150 т. стройныхъ войскъ русскихъ, чего не могу я дома сдѣлать; пріѣзжай непремѣнно». Эти слова я тотчасъ записалъ, какъ памятникъ вниманія государя, и тѣмъ болѣе, что все, бывшее тогда въ залѣ, начало меня ласкать и шутить со мною. Это называю я, дѣти, дворскою подлостію, которую хорошо узналъ впослѣдствіи.

Итакъ, положено было, чтобы я поѣхалъ въ Вертю, чрезъ 12 часовъ послѣ государя, и бралъ лошадей князя Петра Михайловича Волконскаго. 29 августа, пріѣхавъ туда, остановился я на квартирѣ у Закревскаго. Иду на завтра поздравить его величество съ днемъ тезоименитства. Входитъ въ залу князь Петръ Михайловичъ и спрашиваетъ, видѣлъ ли я государя. На отрицательный отвѣтъ мой, онъ сказалъ: «вы поздравьте и поблагодарите—указъ о пожалованіи васъ статсъ-секретаремъ уже у фельдъегеря». Тутъ я вспомнилъ, что за нѣсколько дней до выѣзда изъ Парижа, князь Волконскій просилъ меня по секрету написать ему вчернѣ указъ о пожалованіи Каподистрія статсъ-секретаремъ. По словамъ князя, ему въ то же время приказано было заготовить и другой—обо мнѣ. Множество генераловъ, въ залу собравшихся, и скорый выходъ къ обѣднѣ (которая отправляема была на горѣ, подъ шатромъ, окруженнымъ 120 т. воиновъ), не позволили мнѣ объясниться съ государемъ; но князю я открылся, что не знаю, радоваться или печалиться мнѣ должно въ новомъ званіи, потому, во-первыхъ, что, можетъ быть, графъ Аракчеевъ не хорошо это приметъ, и, во-вторыхъ, что я лишусь содержанія тысячи рублей, противу получаемаго мною по званію помощника статсъ-секретаря. Послѣ обѣда, бывшаго въ саду, на открытомъ воздухѣ, государь былъ столь милостливъ, что, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Я хвалю твой отзывъ Волконскому и указъ поправилъ, какъ ты сказалъ; а въ содержаніи не сомнѣвайся и напиши Гурьеву, чтобъ статсъ-секретарское производимо было въ добавокъ къ прежнимъ твоимъ окладамъ». Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ, въ подписномъ указѣ, приписку рукою государя: «съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ». Это считалъ я нужнымъ, чтобы графъ Аракчеевъ не подумалъ, будто бы я искалъ отдѣлаться отъ него, и дѣйствительно угадалъ. Во-первыхъ, онъ зашелъ въ Петербургѣ къ женѣ моей, съ поздравленіемъ, и разсказалъ мой поступокъ, чего ни она, никто другой не зналъ; во-вторыхъ, отвѣчая на письмо мое поздравленіемъ, не могъ скрыть, сколько

я знаю его, недоброхотства и примѣтить могъ, что въ головѣ его сѣло уже какое-то подозрѣніе, когда государь не спросилъ его совѣта предварительно.

Милости государевы содѣлывались время отъ времени ощутительнѣе. По возвращеніи изъ Вертю въ Парижъ, король сардинскій доставилъ государю 10 крестовъ, разной степени, ордена Маврикія и Лазаря, въ томъ числѣ два первой степени, украшенныя брильянтами. Всѣ любовались красотою сихъ крестовъ, въ комнатѣ князя Волконскаго, и полагали, что одинъ брильянтовый крестъ данъ будетъ ему, а другой графу Нессельроде; но 15 сентября князь объявилъ, что одинъ изъ крестовъ сихъ государь мнѣ жалуетъ: потому что у меня нѣтъ иностранныхъ орденовъ. И такъ, во второй вояжъ во Францію, я неожиданно получилъ двѣ награды, въ двѣ недѣли, тѣмъ драгоцѣннѣйшія для меня, что никакого посредства въ томъ не было. Я не имѣлъ никакого надъ собою начальства.

16 сентября государь изволилъ отправиться изъ Парижа для осмотра иностранныхъ войскъ; а я, пробывъ три дня въ Парижѣ, для отсылки лишнихъ тяжестей на фрегатѣ въ Петербургъ, отправился прямо въ Дижонъ, гдѣ собраны были къ смотру австрійскія войска.

Обозъ государевъ пошелъ изъ Парижа прямо въ Петербургъ, а свита слѣдовала на почтовыхъ, разными городами. Въ Дижонѣ были съ государемъ великіе князья Николай и Михаилъ и при нихъ генералъ Коновницынъ, князь П. М. Волконскій, Вилліе и я, не болѣе. Ихъ высочества отправились оттуда прямою дорогою въ Берлинъ, а прочіе слѣдовали за государемъ, чрезъ Швейцарію, Нюренбергъ и Прагу. Въ Нюренбергѣ нашелъ я Арсенія Андреевича Закревскаго и ѣхалъ съ нимъ, въ своей коляскѣ, до Праги. Отсюда онъ отправился въ Петербургъ, а мнѣ и Вилліе прислано на 3-й день приказаніе ѣхать въ Петерсвальдъ, гдѣ, во время перемирія, жили въ 1813 году. По прибытіи въ сію деревню, государь изволилъ только откушать и, чрезъ Франкфуртъ на Одерѣ, продолжалъ путь въ Берлинъ. Во весь обѣдъ разговоръ былъ о Сибири только, и меня удивило большое познаніе государя о семъ отдаленномъ краѣ. Тутъ-то рѣшилъ онъ быть непремѣнно въ Иркутскѣ, когда устроитъ домашнія дѣла, и оттуда возвращаться не иначе, какъ въ саняхъ.

Двѣ недѣли мы прожили въ Берлинѣ, по случаю свадебнаго сговора его высочества Николая Павловича, и послѣ поѣхали въ Варшаву: до Калиша тою дорогою, какъ шла армія наша въ 1813 году, а далѣе прямымъ и болѣе проселочнымъ трактомъ, самымъ гнуснымъ, наипаче въ тогдашнее осеннее время.

Въ Варшавѣ пробыли тоже не болѣе двухъ недѣль. Пребываніе сіе ознаменовано устройствомъ Царства Польскаго, сообразно конституціи,

и наградою Ланскаго и чиновниковъ, имъ представленныхъ; послѣ чего всѣ они должны были отправиться въ Россію.

Трактъ изъ Варшавы взятъ былъ на Бѣлостокъ, Гродно, Митаву и Ригу. Морозы были уже большіе, а по Россіи и настоящій зимній путь. Почему, бросивъ тамъ коляску, отправился я въ кибиткѣ, которая разсыпалась въ Нарвѣ, и я, на перекладной уже, въѣхалъ ночью въ Петербургъ, 2 декабря 1815 года, пробывъ опять въ разлукѣ съ домашними годъ и три мѣсяца.

Графъ Аракчеевъ, по скрытному характеру своему, не показалъ мнѣ при первомъ свиданіи особыхъ знаковъ недоброжелательства; однако, между разговорами, не упустилъ спросить: гдѣ я, по новому званію, служить буду? Отвѣтъ мой состоялъ «въ приписанныхъ государемъ словахъ въ указѣ»; и онъ далъ почувствовать, что, съ окончаніемъ войны, не будетъ уже болѣе заниматься гражданскими дѣлами. Однако, вслѣдъ за пріѣздомъ государя въ Петербургъ, предстала работа: раздѣленіе военнаго министерства, и пошло все по-старому. Съ бумагами по сему предмету ѣздилъ къ государю и графъ Аракчеевъ и я, вмѣстѣ, и едва ихъ кончили, какъ государь изволилъ предложить мнѣ мѣсто Молчанова [1]), просившагося за границу. Я написалъ графу Аракчееву письмо, прося довести до высочайшаго свѣдѣнія, что не въ состояніи исправлять обѣихъ должностей Молчанова, т. е. по комитету министровъ и по коммиссіи прошеній; а ежели угодно, то приму одну изъ нихъ и преимущественно комитетскую. Я опасался докладывать по просьбамъ, зная, что графъ Аракчеевъ не потерпитъ близкаго сношенія съ государемъ, и видя изъ опытовъ ненависть его ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ государь хорошъ, и желаніе всѣмъ завѣдывать, но такъ, чтобы ни за что не отвѣчать. Переговоры и пріисканіе докладчика продлились до Рождества. 24 декабря сдѣланъ я правителемъ дѣлъ комитета министровъ, а Кикинъ [2]) опредѣленъ уже въ январѣ.

Дѣла по комитету началъ докладывать графъ Аракчеевъ; слѣдовательно, удалена симъ всякая недовѣрчивость ко мнѣ, но во время отлучекъ его изъ города или болѣзни, ѣздилъ къ государю я, съ бумагами по назначенію графа Аракчеева. Для сего пожаловалъ мнѣ государь придворный экипажъ, узнавъ, что я не могу содержать его отъ себя. Помаленьку началъ графъ Аракчеевъ все прибирать къ себѣ, отвѣчая, однако, всякому, что онъ никакой отдѣльной части не имѣетъ и займется однимъ поселеніемъ войскъ. Дѣла совѣтскія рѣшительно къ нему поступали, министрамъ назначено столько предметовъ, по коимъ входили бы они въ комитетъ, съ представленіями, что инымъ ничего не

---

[1]) Петръ Степановичъ, 1760—1837, статсъ-секретарь Александра I.

[2]) Петръ Андреевичъ, 1775—1834, статсъ-секретарь, сенаторъ.

оставалось къ личному докладу государю; наконецъ, принялся было и за Кикина, но тотъ отгрызся.

Получивъ постоянное мѣсто въ комитетѣ министровъ, я думалъ, что прогулки мои по свѣту уже кончились; но, сверхъ ожиданія, въ августѣ 1816 г. велѣно ѣхать въ Москву и Варшаву. Графъ Аракчеевъ хотя скрылъ негодованіе, зачѣмъ государь беретъ меня съ собою, однако, показалъ неравнодушіе свое тѣмъ, во-первыхъ, что ни слова уже не говорилъ о томъ, поѣду я или нѣтъ; во-вторыхъ, ни теперь, ни послѣ, не испросилъ ни рубля мнѣ денегъ на дорогу, зная совершенно нужду мою, и въ третьихъ, не далъ мнѣ ни чиновника, ни писаря въ дорогу, подъ предлогомъ, что ему нужны, хотя всѣ дѣла его канцеляріи и журналы забиралъ я съ собою, исключая поселенческихъ.

13 августа, по утру въ 7 часовъ, выѣхалъ я изъ Петербурга и, пробывъ часа два въ Твери, у матушки (переселившейся туда по случаю выдачи сестры моей Ольги за Рахубовича), увидѣлъ обновившуюся Москву 16 числа, въ 5 часовъ вечера. Квартира была въ Чудовомъ монастырѣ. Примѣчательнаго въ сіе время, по нашей части было: награды 30 августа и назначеніе къ должностямъ Сперанскаго и Магницкаго, изъ которыхъ о Сперанскомъ указъ сочинилъ государь самъ, и графъ Аракчеевъ, изъ излишней вѣроятно осторожности, спряталъ отпускъ у себя, чего съ другими бумагами не дѣлалъ.

31 августа, на разсвѣтѣ, государь изволилъ отправиться изъ Москвы, чрезъ Калугу и бѣлорусское поселеніе, въ Кіевъ, а я, проживъ еще двое сутокъ въ Москвѣ, проѣхалъ прямо въ Кіевъ, чрезъ Тулу, Орелъ, Сѣвскъ и Нѣжинъ. Графъ же Аракчеевъ съ поселенія возвратился въ Грузино.

Въ Кіевѣ прожилъ съ 7 по 14 сентября, а сего числа пріѣхалъ въ Житоміръ, для предварительнаго объясненія съ сенаторомъ Сиверсомъ на счетъ пожертвованія Волынской губерніи. Доложивъ, по порученію сему, государю, получилъ благодарность за аккуратность и предосторожность. По утру 15-го выѣхалъ изъ Житоміра и, чрезъ Дубно, Владиміръ, Устилугъ [1]), гдѣ переѣхалъ границу, Люблинъ и Прагу, прибылъ утромъ 20 числа въ Варшаву, а 14 октября возвратился въ Петербургъ.

Сообщилъ профессоръ **В. А. Бильбасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Устилугъ, Ружіямполь, мѣстечко Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ

ВАСИЛІЯ РОМАНОВИЧА МАРЧЕНКИ.

1782 — 1838.

III [1]).

Пребываніе двора въ Москвѣ.—Отношенія Марченки къ графу Аракчееву.—Служба въ Государственномъ Совѣтѣ.—Назначеніе государственнымъ секретаремъ.—Кн. Кочубей предсѣдатель Государственнаго Совѣта.—Его характеристика.—Назначеніе Марченки членомъ Государственнаго Совѣта, а барона М. А. Корфа государственнымъ секретаремъ.

Въ февралѣ 1817 г., подавъ отчетъ о дѣлахъ комитета, которыя всѣ очищены были, просилъ я награды чиновникамъ. Государь столь доволенъ былъ успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ, что утвердилъ вполнѣ представленіе мое, а графу Аракчееву приказалъ заготовить для меня грамоту на орденъ 2 ст. Владиміра. Узнавъ о семъ, я убѣдительно просилъ графа Аракчеева доложить государю о недостаткахъ моихъ, и что, ежели не заслуживаю я аренды, то лучше буду ее выслуживать, но наружные знаки отличія мнѣ не нужны. Государь вслѣдствіе сего пожаловать изволилъ мнѣ въ аренду на 12 лѣтъ староство Житомірское, и графъ Аракчеевъ въ первый разъ показалъ при семъ случаѣ, что онъ не желалъ бы того сдѣлать. Обыкновенно кому доброжелательствовалъ, онъ подносилъ указъ къ подписанію, или извѣщалъ министра финансовъ, въ какую сумму пожалована аренда, отчего Персидскому [2]), напр., въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, дана генеральская

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1896 года.

[2]) Алексѣю Ивановичу, 1770—1842, помощнику статсъ-секретаря.

аренда; или же, наконецъ, сообщалъ министру финансовъ, чтобы, до вступленія въ полное владѣніе арендою, производимъ былъ арендный доходъ; но для меня ни одной изъ сихъ выгодъ не было. Онъ глухо сообщилъ обо мнѣ Гурьеву, и я получилъ аренду по чину, а не по званію, въ 1.200 р. Благодаря Ланскому [1]), тотъ прибавилъ отъ себя до 400 р., подъ предлогомъ, что въ обрѣзъ въ 1.200 р. аренды не было, и, вѣчная признательность сему доброму, честному человѣку за то, что, пособіемъ его и знакомствомъ съ Катерининчемъ [2]), ежегодно продана (?) аренда съ 1819 года, когда большія послѣдовали со мною перемѣны.

Не преставая ежедневно работать утромъ и вечеромъ по комитету министровъ и по государственной канцеляріи, я былъ еще, по особымъ указамъ, членомъ театральнаго комитета, въ 1816 году членомъ комитета о недоимкѣ въ разоренныхъ непріятелемъ губерніяхъ, а въ 1817 году членомъ слѣдственной коммиссіи по воинскимъ дѣламъ; и, благодаря Бога, меня доставало. Все шло хорошо; государь постоянно былъ благосклоненъ. Въ половинѣ августа 1817 года, опять приказано мнѣ ѣхать, и графъ Аракчеевъ ни слова не говорилъ о томъ, имѣя, какъ послѣдствіе показало, надобность выхлопотать чрезъ меня 100 т. рублей за отдѣлку мнимаго шоссе чрезъ Грузинское свое владѣніе. Уже не скрывалъ онъ предъ тѣмъ, что государь спрашиваетъ у него иногда: какъ Марченко думаетъ объ этомъ дѣлѣ. И когда, по высочайшей волѣ, требовалъ, чтобы я написалъ свое мнѣніе на бумагѣ, какъ будто въ лучшее удостовѣреніе государя, и я, знавъ хорошо графа Аракчеева, съ ужасомъ всегда исполнялъ сіи требованія, предвидя, что долго, коротко, доѣдетъ онъ меня, и потому всегда старался сколь можно держать себя поодаль отъ государя, не ѣздилъ иногда съ докладами, хотя и примѣчаемо сіе было. Наконецъ, одвимъ средствомъ ужиться съ графомъ Аракчеевымъ считалъ то, чтобы избавиться вояжей, которые болѣе всего могли поселять подозрѣніе въ человѣкѣ, увѣренномъ, что его никто не жалуетъ.

Въ исходѣ августа пріѣхалъ я въ Могилевъ, оттуда поѣхали въ Кіевъ, Кременчугъ, Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Калугу, и 1-го октября прибыли въ Москву, куда весь дворъ собранъ былъ на зиму. Графъ Аракчеевъ оставался въ деревнѣ своей. Все время государь удивительно милостивъ былъ ко мнѣ. Вотъ примѣры тому: а) на докладъ мой, что многіе бѣдные люди подаютъ государю просьбы о пособіи, и что не ловко отсылать просьбы таковыя къ Кикину, гдѣ годъ пройдетъ въ справкахъ

---

[1]) Дмитрію Сергѣевичу, управлявшему департаментомъ государственныхъ имуществъ, сенатору, позже члену Государственнаго Совѣта.

[2]) Василіемъ Семеновичемъ, сперва кіевскимъ вице-губернаторомъ, потомъ волынскимъ губернаторомъ.

и, по неимѣнію денегъ, ничего не сдѣлается, когда во время проѣзда и малость, тутъ же выданная, составитъ истинную помощь, государь рѣшительно одобрилъ мысль мою и разрѣшилъ раздавать деньги, не спрашивая его, прибавя къ тому: «Тебѣ лучше видѣть можно, нежели мнѣ, что̀ кому дать». Въ осторожность свою, я, бывало, отберу просьбы по цѣлой губерніи и, назначa пособіе каждому, по объясненію съ губернаторомъ и лучшими людьми, сдѣлаю регистръ и отошлю при ономъ деньги, для раздачи къ губернатору. b) Въ Кіевѣ, по просьбѣ моей, записанъ сынъ полковника Марченки въ пажи. c) Увидѣвъ однажды однофамилку мою, красавицу, на балу, государь изволилъ шутить за столомъ, при князѣ Волконскомъ, графѣ Ожаровскомъ, Виллiе и Данилевскомъ, что ежели бы не зналъ онъ о семействѣ моемъ, то подумалъ бы, что я для того не признаю ее роднею своею, чтобъ послѣ просить у него позволенія жениться. d) Изъ Полтавы послалъ меня впередъ, въ Харьковъ, изслѣдовать доносы на прокурора; и какъ здѣсь генералъ Сакенъ устроилъ изъ своего корпуса маневръ, изображавшій Полтавскую батву Петра Великаго, то требуя, чтобъ я смотрѣлъ маневры, прибавилъ: «Сто лѣтъ назадъ, вѣроятно, были на семъ мѣстѣ Марченки». e) Въ Орлѣ на руки отдана мнѣ, въ кабинетѣ, одна просительница (Фицнерова), чтобы я вошелъ въ ея дѣла и оказалъ, именемъ государя, защиту противу дѣйствій мѣстнаго начальства.

По пріѣздѣ въ Калугу, нашелъ я, сверхъ ожиданія, графа Аракчеева, ибо онъ хотѣлъ въ ноябрѣ только пріѣхать въ Москву, и съ сего времени всѣ дѣла пошли по-старому, чрезъ его руки. Въ Москвѣ нашелъ я квартиру въ новопостроенныхъ флигеляхъ Кремлевскаго дворца, сырую до того, что въ нѣсколько часовъ лужи дѣлались на полу, отъ течи со стѣнъ. Это заставило меня оставить квартиру сію и перебраться на квартиру въ сухой домъ пріятеля моего Гаврила Петровича Смолянскаго, у котораго я прожилъ всю зиму.

Первый шагъ пріѣзда въ Москву показалъ явное недоброхотство графа Аракчеева. Онъ имѣлъ съ собою всю канцелярію и высылалъ ко мнѣ всѣ безъ изъятія бумаги по гражданской части, такъ что и журналы, исходящіе къ нему, никогда уже не требовались. Отписавъ (исполнивъ?) первыя бумаги, посылаю ихъ къ писарямъ, для переписки на-бѣло, но графъ Аракчеевъ объявляетъ, чтобы я не занималъ его людей, ибо имъ много дѣла. Должно было взять изъ послѣднихъ чиновниковъ комитета, и три человѣка все время работали у меня въ Москвѣ. Два изъ нихъ, Жихаревъ и Суровщиковъ, были уже въ комитетѣ, а третьяго, Мочалина, помнится, принялъ я на службу въ Москвѣ, по рекомендаціи Степана Петровича Жихарева, честнѣйшаго человѣка, который и услаждалъ только непріятную жизнь мою. Мало-по-малу житье московское приготовляло меня къ тому, чего ожидать я долженъ былъ впередъ отъ

зависти графа Аракчеева; и какъ извѣстно было, что государь, побывавъ въ Варшавѣ, недолго пробудетъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а на осень отправится на конгрессъ въ Ахенъ, то поѣздку сію и думалъ я употребить въ свою пользу, открывшись князю Волконскому, что время отъ времени болѣе примѣчаю, сколь непріятно будетъ графу Аракчееву, что государь беретъ меня съ собою, что и воспитаніе дѣтей и продажа аренды требуютъ пребыванія моего въ Россіи, и что на конгрессѣ некогда будетъ заниматься гражданскими нашими дѣлами. Почему и просилъ князя доложить Его Величеству, чтобы за границу меня не брать. Онъ обѣщалъ это сдѣлать, но чтобы я, ничего не говоря, съѣздилъ теперь въ Варшаву.

Какъ на бѣду мою, въ Москвѣ чаще были порученія государя. Неоднократно графъ Аракчеевъ высылалъ бумаги съ слѣдующими резолюціями: «Государю угодно знать мнѣніе статсъ-секретаря Марченки», «Государю угодно, чтобы по сей бумагѣ доложилъ г. ст.-секр. Марченко лично, съ своимъ мнѣніемъ». Все это раздирало душу графа Аракчеева: онъ становился холоднѣе ко мнѣ; но я, какъ невинный человѣкъ, ограждался однимъ терпѣніемъ и дѣлалъ свое дѣло такъ, чтобы онъ никогда не могъ упрекнуть меня ни лѣностію, ни небреженіемъ. Неудовольствіе его замѣчательнѣе было для меня по двумъ слѣдующимъ анекдотамъ: 1) въ проѣздъ отъ Калуги до Москвы скопилось много просьбъ у графа Аракчеева, къ которому, какъ я сказалъ выше, всѣ уже бумаги отсылались. Въ Москвѣ вздумалъ онъ разбирать ихъ со мною. Я хотя могъ бы сказать, что это напрасный трудъ, ибо, сверхъ поданныхъ лично государю просьбъ, я имѣю впятеро болѣе, принятыхъ мною по званію статсъ-секретаря, на основаніи инструкціи, поднесенной мною чрезъ него же, графа Аракчеева, и притомъ всѣ онѣ идутъ по одному моему регистру; но, отклоняя всякую непріятность, безмолвно сталъ разбирать.

Вскорѣ попадаются просьбы о пособіи. «Ну, что съ ними дѣлать?» — сказалъ графъ. Я отвѣчалъ ему, какъ я поступаю, и что у меня есть еще нѣсколько подобныхъ, которыя отложилъ я до пріѣзда губернатора въ Москву. Онъ замолчалъ, но чрезъ нѣсколько дней, выходя отъ себя къ разводу, видитъ въ передней женщину, которая, упавъ ему въ ноги, назвала себя генеральшею Вырубовою и умоляла исходатайствовать у государя пенсіонъ, по поданной просьбѣ. Онъ, разсердясь, сказалъ: «матушка, это не мое дѣло; есть у государя секретари, раздающіе и пенсіи и деньги; а я не имѣю такого кредита». Это явно уже было на мой счетъ, но я перетерпѣлъ и, давъ бѣдной своихъ 50 р., научилъ ее, чтобы она шла къ Кикину, пріѣхавшему въ то время въ Москву, ибо просьбы ея нѣтъ у графа Аракчеева и не будетъ. Вотъ, что могъ бы и онъ сказать просительницѣ, никого не огорчая. 2) Въ ноябрѣ купецъ Старпковъ подавалъ просьбу государю, по дѣлу съ княгинею Бѣлосель-

скою-Бѣлозерскою. Однимъ утромъ, графъ Аракчеевъ присылаетъ за мною. Въ пріемной нахожу я какого-то мужика, съ брильянтовыми медалями, и вслѣдъ за симъ вышелъ Аракчеевъ изъ кабинета своего съ Тормасовымъ [1]) и оберъ-полиціймейстеромъ Шульгинымъ. «Милостивый государь»,—сказалъ графъ,—«вотъ я при васъ объявляю г. Старикову, что государь приказалъ дѣло его разобрать своему секретарю, для того, что я въ подозрѣніи, и съ Бѣлосельскою въ родствѣ штабъ, который меня не жалуетъ. Такъ не изволь ко мнѣ ходить больше и безпокоить, а знай его превосходительство (указывая на меня), который и самъ живетъ вонъ тамъ въ штабѣ же». На послѣднія слова я невольно улыбнулся и сказалъ, что то же можно бы сдѣлать и безъ процессіи (?); послѣ чего засмѣялся и Тормасовъ, старикъ, котораго нарочно для сего просилъ къ себѣ графъ Аракчеевъ. 3) Въ декабрѣ графъ Аракчеевъ былъ нездоровъ и я ходилъ по утрамъ, вмѣсто его, съ докладами. 11-го числа государь, отдавая мнѣ списки Тормасова, о наградѣ чиновниковъ, изволилъ сказать, что «чрезвычайно много представлено, о чемъ онъ и Тормасова предупредитъ. Разберите вы ихъ съ графомъ и убавьте; а послѣ скажи мнѣ, кому что назначите, чтобы къ завтрему, т. е. 12-го декабря, дать имъ награды». Дорожа временемъ, я просилъ Тормасова, чтобы послѣ развода зашелъ къ графу Аракчееву, для убавки; а самъ, между тѣмъ, пошелъ къ нему доложить о семъ. Бѣшенство возобладало симъ человѣкомъ, коль скоро объявилъ я ему волю государя. «Что я за шпіонъ, чтобы знать всѣхъ писарей и квартальныхъ: я вчерась сказалъ уже государю, когда онъ былъ у меня, что меня вездѣ бранятъ; да зато, какъ онъ сталъ со мною говорить о полновѣсныхъ, я все ему отпѣлъ: пусть же бранятъ за дѣло». Потомъ, заглянувъ въ списокъ, увидѣлъ перваго губернатора Дурасова. «Къ лентѣ? давно ли кареты подавалъ на подъѣздахъ; скажи, не полюбятъ, а не скажи, такъ заговорятъ, что для Танѣева сдѣлалъ; и вѣрно старѣе его много. Ты лучше знаешь, ты больше съ государемъ видишь губернаторовъ». И, развернувъ на-удачу статскій списокъ, попался харьковскій губернаторъ Муратовъ. «Вотъ, каковъ этотъ?» — «Умный человѣкъ, какъ въ сутки можно было замѣтить; но больше ничего не знаю»,—отвѣчалъ я.—«Вотъ, онъ старѣе Дурасова, а дадутъ и ему ленту, такъ скажутъ—зато, что угощалъ мою любовницу! [2]) Вѣдь у васъ въ штабѣ все это знаютъ». Послѣднія слова сильно на меня подѣйствовали, сколь я ни кротокъ. Сложивъ бумаги и вставъ со стула, я спокойно сказалъ: «ваше сіятельство, я не привыкъ говорить съ вами ни о штабѣ, ни о любовницѣ вашей, еще менѣе заслуживаю слышать непріятности. Принеся вамъ списки, я исполнилъ волю государя. Не-

[1]) Александромъ Петровичемъ, 1736—1819, генераломъ отъ кавалеріи.
[2]) Пукалову.

угодно вамъ исполнять ее далѣе, мнѣ остается доложить только государю, ибо я долженъ дать отвѣтъ до обѣда, а ночи едва-ли достанетъ мнѣ на заготовленіе къ утру указовъ и грамотъ». Слова сіи упоминаю я для того, что Персидскій видѣлъ всю сцену. Они подѣйствовали однако на него: онъ перемѣнилъ тонъ и началъ заниматься списками, такъ что, съ приходомъ Тормасова, въ полчаса все кончено было. 4) Наконецъ, въ началѣ января [1]), расположился государь съѣздить на двѣ недѣли въ Петербургъ, и графъ Аракчеевъ отправился прежде. Наканунѣ отъѣзда, бывъ съ докладомъ, я спросилъ государя: «можно ли мнѣ ѣхать?» Отвѣтъ былъ. «Какъ же, повидайся съ женою, а послѣ опять надолго уѣдемъ». Я послѣ сего и выѣхалъ ночью. Около Новгорода встрѣчаю, въ откидной кибиткѣ, графа Аракчеева съ Муравьевымъ; оба мы остановились. Онъ спросилъ, скоро ли государь будетъ, и не воздержался замѣтить, что онъ не ожидалъ, чтобы я въ Петербургъ поѣхалъ. Вопросъ сей оставилъ я безъ вниманія, никакъ не предполагая, чтобы отъ зависти онъ происходилъ; но послѣдствія связали уже всѣ обстоятельства. Проживъ двѣ недѣли въ Петербургѣ, 30-го января выѣхалъ въ Москву [2]), а 22-го февраля изъ Москвы, чрезъ Смоленскъ, Минскъ и Брестъ въ Варшаву. Здѣсь былъ сеймъ, продолжавшійся со второй недѣли великаго поста до Пасхи. 19-го апрѣля отправился изъ Варшавы, чрезъ Устилугъ, въ Старо-Конставтиновъ, гдѣ собранъ былъ корпусъ князя Горчакова; оттуда въ Каменецъ-Подольскій. Здѣсь нашелъ я графа Аракчеева и, слѣдовательно, доклады чрезъ меня опять кончились.

Изъ Кишинева, чрезъ Бендеры, пріѣхалъ въ Тирасполь. Былъ большой столъ у Беннигсена. Оттуда въ Бугское военное поселеніе, гдѣ три дня столъ былъ у государя. Потомъ прибыли въ Одессу. Оттоль, чрезъ Николаевъ, Херсонъ и Перекопъ, въ Симферополь.

Къ неописанной радости, нашелъ я здѣсь стариннаго начальника моего и благодѣтеля Семена Семеновича Жегулина, съ которымъ видѣлся каждый день и часто у него обѣдалъ, въ загородномъ домѣ. Наконецъ, оставя Крымъ, прямою дорогою на Молочныя Воды, пріѣхали въ Таганрогъ и, чрезъ сутки, отправились оттуда въ Черкаскъ. Большой, но безтолковый обѣдъ данъ былъ донцами, сконфузившимися до того, что и вина не было. Припасено у нихъ было множество иностранныхъ винъ; но государь изволилъ спросить донскаго. На первый случай схватили днѣ бутылки, дурнаго, у сосѣда, а пока казаки успѣли внести въ залу хорошее, столъ кончился, и гости, человѣкъ до 60, большою частью не успѣли выпить ни донскаго, ни иностраннаго вина.

---

[1]) 1818 года.

[2]) Жена, провожавшая меня до шлагбаума, а потомъ до Средней Рогатки, въ компаніи (чего никогда я не дѣлалъ) шуткою доѣхала до Померанія, а за ужиномъ рѣшилась и, въ той же кибиткѣ, очутилась въ Москвѣ.

Изъ Черкаска путь взятъ былъ на Воронежъ и Рязань въ Москву, куда прибыли всѣ 1-го іюня; а дня черезъ три пріѣхалъ туда и король прусскій. Въ половинѣ іюня выѣхалъ я изъ Москвы въ Петербургъ и здѣсь кончилъ послѣднее порученіе государя: устроить представленіе чиновниковъ королю прусскому. Когда дошла до меня очередь на своемъ мѣстѣ, то государь, назвавъ фамилію мою и мѣсто службы, добавилъ, что я былъ во всѣхъ вояжахъ и походахъ съ 1812 года. Все это не показывало ни малѣйшей перемѣны въ государѣ ко мнѣ, и я оставался въ совершенномъ покоѣ, зная уже отъ князя Волконскаго, что меня не возьмутъ на предположенный конгрессъ въ Ахенѣ.

Занимаясь, своимъ порядкомъ, по комитету и канцеляріи, я замѣтилъ, однако, умножающуюся холодность графа Аракчеева и думалъ, въ чистотѣ души своей, что онъ обрадуется, узнавъ, что меня не берутъ въ заграничный вояжъ. Князь же Лопухинъ [1]) самъ вызывался предъ тѣмъ просить графа Аракчеева, чтобы оставили меня въ комитетѣ, доказывая разстройство дѣлъ отъ моего отсутствія, особенно, ежели государь долго останется за границею. Такъ прошелъ и августъ, въ которомъ удалось, наконецъ, графу Аракчееву совершить свое предпріятіе: удалить меня отъ лица государя. 26 августа подписанъ указъ о переводѣ меня въ Государственный Совѣтъ, по гражданскому департаменту, а объявленъ не прежде, какъ чрезъ три дня по отбытіи государя изъ столицы. Этого не могъ я перенести хладнокровно. Хотя собственно для меня служба моя не увизилась отъ перевода сего; но тайна Аракчеева, который предъ тѣмъ много дѣлалъ мнѣ непріятностей, и неизвѣстность, не уменьшится ли содержаніе мое, невольно приводили въ размышленіе, не оклеветалъ ли онъ меня предъ государемъ, столь много оказавшимъ мнѣ знаковъ своего вниманія и довѣренности. О городской же молвѣ, признаюсь, я вп мало не помышлялъ, во-первыхъ, потому, что, кромѣ хорошаго отзыва и сожалѣнія, ничего говорено не было; а во-вторыхъ, что, по общему мнѣнію, сколь ни лестно находиться при высочайшей особѣ, но поѣздки крайне меня разстроивали по части денежной, и я съ 1816 года никакой не видалъ за то награды, да и ожидать не могъ, зная, что государь самъ собою не вздумаетъ, а графъ Аракчеевъ отъ недоброжелательства и зависти не напомнитъ. Доказательство тому, что каждый годъ къ святой недѣлѣ представлялъ я чиновниковъ своихъ къ награжденіямъ—они все то получали, что я назначу, по списку, но обо мнѣ помину не было.

Сдавъ комитетъ на другой же день, по объявленіи указа, дѣйстви-

---

[1]) Петръ Васильевичъ, 1741 — 1827 г.г., предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

тельному статскому совѣтнику Колосову [1]), я донесъ государю за границу, что сдалъ ему и всѣ прочія порученія, на мнѣ лежавшія, считая ихъ не принадлежащими до должности моей по Государственному Совѣту; а самъ явился въ Совѣтъ 3 сентября 1818 года.

1-го октября придворный экипажъ, по требованію графа Аракчеева, перешелъ отъ меня къ Муравьеву. Это уменьшило содержаніе мое и показало все злодѣйство Аракчеева. Я могъ бы писать государю, подъ предлогомъ сомнѣнія, что онъ за границею, а здѣсь дѣйствуютъ его именемъ; но разсчитывалъ, что это будетъ жалоба на графа Аракчеева, котораго не промѣняютъ на меня, что однимъ только симъ поступкомъ могъ бы онъ укорять меня за все время совмѣстнаго съ нимъ служенія, и потому рѣшился молчать.

Въ Государственномъ Совѣтѣ принялся я за работу, по обыкновенію моему. Дѣла шли съ такимъ успѣхомъ, что въ 1820 году нерѣшенныхъ не оставалось. Предсѣдатели департамента гражданскаго, князь Лобановъ, графъ Кочубей, Поповъ и Мордвиновъ, являли мнѣ всю довѣренность свою и уваженіе. Служба сколь ни тягостна была, но пріятна; одно только прискорбно было, что не обращалось на нее никакого вниманія. Обстоятельство сіе и безпрерывное вступленіе дѣлъ, часто запутанныхъ и пристрастныхъ, наводили уже скуку на меня, которую должно было переносить, поневолѣ, какъ человѣку, зависящему отъ службы, за 15 тысячную плату. Лѣто и осень 1821 года Мордвиновъ, будучи предсѣдателемъ экономическаго департамента, завелъ такую ссору на бумагѣ съ министромъ финансовъ, что государь, по возвращеніи въ Петербургъ, перевелъ Мордвинова и Саблукова въ гражданскій департаментъ, а въ экономическій назначилъ предсѣдателемъ князя Куракина, а меня сдѣлалъ статсъ-секретаремъ этого департамента, 27 ноября 1821 г.

Итакъ, опять, по милости Божіей, перемѣна въ мою пользу. Въ экономическомъ департаментѣ дѣлъ гораздо менѣе, и я въ скоромъ времени почувствовалъ ощутительную въ здоровьи перемѣну.

Между тѣмъ, не зная ничего о намѣреніи государя, не имѣя никакой возможности оставить службу и убивая себя дѣлами гражданскими, рѣшился я написать государю письмо, что мнѣ нужно пособіе на воспитаніе дѣтей, что я не знаю, какую бы имѣлъ онъ причину быть недовольнымъ мною; но ощущая гнѣвъ его, по уменьшенному у меня содержанію, прошу простить вину мою, для меня сокровенную, и пособить или прибавкою содержанія, или заплатою въ ломбардъ долгу моего. Вдругъ получаю отъ графа Аракчеева запросъ: какая убавка послѣдовала въ моемъ содержаніи? Отвѣтъ былъ краткій, что я лишенъ экипажа. 21 ноября—указъ, что къ содержанію моему прибавляется 3.500 р. въ годъ.

---

[1]) Ивану Петровичу, 1775—1819 гг.

съ выдачею и за прошедшій годъ. Это—сумма, которую именно означилъ я въ письмѣ на воспитаніе дѣтей. Но что жъ дѣлаетъ графъ Аракчеевъ? Препровождая ко мнѣ копію указа, объясняетъ въ отношеніи, будто бы отзывъ мой докладывалъ государю, будто по взятой справкѣ, оригиналомъ ко мнѣ препровожденной, за экипажъ платитъ конюшенная контора по 3.500 р., почему сумма сія мнѣ и пожалована. Но какую же справку овъ прислалъ? письмо Муханова къ Муравьеву 1818 г. Въ злости его, и утонченное плутовство Муравьева не могло скрыть истины. Зная и государя, и Аракчеева, я такъ разумѣю: Государь по письму моему приказалъ заготовить указъ о 3.500 рубляхъ; Аракчеевъ не могъ перемѣнить сего, и потому оставалось одно средство— не обманываю ли я, что содержаніе у меня уменьшено. Ошиблись и въ семъ разсчетѣ: онъ не посмѣлъ показать отвѣта моего государю, и потому, заготовивъ глухой указъ, даетъ бумагою своею оборотъ на экипажъ и, вмѣсто новой справки, присылаетъ мнѣ взятую за три года прежде. Безъ плутовства, онъ могъ бы просто сказать въ указѣ, «такому-то жалуемъ на экипажъ по 3.500 р.». Но слово экипажъ не вкусно, ибо исторію о немъ надобно утаить отъ государя.

Вотъ уже семь лѣтъ службы моей въ Совѣтѣ, и никакой награды. Я заставилъ честолюбіе свое умолкнуть совершенно; но семья меня безпокоила. И, наконецъ, представился случай говорить о себѣ: въ походѣ 1824 г. узнаю, что генералъ-лейтенантъ Радтъ проситъ моей аренды; поспѣшаю къ Канкрину[1]) и Оленину[2]) предупредить о сей грозѣ, и Алексѣй Николаевичъ, спасибо ему, тотчасъ отправилъ записку мою государю. Черезъ недѣлю объявляетъ Канкринъ, что Радту велѣно дать другую аренду; но моя также мнѣ не отсрочена, потому что 6 лѣтъ еще остается владѣнія, и государь сказалъ: «повременимъ отсрочкою». Самое дѣйствіе сіе показываетъ, что государь не имѣлъ намѣренія гнать меня, и что мнѣ надлежало руководиться тою же мѣрою ангельскаго терпѣнія.

Съ отъѣзда государя въ 1825 г. въ Таганрогъ, никто не зналъ о времени возвращенія его въ столицу, и послѣ удостовѣрительнымъ казалось, что до новаго года не возвратится. Осенью 1825 г. зарѣзана въ Грузинѣ дѣвка графа Аракчеева[3]), что̀ заставило его отказаться отъ исправленія должностей. Это обстоятельство рѣшило меня отправить къ 12-му октября письмо въ Таганрогъ, о воззрѣніи на недостаточное мое

---

[1]) Егору Францовичу, 1776 — 1845, графу, министру финансовъ; автору „Записокъ".

[2]) Алексѣю Николаевичу, 1763—1843, статсъ-секретарю, писателю.

[3]) Настасья Ѳедоровна Шумская (Минкина). О ней и объ ея смерти см. „Русск. Стар.", III, 242; IV, 262; XLI, 479; XLII, 406.

содержаніе; но извѣстіе, 27-го ноября, полученное о кончинѣ государя, все перемѣнило.

Извѣстно, какими происшествіями началось новое царствованіе. Просить въ сіе время о себѣ—былъ бы грѣхъ непростительный, и я объявилъ одно только желаніе Оленину быть представленнымъ государю особо въ кабинетѣ; на что его величество и изъявилъ свое соизволеніе, объявленное мнѣ 14-го декабря при Сперанскомъ.

Вскорѣ послѣ сего Бижевичъ присылаетъ Кудряшева сказать, что получена бумага цесаревича о принятіи Алексаши въ пансіонъ лицея, и что не мѣшало бы попросить Татищева, который, за отсутствіемъ Дибича, докладываетъ по штабу, о принятіи его на казенное содержаніе. Безъ всякой надежды на Татищева, но только для того, чтобы не упрекнуть себя впослѣдствіи, поѣхалъ я къ нему, съ тѣмъ, что просить государя я не намѣренъ, а ежели можно, то отъ себя, при докладѣ бумаги цесаревича, сказалъ бы о большомъ семействѣ моемъ и недостаточномъ состояніи. Богу угодно было, чтобъ планъ сей исполнился, и 30-го декабря получилъ я оффиціальное извѣщеніе о томъ военнаго министра Татищева.

2-го же января обрадованъ пожалованіемъ ордена 2-го Владиміра, по запискѣ, поднесенной Олениным, что я девятый годъ ничѣмъ не награжденъ. На запискѣ сей награда отмѣчена собственною его императорскаго величества рукою.

Въ іюлѣ 1826 г. назначено и мнѣ ѣхать въ Москву, по случаю коронаціи. На проѣздъ отпущено, сверхъ прогоновъ, третное жалованье (до 5 тыс. руб.), что поставило меня въ возможность сдѣлать вояжъ сей безъ убытку. Сверхъ всякаго чаянія, въ день коронаціи получилъ я брильянтовые Анненскіе знаки, и такимъ образомъ поѣздка въ Москву обратилась въ сугубую для меня пользу. Я былъ въ возможности отдѣлать за-ново коляску и подвесть фундаментъ подъ сараемъ и конюшнею. Сему способствовало много то, что, по дружбѣ Жихарева, житье въ Москвѣ немного мнѣ стоило.

21-го сентября отвезъ я Сашу въ пансіонъ лицея.

Зимою учрежденъ былъ секретный комитетъ по доносамъ на коммиссаріатскіе извороты, продолжавшійся до августа 1827 г. Не знаю, кто меня упряталъ туда, подъ предлогомъ (какъ государь изволилъ сказать мнѣ), что я знаю коммиссаріатскую часть, но работа для меня была ужасная, ибо изъ коммиссаріатскихъ чиновниковъ никого взять я не могъ, а гражданскимъ неизвѣстны дѣла сего рода; самый предметъ былъ довольно щекотливый: все показывало, что коммиссаріатъ запутанъ и безъ запасовъ, что великія въ немъ злоупотребленія; но могло ли сіе быть при геніи графа Дибича?

Среди работы сей, тяжкой и осторожной, о которой имѣлъ государь

ежедневныя свѣдѣнія отъ предсѣдателя комитета, графа Толстаго [1]), неожиданно получаю я, вечеромъ 28-го апрѣля 1827 г., записку отъ графа Кочубея [2]), что по высочайшей волѣ имѣетъ онъ надобность видѣться со мною. Надобно знать, что графу извѣстенъ я былъ только по службѣ, и, со времени выбытія его изъ гражданскаго департамента, въ 1820 г. у него не былъ; въ Москвѣ видѣлъ его во время коронаціи, возвратившагося изъ-за границы, и то за обѣдомъ въ англійскомъ клубѣ; а о пріѣздѣ въ Петербургъ и не слыхалъ. Явившись тотъ же вечеръ къ графу Кочубею, пораженъ былъ новостію: послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о службѣ моей, о Совѣтѣ, о дѣлахъ, онъ объявилъ, что государь предлагаетъ ему званіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта (послѣ умершаго князя Лопухина), но что ему нужно прежде знать: согласенъ ли я занять мѣсто Оленина? Отвѣтъ былъ положительный и по утру состоялись указы, такъ рано и неожиданно, что ни въ Совѣтѣ, ни въ городѣ никто не воображалъ о перемѣнѣ.

Какъ не признать здѣсь благости Божіей? Хотя графъ Аракчеевъ не гналъ меня (ибо, бывъ худо принятъ, потащился за границу), тѣмъ не менѣе я не имѣлъ никакой подпоры у новаго государя, и только секретный комитетъ препятствовалъ принять что-либо рѣшительное насчетъ моей будущности. Но сей самый комитетъ познакомилъ меня съ графомъ Толстымъ и Васильчиковымъ, которые, вѣроятно, одно хорошее говорить обо мнѣ могли. Такъ понимаю я изъ словъ графа Толстаго. По назначеніи меня въ новую должность, онъ сказалъ, что давно зналъ о томъ, и что рѣшено еще было въ день похоронъ князя Лопухина, когда онъ ѣхалъ въ колескѣ съ государемъ.

Въ первое время мнѣ чрезвычайно было трудно; но къ осени 1827 года все поправилось. Комитетъ коммиссаріатскій кончилъ свои занятія. Устроена по возможности государственная канцелярія, дѣламъ данъ правильнѣйшій ходъ, и я имѣлъ счастіе слышать безпрестанно удовольствіе государя и видѣть награжденными моихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ.

Правда, что съ утра до 12 часовъ ночи сижу я за работою, лишенный всѣхъ удовольствій свѣтскихъ; но когда это оцѣнивается, то и жизнь пріятна. Одни квартирныя деньги, наслѣдованныя мною послѣ Оленина (которому далъ ихъ графъ Аракчеевъ, для удержанія на службѣ, дабы мнѣ только не открыть дороги), достаточны были заставить меня такъ работать; ибо совершенно обезпечено было существованіе моего

---

[1]) Петра Александровича 1769—1844, петербургскаго военнаго губернатора, предсѣдателя военнаго департамента Государственнаго Совѣта.

[2]) Виктора Павловича, 1768—1834, съ 1831 года князя.

семейства; но, сверхъ того, ежегодно изливались на меня монаршія милости. Въ исходѣ 1827 г. заикнулся я графу Кочубею, что и въ новое царствованіе произведены младшіе—тотчасъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; въ 1829 г. сдѣланъ былъ отъ высочайшаго имени вопросъ: чего я желаю и, согласно отзыву, отсрочена мнѣ на 12 лѣтъ прежняя аренда, съ прибавкою по 515 руб. сер.; въ 1830 г. утвержденъ въ званіи государственнаго секретаря; въ 1831 г. получилъ при рескриптѣ табакерку, съ портретомъ его величества; а въ 1832 г.—орденъ Бѣлаго Орла.

Признаюсь, однако, что сею послѣднею наградою не былъ я доволенъ. Носивъ 18 лѣтъ Анненскую ленту, можно было ожидать Александровской, особливо когда предъ тѣмъ графъ Канкринъ надѣлъ ее на Дубенскаго. Легко ничто не происходило, и какъ въ сіе же время данъ Бѣлый Орелъ Блудову и Дашкову, то можно было догадаться, кто причиною? Благодарность князю Кочубею, за прочее, заградила уста, и я, имѣвъ въ декабрѣ 1831 г. замѣчаніе, за пропускъ одной бумаги Канкрина по таможенной части, объявилъ только ему, что, по подачѣ отчета, намѣренъ былъ просить смѣны, что теперь не дѣлаю сего, дабы не показать государю, что недоволенъ наградою, хотя и не скрываю, что мнѣ обидно, и чтобы его сіятельство искалъ въ теченіе года государственнаго секретаря, такъ какъ силъ моихъ уже недостаетъ, и я несроденъ открывать тонкое плутовство министра финансовъ. Дѣло довольно странное: весь Совѣтъ, 40 человѣкъ, не понялъ прямаго смысла одной двусмысленной фразы, по коей надбавочная съ 1832 года таможенная пошлина обращена и на товары, зазимовавшіе въ таможняхъ; а на мнѣ все обрушилось.

Средь событій сихъ, когда, обезпеченный содержаніемъ, водворилъ я въ домѣ полное на этотъ счетъ спокойствіе, и устроилась помаленьку и судьба трехъ дочерей: въ 1828 г. выдана замужъ Марія, въ 1829 г. Екатерина, а въ 1832 г. Елизавета; но Богу не угодно было продлить жизнь послѣдней изъ нихъ: чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ свадьбы показалась у нее кровь, и открывшаяся вслѣдъ затѣмъ скоротечная чахотка въ одинъ мѣсяцъ довела ее до гроба—17 января 1833 г. за три дня до смерти ея, получилъ я Александровскій орденъ.

1832 годъ примѣчателенъ въ нашей семьѣ еще тѣмъ, что забота моя—куда дѣвать Петашу, послѣ уничтоженія лицейскаго и университетскаго пансіоновъ, и когда въ гимназіи скорѣе избалуется мальчикъ, нежели чему-нибудь выучится,—уничтожилась. Свѣдавъ, что лицей, по необходимости, комплектованъ будетъ послѣ выпуска 1832 г. гимназистами, я рѣшился просить государя о зачисленіи въ то число сына моего, Петра, котораго успѣлъ бы я приготовить чрезъ лицейскихъ профессо-

ровъ къ экзамену. Князь Голицынъ [1]), сей благодѣтельный мужъ, пособилъ мнѣ не только въ первомъ случаѣ, но и въ послѣднемъ, рекомендовавъ профессора Кайданова [2]), почтеннаго человѣка. Просьба моя сдѣлала добро пяти семействамъ. Государь согласился съ мнѣніемъ его высочества Михаила Павловича, чтобы, вмѣсто 25 гимназистовъ, брать въ лицей только 20, а пять вакансій оставлять на диспозицію его величества, для замѣщенія дѣтьми заслуженныхъ чиновниковъ. Къ чести Неташи сказать должно, что, дорожа мѣстомъ воспитанія, онъ превзошелъ ожиданія профессоровъ и въ 6-ть мѣсяцевъ такъ себя приготовилъ, что выдержалъ экзаменъ, увѣряя все время, что выдержитъ, хотя мы не надѣялись и рѣшились платить, въ противномъ случаѣ, за него деньги (по вновь послѣдовавшему устройству), лишь бы только быть ему воспитану въ Царскосельскомъ лицеѣ. Съ поступленіемъ Петра въ младшіе воспитанники лицея, сынъ Александръ поступилъ въ старшіе, и вотъ въ 1835 г., думать уже надобно: какимъ путемъ указать ему ходъ по службѣ царю и матушкѣ Россіи.

1833 годъ былъ счастливъ для меня и въ началѣ, и въ концѣ. 17 января пожалованъ орденъ св. Александра, а 10 ноября подарена кварта съ аренды, сколько въ уравненіе съ Блудовымъ и Дашковымъ, столько и въ возмездіе убытковъ, ибо аренды моей съ 1831 г. никто не покупалъ; разстройство ея требовало издержекъ, деньги, по мѣрѣ полученія, исчезали, а прожитокъ и три свадьбы невольно сдѣлали долгъ.

Надежда, что аренда, безъ платежа въ казну кварты, скорѣе будетъ продана, рѣшила меня сдѣлать къ дому пристройку, въ саду, занявъ на предметъ сей въ банкѣ 20.000 руб. Важныя къ тому были причины: мы не имѣли порядочной столовой; надобно было думать объ отдѣльномъ помѣщеніи сыновей, по выпускѣ изъ лицея, а дощатая терраса, въ саду приходила въ ветхость.—Вмѣсто ея-то и положили мы съ женою сдѣлать каменную пристройку, въ три этажа такимъ образомъ, чтобы низъ, на сводахъ, составлялъ подвалы, а послѣ и жилье; бель-этажъ—столовую и буфетъ, а третій—двѣ спальни и гостиную съ балкономъ, для сыновей собственно. Замѣчательно, что, рѣшившись на это въ августѣ 1833 г., къ зимѣ кончено было строеніе вчернѣ съ крышею; рано весною началъ я чистую отдѣлку, и въ августѣ 1834 г. мы обѣдали уже въ новой столовой.

Съ сею постройкою надобно было измѣнить и старое обязательство Марьи Осиповны, насчетъ урегулированія улицы. Поэтому сдѣлана

---

[1]) Александръ Николаевичъ, 1773—1844; министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

[2]) Иванъ Кузьмичъ, 1782—1845; профессоръ исторіи въ лицеѣ, писатель.

чугунная рѣшетка около дому, съ палисадникомъ, новые заборы и тротуаръ, такъ что строеніе вообще и передѣлка сада обошлись намъ въ 29.000 руб. Остальные 9.000, къ занятымъ изъ банка, и 2.000 руб. процентовъ банку, заплачены уже деньгами, за аренду полученными, которая, благодаря Катеринича, продана, между тѣмъ, хотя съ годовою только платою (а не вдругъ), но я остался доволенъ цѣною.

Все бы хорошо, но должность государственнаго секретаря убивала меня: сидя утро и вечеръ въ кабинетѣ, я не успѣвалъ уже столько дѣлать, какъ прежде; надобно было ожидать упущеній, слѣдовательно и отвѣтственности. Объ этомъ при возможномъ случаѣ напоминалъ я князю Кочубею и всегда слышалъ одинъ отзывъ, что ищутъ человѣка на мое мѣсто. Наконецъ, городъ нарекъ его, когда Лубяновскій [1]) сдѣланъ сенаторомъ, и слухъ сей былъ вѣроподобенъ: г. Лубяновскій въ малыхъ чинахъ служилъ у князя Кочубея и Сперанскаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, слылъ дѣльцомъ и послѣдніе годы былъ губернаторомъ. Въ началѣ 1834 г. князь Кочубей тяжко занемогъ, и все показывало, что подагра у него въ груди уже; но, почувствовавъ къ святой недѣлѣ облегченіе, распорядился онъ кончить при себѣ болѣе важныя дѣла по Совѣту, и 10 мая отправиться изъ Петербурга по своимъ деревнямъ. Когда все было кончено и надлежало поднести только указъ о предсѣдателѣ и членахъ, то встрѣтилось затрудненіе: князь Голицынъ и Васильчиковъ отказывались отъ предсѣдательства. Наконецъ рѣшилъ государь, чтобы князю Голицыну быть, и князь Кочубей, отдавая мнѣ проектъ указа, просилъ не включать въ немъ словъ: до возвращенія предсѣдателя править его должность и проч., открываясь, что онъ обезсилѣлъ и, по возвращеніи, не вступитъ въ президентство. Это рѣшило меня дѣйствовать: въ тотъ же день, отсылая указы, приложилъ я слѣдующую о себѣ записку князю Виктору Павловичу Кочубею, 9 мая 1834 года:

«Честь имѣю представить вашему сіятельству бумаги, составленныя по приказанію вашему, утромъ сего дня мнѣ данному, такому приказанію, которое встревожило меня болѣе, нежели послѣдняя болѣзнь ваша. Но тогда не долженъ я былъ говорить о себѣ; теперь же обязанъ, ибо вы рѣшительно (хотя и по секрету) сказать мнѣ изволили, что по возвращеніи сюда не вступите болѣе въ отправленіе настоящихъ должностей. Взысканный постоянно благосклоннымъ вниманіемъ вашего сіятельства къ служенію моему, не могу скрыть, что отъ застѣнчивости много уже потерялъ и потому не могу молчать долѣе, оставаясь въ совершенномъ на счетъ свой недоумѣніи. Слабѣющее зрѣніе, трясеніе правой руки, битой не одинъ разъ въ походной жизни, словомъ, старость примѣтно одолѣваетъ мною и грозитъ упущеніемъ по должности. Я не привыкъ служить какъ-нибудь, а сорокъ лѣтъ настоящей службы,

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ, 1777—1869.

какую судьба всегда мнѣ давала, утомили до того, что, сидя утро и до полуночи, отказываясь отъ всѣхъ удовольствій свѣта, едва уже успѣваю оканчивать суточную работу для удержанія хода дѣлъ въ должномъ порядкѣ. На ослабленіе физическихъ силъ неоднократно жаловался я вашему сіятельству, вы принимали живое въ томъ участіе, какъ очевидецъ, объявляли монаршій отзывъ, чтобы я имѣлъ въ виду успокоеніе въ званіи члена Совѣта, и затруднялись только пріисканіемъ мнѣ преемника. Клянусь, что милости государя, да ваше благосклонное вниманіе и нѣжное обхожденіе заставляли забывать себя; но теперь естественно рождается вопросъ: что будетъ, когда вы оставите Совѣтъ? День-ото-дня буду я становиться болѣе неспособнымъ для секретарства, въ которомъ, съ разными титулами, провожу 30 лѣтъ; долженъ слушать за правду грубости отъ молодыхъ министровъ, людей едва поступившихъ въ настоящую службу и знающихъ ее по одной теоріи, или сдѣлать подобно Тургеневу исторію въ Совѣтѣ; долженъ буду видѣть постоянную потерю уваженія ко мнѣ гг. членовъ, пріобрѣтеннаго 16-ти-лѣтнимъ опытомъ правоты моей и искренности; наконецъ, долженъ потерпѣть въ мнѣніи государя и подать просьбу объ отставкѣ, дабы предупредить изгнаніе изъ службы. Иной конецъ быть не можетъ, ибо государь императоръ доволенъ теперь мною и изволитъ знать меня съ хорошей стороны, потому только, что хвалите вы, другой и третій; пойдутъ другія вѣсти, и его величество невольно долженъ вѣрить имъ столько же, какъ и прежнимъ. Это неизбѣжный жребій владыкъ земныхъ.

«Картину сію рѣшился я сего дня же повернуть на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Не протекція сдѣлала меня извѣстнымъ вамъ въ 1816 г., а служба, она же сблизила меня опять ровно чрезъ десять лѣтъ, и утѣшаюсь мыслію, что я оправдалъ довѣріе ваше и царя (не знавшаго въ 1826 г., что думать обо мнѣ). Но согласитесь, что оставаться долѣе государственнымъ секретаремъ не должно мнѣ и для себя собственно, и для пользы службы. Приличіе и уваженіе къ болѣзненному состоянію вашему удержали меня одинъ разъ въ предѣлахъ благопристойности; за другой же разъ не ручаюсь; да и самая должность не терпитъ оскорбленія.

«Ваше сіятельство по собственнымъ чувствамъ судить можете, сколь неудобно было бы для меня изъясненіе сего рода съ намѣстникомъ вашимъ, особенно когда онъ со мною, или я съ нимъ не сойдемся въ образѣ мыслей; и потому надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ послѣдней усердной просьбѣ — довести все сіе до высочайшаго свѣдѣнія, сколько для успокоенія меня насчетъ будущности, столько и для того, чтобы въ необходимомъ случаѣ могъ я, въ отсутствіе ваше, сказать прямо, что два года прошу уже смѣны и слѣдовательно не по капризу какому-либо оставляю должность, или вовсе службу».

На другой день, пріѣхавъ къ князю Кочубею, засталъ я у него князя Голицына, и послѣ разговора о дѣлахъ, сказалъ онъ при немъ съ улыбкою: «И записку вашу, Василій Романовичъ, ко мнѣ государь прочиталъ всю; велѣно сказать вамъ, что никакой непріятности не встрѣтите вы, и ведите себя по-прежнему въ отношеніи къ министрамъ». Потомъ говорилъ по-французски съ княземъ Голицынымъ и, наконецъ, обратясь опять ко мнѣ, заключилъ тѣмъ, что: «мѣсто члена Совѣта всегда вамъ принадлежитъ; только Бога ради останьтесь до осени: авось мы сыщемъ, кѣмъ

замѣнить васъ». Слова сіи были послѣднія для меня; поклонясь въ отвѣтъ на оныя, я благодарилъ за то, что они сказаны при князѣ Голицынѣ, которому и повторилъ цѣль посланія моего.

Простясь съ княземъ Кочубеемъ, ожидалъ я съ нетерпѣніемъ вакаціоннаго времени, чтобы отдохнуть и запастись силами, по крайней мѣрѣ, до декабря (если опять обманетъ надежда), какъ вдругъ получено извѣстіе о кончинѣ князя Кочубея въ Москвѣ. Я искренно оплакивалъ вельможу сего. какъ благодѣтеля своего и какъ государственнаго человѣка, который любилъ царя и отечество и желалъ имъ добра отъ души. Рѣшительно сказать можно, что съ 1827 г. одинъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ, не оставивъ по себѣ равнаго, и хотя впослѣдствіи, вѣроятно, по болѣзненному состоянію, замѣтна была слабость характера и дворская угодливость, но, тѣмъ не менѣе, въ дѣлахъ важныхъ показывалъ твердость и умъ опытный, дальновидный. Мѣсто князя Кочубея заступилъ Новосильцовъ [1]), человѣкъ очень добрый и обворожившій меня своею ласкою. Считая неприличнымъ говорить о себѣ, дабы не поселить съ перваго раза мысли, будто я не хочу служить съ нимъ, мнѣ осталась одна рѣшимость—протянуть еще годъ въ тяжкой работѣ; но августъ мѣсяцъ все перемѣнилъ. По окончаніи маневровъ государь, разсуждая съ Новосильцовымъ о Совѣтѣ, замѣтилъ, что многіе члены устарѣли, и что надобно озаботиться избравіемъ новыхъ, особенно для департамента гражданскаго. Предоставя сіе Новосильцову, его величество изволилъ заключить, что у него есть въ виду одинъ человѣкъ только. Воспользовавшись объясненіемъ Новосильцова, что, по долгому отсутствію изъ Петербурга, почти всѣ теперешнія лица незнакомы ему, я предварилъ его, что надобно думать и о государственномъ секретарѣ; ибо я не проченъ, и что государь знаетъ о томъ; въ чемъ и сослался на князя Голицына. Послѣдующія сужденія привели къ тому, что меня можетъ замѣнить баронъ Корфъ, и я готовъ руководствовать его нѣкоторое время. По возвращеніи изъ Берлина, государь изволилъ сказать Новосильцову, что онъ имѣетъ и другаго члена Киселева, прежній же былъ я, по уговору, сдѣланному еще съ княземъ Кочубеемъ. Такимъ образомъ, неожиданно получилъ я, 6-го декабря 1834 года, званіе члена Совѣта, съ условіемъ, чтобы кончилъ годъ и подалъ отчеты, ознакомивъ между тѣмъ барона Корфа съ новою должностію. Все это исполнено къ удовольствію его величества, который самымъ лестнымъ образомъ благодарилъ меня, при представленіи моемъ въ кабинетѣ, щедро наградилъ чиновниковъ, мною рекомендованныхъ, а мнѣ пожаловалъ вновь на 12 лѣтъ аренду, въ возмездіе, такъ сказать, потери

---

[1]) Графъ Николай Николаевичъ, 1761—1838, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

квартирныхъ девегъ, съ прежнею должностію сопряженныхъ, дабы получаемое мною доселѣ содержаніе отъ казны не уменьшилось.

Итакъ, справедлива русская пословица, что «за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ».

Въ ноябрѣ 1836 г. выдана замужъ и четвертая дочь наша Надежда.

8-го августа 1838 года графъ Новосильцовъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

Двѣ записки В. Р. Марченки.

I.

Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся, при вступленіи на престолъ императора Николая I [1]).

По полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I, собранъ былъ ночью Государственный Совѣтъ, и распечатана духовная, по силѣ которой, за отреченіемъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ великому князю Николаю Павловичу, — но онъ тутъ же изволилъ отозваться, что «отреченіе великаго князя не есть отреченіе императора; что духовная не была сдѣлана въ свое время гласною манифестомъ, и что онъ, сохраняя коренной законъ о престолонаслѣдіи, самъ первый принесетъ присягу императору Константину»; что̀ и исполнено имъ на другой день, рано поутру, въ большой церкви Зимняго дворца.

Сей рѣшительный, безпрекословенный, правдивый и благородный поступокъ приготовлялъ, однако, въ самомъ началѣ недоумѣнія и даже опасенія. Какъ присягать Совѣту, Синоду и Сенату, имѣющимъ равные экземпляры духовной Александра на сохраненіи, когда воля его должна быть священна до обнародованія новаго императора? Какъ безъ манифеста сего послѣдняго, приводить Россію къ присягѣ? Какъ оправдываться въ утайкѣ духовной, когда Константинъ не вступитъ на престолъ? Какъ сокрыть ее, ежели онъ вступитъ, когда въ Совѣтѣ она оглашена уже и, можетъ быть, вскрытъ также въ Москвѣ конвертъ, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ? Словомъ, понимали, что дѣло какъ-то не ладно; но шагъ сдѣланъ: Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ пошли въ свои

---

[1]) Эта статья помѣщена въ концѣ той же рукописи В. Р. Марченки, въ которой изложена предыдущая записка его.

церкви и присягнули. Отъ своего имени, безъ манифеста, рѣшился Сенатъ сдѣлать предписаніе о повсемѣстной присягѣ императору Константину, и мы оставались шестнадцать дней безъ повелителя, ибо изъ Варшавы отъ Константина не было манифеста, а Николай оставался здѣсь, послѣ присяги, въ своей сферѣ. Положеніе столицы, при полномъ спокойствіи, было непонятно. Первые дни всѣ поражены были ужасною мыслію о неожиданной потерѣ Александра. Но когда скорбь начала слабѣть, разнеслась шопотомъ молва о духовной, стали судить о скорой присягѣ, пріѣздѣ сюда Константина и проч. Городъ не зналъ тогда, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ, получивъ прямо изъ Таганрога извѣстіе о кончинѣ Александра I, тотчасъ подтвердилъ свое отреченіе отъ престола письмами къ матушкѣ и брату Николаю, которыя были получены здѣсь по учиненіи уже присяги. Отъ этого завязалась семейная переписка, бывшая тайною двора, и, наконецъ, отправленъ въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ также немногіе знали. Но въ теченіе послѣдней недѣли, два слуха прошли по городу: первый—Сенатъ, предписавъ о повсемѣстной присягѣ, донесъ о томъ императору Константину; служившій въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, игрокъ-милліонеръ Никитинъ [1]) выхлопоталъ, что его послали съ этимъ донесеніемъ въ Варшаву. Но Никитина изъ Бѣлостока не пустили далѣе, а депеши отправили къ Константину. Это разсказывали со смѣхомъ, потому что, будто бы, наложница министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго [2]) получила 10.000 р. съ Никитина за то, чтобы старикъ, министръ юстиціи, послалъ его вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера. Второе—пріѣхавшіе съ рижскаго тракта сказывали, что великій князь Михаилъ Павловичъ не поѣхалъ въ Варшаву, а живетъ на почтовой станціи за Нарвою.

Къ симъ непостижимостямъ прибавилось еще прибытіе изъ Грузино графа Аракчеева. Съ сентября мѣсяца, когда зарѣзана старая его любовница Настасья, онъ жилъ въ деревнѣ и сбросилъ съ себя служебныя обязанности, занимался истребленіемъ дворни и личнымъ вліяніемъ на уголовный судъ и новгородскаго гражданскаго губернатора Жеребцова [3]), изгнаннаго послѣ, за лишнюю ему угодливость, изъ службы. Но предчувствіе ли, тайныя ли извѣстія, при увѣренности, сколько онъ ненавидимъ въ военномъ поселеніи, заставили его переѣхать въ Петербургъ и запереться такъ, что не пускалъ даже къ себѣ военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича [4]), пріѣзжавшаго съ порученіями отъ Ни-

[1]) Василій Поликарповичъ (?), управлявшій Петербургскою губерніею въ 1831 году, тайный совѣтникъ.

[2]) Дмитрія Ивановича, 1752—1838, генерала-отъ-инфантеріи.

[3]) Дмитрія Сергѣевича, преданнаго суду въ 1827 году.

[4]) Михаила Андреевича, 1770—1825, графа съ 1813 года, убитаго 14 декабря

колая Павловича. Потеря духа его была столь велика, что кстати разсказать здѣсь анекдотъ о полиціймейстерѣ Чихачевѣ. Онъ былъ адъютантомъ графа Аракчеева, чрезъ него получилъ и мѣсто полиціймейстера, исполнялъ всѣ его коммиссіи, словомъ, былъ и домашній человѣкъ, и пріятель такой руки, что часто Аракчеевъ посылалъ сказать ему поутру, что сегодня будетъ у него обѣдать. Чихачевъ, видѣвшій графа Аракчеева въ послѣдній разъ въ Грузино, въ день похоронъ Настасьи (когда,— о подлость величайшая!—архимандритъ Фотій, въ надгробной рѣчи, утѣшалъ Аракчеева предвѣстіемъ, что зарѣзанная поступила въ сонмъ великомученицъ), узнавъ ночью о пріѣздѣ графа Аракчеева, поспѣшилъ поутру заѣхать къ нему; но въ три пріема получалъ однѣ и тотъ же отвѣтъ, что «рѣшительно ни объ комъ не велѣно докладывать». Вечеромъ часу въ десятомъ, графъ Милорадовичъ призываетъ Чихачева и даетъ читать формальное отношеніе графа Аракчеева, коимъ проситъ воспретить Чихачеву безпокоить его, ибо надѣется, что онъ «не состоитъ подъ надзоромъ полиціи». Все это и слухи, что въ Грузино, при бытности полковника Тизенгаузена, исполняются уголовные приговоры съ ужасною жестокостію, занимало публику разсказами и догадками.

Надобно было прекратить недоумѣніе и толки, день-ото-дня возраставшіе, и Николай Павловичъ рѣшился возсѣсть на престолъ. 13-го декабря, ночью собранъ былъ Государственный Совѣтъ, въ которомъ его величество предъявилъ всю переписку свою съ братомъ и проектъ манифеста, писаннаго, какъ тогда говорили, Карамзинымъ. Проектъ одобренъ и тутъ же, въ самую полночь, подписанъ новымъ императоромъ.

14-го числа былъ понедѣльникъ, обыкновенный день общаго собранія Совѣта, и положено въ ночномъ засѣданіи—собраться поутру въ девять часовъ, для присяги. По пріѣздѣ въ Совѣтъ, нашелъ я дворцовую повѣстку, что въ два часа назначено поздравленіе императора, и поэтому отпустилъ карету домой до 4-го часа. По съѣздѣ членовъ, пошли мы въ придворную церковь, присягнули, подписали имена свои на листѣ, и въ десять часовъ явились, по дорогѣ изъ церкви, съ поздравленіемъ къ императору (въ коридорѣ, окнами къ адмиралтейству); а отъ него, чрезъ комнату налѣво,—къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По возвращеніи въ Совѣтъ, помѣщавшійся тогда въ комнатахъ бывшаго оберъ-гофмаршала графа Толстаго (въ коридорѣ, окнами на дворъ), открыто было засѣданіе. Но какъ нѣкоторые старики члены стали жаловаться на усталость, и что въ два часа надобно быть опять на ногахъ, то докладъ дѣлъ отмѣненъ, и всѣ разъѣхались. Я же поневолѣ остался во дворцѣ, такъ какъ отпустилъ карету домой, и, располагая походить съ часъ времени въ Эрмитажѣ, вышелъ въ коридоръ. Едва отворилъ дверь, навстрѣчу мнѣ графъ Милорадовичъ, щегольски одѣтый и всегда веселый. «Я сейчасъ былъ съ рапортомъ у новаго императора, сказалъ

онъ,—о благополучномъ состояніи столицы; всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ, можно сказать, потому что съ утра нельзя пробиться къ церквамъ». На вопросъ же мой о войскѣ, отвѣчалъ, что «и оно присягнуло, только въ конной артилеріи, подъ Смольнымъ, что-то случилось, но это вздоръ, и тамъ теперь великій князь Михаилъ Павловичъ». Вмѣстѣ съ этимъ онъ предлагалъ ѣхать съ нимъ въ театральную школу, ва пирогъ къ директору театровъ Майкову [1]), который въ тотъ день былъ именинникъ; но я, бывъ въ мундирѣ, не принялъ его приглашенія, сколько онъ ни настаивалъ. Оно, однако, родило во мнѣ мысль выпить рюмку мадеры и съѣсть кренделекъ, для того, что ранѣе четвертаго часа нельзя было отдѣлаться изъ дворца, и я воротился въ Совѣтъ. Ожидая, пока камеръ-лакей подастъ мадеры, подхожу къ окну и удивляюсь, что императоръ въ парадной формѣ, учитъ егерей или фивляндцевъ, стоявшихъ тогда въ караулѣ. Надобно знать, что императоръ, будучи великимъ княземъ, когда разводъ былъ его полковъ, всегда самъ вводилъ людей въ сошки на дворцовомъ дворѣ, дѣлалъ маневръ этотъ два, а иногда и три раза, и потомъ своими руками свертывалъ знамя и завязывалъ знаменный чахолъ. Въ это время входитъ помощникъ статсъ-секретаря Свиньинъ [2]), (нынѣ сенаторъ) и говоритъ, что онъ не могъ проѣхать: вездѣ войска, народъ валитъ на площадь, и онъ воротился, чтобы переждать. Слышавъ отъ графа Милорадовича, что гвардія присягнула уже, и что каждая часть въ своемъ полку, я подумалъ, что сборомъ ея предъ дворцомъ начнется поздравленіе императора. Вспомнилъ, какъ Александръ, въ 1801 г., явился на балконѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, народу и гвардіи, состоявшей тогда не болѣе какъ изъ семи тысячъ человѣкъ и присягнувшей на площади, и указалъ Свиньину на государя, занимающагося гауптвахтою. Но каково было удивленіе мое, когда я увидѣлъ, что по командѣ его, какъ на ученьи, начали солдаты заряжать ружья и насыпать порохъ на полки. Послѣ этого императоръ повелъ войска въ ворота, на площадь, а съ гауптвахты бѣжали за нимъ караульные офицеры, обнажая на дворѣ уже свои шпаги. Хотѣлось выйти на площадь; но неуклюжій мундиръ мѣшалъ; я послалъ домой курьера за фракомъ, а между тѣмъ поручилъ придворному лакею пройти по комендантской лѣстницѣ въ экзерцизъ-гаузу и узнать, что́ дѣлается. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что государь стоитъ съ командою, снятою съ гауптвахты, между дворцовыми воротами и фонарикомъ; около него толпа народа; онъ читалъ манифестъ и послѣ сказалъ: «вы видите теперь, что я не отнимаю престолъ у брата». Вѣсть

---

[1]) Аполлонъ Александровичъ, писатель, отецъ академика-живописца Николая Аполлоновича.

[2]) Петръ Петровичъ, 1784—1841.

ята не обѣщала ничего добраго, и я пошелъ въ фонарикъ. Здѣсь увидѣлъ слѣдующую картину: Конная гвардія, съ командиромъ своимъ Орловымъ [1]), на рысяхъ скакала изъ казармъ своихъ къ штабу, и съ появленіемъ ея, государь изволилъ перейти на средину площади (гдѣ теперь Александровская колонна), сопровождаемый дворцовымъ карауломъ и Преображенскимъ баталіономъ, прибѣжавшимъ изъ Милліонной въ шинеляхъ и фуражкахъ, заряжая на бѣгу ружья. Изъ-подъ арки бѣжали и примыкали къ нимъ саперы. Съ Гороховой улицы шелъ Московскій полкъ къ Сенату; когда же показались Семеновскій и Егерскій полки, то саперы пошли на дворцовый дворъ и тотчасъ заняли всѣ выходы, а государь съ отрядомъ, предшествуемый Конною гвардіею, изволилъ отправиться къ Сенату.

Найдя въ комнатахъ Совѣта фракъ свой уже привезеннымъ, вышелъ я по Салтыковскому подъѣзду (противъ адмиралтейства) на бульваръ и, пробиваясь между чернію и разнаго состоянія людьми, старался развѣдать, что̀ такое дѣлается? Одни отвѣчали: «не знаемъ, сами добиваемся толку»; другіе: «говорятъ, что бунтъ, Боже сохрани!» и съ такими отвѣтами дошелъ я до Исаакіевской церкви. Здѣсь увидѣлъ государя на лошади, лицомъ къ адмиралтейству, и гвардію, расположенную отъ дому Крюковской (угольный на площади, по правую руку, въ Гороховую улицу) до Исаакіевскаго моста. Артиллерія стояла у моста на Англійской набережной, позади Конно-Гвардейскаго моста и на углу адмиралтейства ко дворцу; около Сената же гауптвахта обыкновенная, а впереди какія-то сборныя команды гвардейскихъ полковъ, но, по воротникамъ, большею частію Московскаго. Площадь около самаго монумента Петра I была свободна, и по ней безпрепятственно переходили, съ бульвара къ Сенату и обратно, не только люди всякаго званія, но и солдаты изъ фронта. Здѣсь увидѣлъ я идущаго отъ Сената статскаго совѣтника Горскаго и, узнавъ отъ него болѣе, нежели ожидалъ (о чемъ скажу послѣ), отправился обратно во дворецъ, надѣлъ мундиръ и пошелъ опять въ осмотръ.

Отъ фонарика на площади было пусто. Войска густыми колоннами стояли около Исаакіевской церкви. Лѣстницы во дворцѣ набиты были солдатами съ ружьями, а на дворѣ дворцовомъ устраивалось каре, распоряженіемъ коменданта Башуцкаго [2]), страннымъ до того, что, глядя сверху, понять нельзя было о прямомъ его намѣреніи. Поминутно солдаты тѣснились и растягивались, выходили на крыльцо и въ ворота и возвращались. Какъ теперь смотрю, что въ этой суматохѣ Башуцкій

---

[1]) Графомъ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ, 1787—1862, позже княземъ, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Павла Яковлевича, въ этотъ же день пожалованнаго званіемъ генералъ-адъютанта.

переводитъ съ правой стороны одинъ какой-то баталіонъ, въ шинеляхъ, на лѣвую, гдѣ стоящій баталіонъ не можетъ осадить потому, что припертъ къ самой плацформѣ гауптвахты. Это мѣсто очищалъ Башуцкій лейбъ-гренадерскому баталіону, предводимому однимъ мальчикомъ-офицеромъ, за которымъ бѣжалъ флейтщикъ, и еще хвостъ не построился, какъ мальчикъ тотчасъ повелъ баталіонъ обратно со двора на площадь, а Башуцкій опять принялся за распоряженіе: какъ занять оставленную пустоту? Послѣ извѣстно сдѣлалось, что баталіонъ этотъ, подъ командою поручика или капитана Панова, приходилъ занять крѣпость; но, найдя ворота запертыми, бросился во дворецъ, гдѣ также найдя принятыя мѣры, отправился на площадь и, въ глазахъ государя и гвардіи, прошелъ мимо ихъ около бульвара, прямо къ Сенату, и соединился съ бунтующими солдатами Московскаго полка. Между тѣмъ время близилось къ двумъ часамъ, и дворецъ наполнился пріѣхавшими по повѣсткѣ для поздравленія. Дамы всѣ были разряжены, но мужское одѣяніе представляло пестроту, ибо многіе, бывъ оповѣщены на службѣ, чтобы не опоздать, прямо проѣхали во дворецъ въ черныхъ панталонахъ. Военные всѣ уходили на площадь, и въ залѣ оставались только два, князь Лобановъ-Ростовскій [1]), по старости и непринадлежности къ арміи, и графъ Аракчеевъ, по трусости, какъ говорили тогда, можетъ быть, злословно, но на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слова, и онъ радъ былъ, усѣвшись на диванчикъ съ пріѣхавшимъ во дворецъ княземъ Лопухинымъ [2]), видѣть его разговаривающаго съ графомъ Орловымъ, который неоднократно присыланъ былъ съ площади къ императрицамъ.

Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ, сначала съ просьбою, не могу ли я, по старой дружбѣ, подарить ему экземпляръ манифеста? Я послалъ своего курьера съ полтинникомъ въ сенатскую типографію, и чрезъ полчаса вручилъ Аракчееву просимый экземпляръ. Онъ чувствительно благодарилъ и пожалъ мнѣ руку (это было послѣднее явленіе въ нашей драмѣ, и я не встрѣчался уже съ Аракчеевымъ въ остальные дни жизни его), и потомъ спросилъ: «что, батюшка, есть ли утѣшительныя вѣсти?» Я ему сказалъ, что число строптивыхъ увеличивается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ, у Сената стоящей, и что государь, не рѣшаясь на крайнюю мѣру, надѣется убѣжденіями образумить заблуждающихся, заботясь болѣе о бѣдномъ графѣ Милорадовичѣ, за жизнь котораго не ручаются доктора. Аракчеевъ съ ужасомъ отошелъ отъ меня, услышавъ первый разъ о ранѣ, нанесенной графу Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа два всѣмъ уже извѣстно было.

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

[2]) Петръ Васильевичъ, 1741–1827, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ.

Сдѣлалось темно. Зажгли огни. Полиціймейстеръ Чихачевъ пробѣжалъ чрезъ залу; вскорѣ возвратился и за нимъ петербургскій митрополитъ Серафимъ [1]), въ полномъ облаченіи, съ протодіаконами. Государь вытребовалъ его изъ церкви на площадь. Но слова митрополита заглушены были крикомъ и угрозами мятежниковъ, и онъ, чрезъ полчаса, возвратился во дворецъ. Вслѣдъ за нимъ услышали мы пушечные выстрѣлы, послѣ которыхъ, не болѣе какъ чрезъ четверть часа, изволилъ и государь пройти чрезъ залу не останавливаясь, къ императрицамъ. Тутъ узналъ я, что послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ [2]) картечью, мятежники разсыпались по Галерной улицѣ, Англійской набережной и Васильевскому острову; что они бросаютъ ружья и что ихъ захватываютъ кавалергарды съ Конною гвардіею и приводятъ въ сенатское зданіе, гдѣ сидятъ, для допросу, генералъ-адъютанты Васильчиковъ [3]) и Голенищевъ Кутузовъ [4]), изъ которыхъ послѣднему велѣно исправлять должность военнаго генералъ-губернатора. Еще прошло четверть часа, и государь съ императрицами изволилъ выйти изъ внутреннихъ комнатъ, поклонился бывшимъ въ залѣ и прошелъ прямо въ церковь. Отслушавъ тамъ молебенъ, стали разъѣзжаться, и я воротился домой почти въ шесть часовъ вечера. Войска расположили огни и остались на ночь кругомъ дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты, ведущіе на Дворцовую и Сенатскую площади.

На завтра, 15 декабря, заѣхалъ я въ канцелярію; но больше ничего не могъ узнать, кромѣ смерти графа Милорадовича, и что всю ночь то приводили, то сами являлись къ дежурному генералъ-адъютанту Левашеву [5]) разнаго рода люди, которыхъ водилъ онъ къ государю. Это были соучастники заговора, и показанія ихъ наипаче представляли такую цѣль, что учредили слѣдственную коммиссію [6]), занимавшуюся день и ночь въ крѣпости. Къ чести государя сказать должно, что въ коммиссіи [7]) не было ни одной злой души, которая могла бы превра-

---

[1]) Степанъ Васильевичъ Глаголевскій, 1759—1843, съ 1814 г. архіепископъ тверской, съ 1819 г. — митрополитъ московскій, съ 1821 г.—новгородскій и санктъ-петербургскій.

[2]) Разсказъ начальника артиллеріи И. О. Сухазанета, см. „Русск. Стар.“, VII, 361

[3]) Князь Иларіонъ Васильевичъ, 1777—1847.

[4]) Графъ Павелъ Васильевичъ, 1772—1843.

[5]) Василій Васильевичъ, 1783—1843, позже графъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ.

[6]) Донесеніе слѣдственной коммиссіи 30 мая 1826 г. см. „Русскій Архивъ“ 1881, II, 277.

[7]) Предсѣдателемъ коммиссіи былъ военный министръ, графъ А. И. Татищевъ; членами: генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Павловичъ, д. т. с. князь А. Н. Голицынъ, петербургскій военный генералъ-гу-

титься въ инквизицію, и потому привлеченные къ дѣлу, не только невинные, но и мало виновные, немедленно отпускаемы были на свободу.

Впослѣдствіи узналъ я, что царь, поговоря съ преступникомъ и видя раскаяніе, тутъ же прощалъ или удалялъ на житье, для выслуги, и такимъ образомъ, сто два человѣка не были даже преданы суду; но больше или меньше знали о томъ въ городѣ, по родству или знакомству. Столица дорого цѣнила правило, принятое императоромъ, и общее мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: «Что бы было, если бы сидѣли въ комиссіи графъ Аракчеевъ или Клейнмихель?» разумѣя подъ симъ не потачку злодѣямъ, которыми всякій мерзилъ; но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству.

Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ графа Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашены были въ немъ чувства родственныя, а дружба и любовь къ ближнему составляли для него пустой наборъ словъ. По примѣру Аракчеева, разстался съ женою (хотя по страсти увезъ ее отъ матери, изъ церкви), и Аракчеевъ утѣшился, видя, какъ дрожитъ предъ нимъ все въ военныхъ поселеніяхъ. Къ присягѣ государь поручилъ приводить (поселенцевъ) не ему, а своимъ генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйствовать, и коль скоро присяга въ поселеніи кончилась, они отправились изъ столицы, подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Такимъ образомъ, спаслось русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы слѣдственная комиссія попала въ руки Аракчеева и Клейнмихеля.

Выйдя 15-го декабря изъ канцеляріи на площадь, встрѣтилъ я умилительное зрѣлище. Бунтовавшіе вчера солдаты, со слезами, приняли прощеніе и присягали подъ открытымъ небомъ; потомъ, вынесенныя изъ дворца знамена гвардейскаго морскаго экипажа и лейбъ-гренадерскаго баталіона государь самъ возвратилъ этимъ раскаявшимся отрядамъ, и они, съ крикомъ «ура!», отправились въ свои казармы.

Горскаго узналъ я въ 1814 г., въ Парижѣ. Избитый, на костыляхъ, артиллерійскій офицеръ явился ко мнѣ, ошибкою, и я, узнавъ, что у него нѣтъ знакомыхъ въ главной квартирѣ, имѣлъ случай сдѣлать ему услугу. Въ 1817 г., изъ благодарности, пріѣзжалъ онъ ко мнѣ, въ Петербургъ, будучи уже статскимъ совѣтникомъ; потомъ ѣздилъ на Кавказъ, вице-

---

бернаторъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ-адъютанты: А. Н. Чернышевъ, А. Х. Бенкендорфъ, В. В. Левашевъ, А. Н. Потаповъ; дѣлопроизводителемъ комиссіи состоялъ д. с. с. Д. Н. Блудовъ.

губернаторомъ, и, по возвращеніи оттуда, опять сталъ ходить; я уже, изъ вѣжливости, приглашалъ его иногда обѣдать; но самъ у него никогда не былъ. По слухамъ, жилъ онъ хорошо и имѣлъ состояніе по женѣ (графинѣ Ворцель). Долго не видѣвъ его, я встрѣтилъ 14-го декабря на бульварѣ, въ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ. Спросилъ я о причинѣ такого наряда, и вотъ отвѣтъ его:

«Я занемогъ горячкою и три недѣли не выходилъ изъ дому. Вчера объявляетъ мнѣ квартальный требованіе печальной коммиссіи, чтобы представить меня, если не явлюсь самъ, сегодня въ коммиссію; и тутъ только узнаю, что я наряженъ туда отъ герольдіи, и что мнѣ были двѣ повѣстки, которыхъ никогда не получалъ. Сегодня, закутанный, въ каретѣ, пріѣзжаю въ коммиссію, но мнѣ сказано, что присутствія не будетъ, по случаю присяги, и что объ оной есть объявленіе полиціи, почему я и велѣлъ ѣхать къ Спасу на Сѣнной, дабы присягнуть и воротиться домой. У Каменнаго моста остановили меня войска, и знакомый князь Щепинъ-Ростовскій [1]) вытащилъ изъ кареты, несмотря на сопротивленіе. Я долженъ былъ идти съ его ротою до Сената и тутъ услышалъ, что они не хотятъ присягать, изъ опасенія измѣнить Константину, который задержанъ гдѣ-то. Можетъ быть и правда, Богъ знаетъ! только разсказы солдатъ привлекаютъ много товарищей и черни. Я хотѣлъ уйти, но не пускаетъ Щепинъ-Ростовскій; отдѣлался на честное слово, что ворочусь, лишь отыщу своего извозчика. Теперь нашелъ у моста, да жандармъ не пускаетъ, и толку не добьюсь, кто приказалъ каретѣ не трогаться съ мѣста. Дожидаюсь Шульгина (оберъ-полиціймейстера), чтобы сдержать только слово и уѣхать домой, ибо что-то нехорошо тамъ мнѣ сказали; и здѣсь говорятъ, что московцы не просто вышли изъ казармъ и чуть ли не убили кого-то, да и командиру полка досталось. И тамъ уже сомнительно показалось мнѣ шептанье съ приходящими къ Щепину людьми, и какая-то тревога послѣ того, какъ ранили Милорадовича. Боюсь еще, чтобы не пустились солдаты, ежели не запрутъ ближняго кабака, тогда не сладишь съ ними, я хорошо ихъ знаю. Прощайте, совѣтую и вамъ не оставаться здѣсь».

II.

О молоканахъ и духоборцахъ.

Въ 1818 году, съ 22-го февраля по 1-е іюня я сопровождалъ императора Александра въ путешествіи по Западной и Южной Россіи. Въ

[1]) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ, членъ «Сѣвернаго Общества».

Кіевѣ, когда государь уже садился въ коляску, отправляясь въ дальнѣйшій путь, къ Варшавѣ, предстали предъ нимъ до 30 мужиковъ съ просьбой. Спѣша отъѣздомъ, государь приказалъ мнѣ переговорить съ ними, а самъ уѣхалъ.

Это были посланные отъ молоканъ и духоборцевъ, которые поселены на Молочныхъ Водахъ въ Таврической губерніи, между нагайцами и колонистами. Они жаловались на притѣсненія генералъ-губернатора графа Ланжерона [1]). Въ разговорѣ со мною, обнаруживъ правила рѣшительнаго якобинства, они объявили, что ушли безъ вѣдома начальства и пойдутъ за государемъ въ Варшаву, чтобы тамъ просить его о защитѣ. Стараясь отвратить непріятное слѣдованіе толпы мужиковъ за царемъ, я обѣщалъ имъ довести жалобу ихъ до свѣдѣнія государя, выдать имъ билетъ, для обратнаго прохода въ Таврическую губернію, и письмо къ графу Ланжерону, чтобы онъ, до высочайшаго рѣшенія, не подвергалъ ихъ наказанію за самовольную отлучку. При этомъ я объявилъ имъ, что они, въ случаѣ непринятія моихъ предложеній, будутъ закованы и отправлены какъ безпаспортные бѣглые. Потолковавъ со мною, они, наконецъ, согласились возвратиться въ свое селеніе, и, по требованію моему, принесли списокъ о себѣ, въ которомъ было показано уже не 30, но 60 человѣкъ.

По пріѣздѣ въ Варшаву, я доложилъ государю обо всемъ и представлялъ опасенія мои насчетъ развитія вредныхъ правилъ духоборцевъ. «Я давно знаю о нихъ» сказалъ государь, «и потому поселилъ ихъ между нагаями и нѣмцами, тамъ они не могутъ никого совратить. Ихъ ученіе вредно и опасно; но я не хочу порабощать совѣсть. Они отреклись признавать во мнѣ государя, я имъ дозволилъ это—только бы исполняли обязанности гражданскія. Они отреклись присягать, я велѣлъ брать съ нихъ одно честное слово. Во время войны они не хотѣли стрѣлять, опираясь на заповѣдь: «не убій», и на представленія, что ихъ ведутъ противъ враговъ отечества, отвѣчали, что Моисеевъ законъ, дозволяя защищать себя, нигдѣ не говоритъ объ отечествѣ. Тогда только я принужденъ былъ приказать разстрѣлять двухъ или трехъ изъ нихъ».

Между тѣмъ бумаги, поступившія отъ графа Ланжерона, подтвердили, что онъ, по настоянію духовенства, дѣйствительно хотѣлъ принудить дохоборцевъ къ повиновенію церкви и государственнымъ постановленіямъ.

Поэтому государь повелѣлъ сообщить Ланжерону, чтобы духовныя власти и земская полиція не вмѣшивались въ дѣла духоборцевъ, а бумаги были отправлены къ министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну.

По окончаніи шестинедѣльнаго сейма въ Варшавѣ, сдѣлавъ обшир-

---

[1]) Александра Ѳедоровича, 1763—1831.

ный объѣздъ, тысячъ въ 8 верстъ, мы пріѣхали въ Таврическую губернію. Слѣдуя за государемъ, я прибылъ въ одно селеніе Молочныхъ Водъ и былъ удивленъ богатствомъ жителей: на безлѣсной пустынѣ раскинуты частыя избы, построенныя изъ толстыхъ бревенъ, окруженныя скирдами хлѣба и несчетнымъ множествомъ скота. Мнѣ отвели особую избу. Стоявшая на возвышеніи изба старшины селенія была занята государемъ. При немъ находился только одинъ камердинеръ.

Тутъ мы провели болѣе сутокъ. Государь былъ безпрестанно окруженъ крестьянами. Насъ не спрашивали.

Когда государь уѣхалъ, толпа крестьянъ пришла ко мнѣ благодарить за то, чего я вовсе не сдѣлалъ—за защиту ихъ!

Это были тѣ самые крестьяне, которые приходили въ Кіевъ. Отъ нихъ узналъ я, что государь обѣ ночи провелъ въ преніяхъ съ ними, часто выносилъ книги, старался текстами доказать ложность ихъ ученія. Но духоборцы, отвергая всѣ убѣжденія, говорили государю: «Мы не признаемъ въ тебѣ царя, потому что царей нѣтъ въ природѣ; Богъ не создавалъ ихъ. Ты царь, не Богомъ данный, а избранный людьми. Тебя помазалъ на царство митрополитъ, избранный въ этотъ санъ не Богомъ же, но твоимъ предшественникомъ за то, что умѣлъ льстить ему лучше другихъ. Слѣдовательно, это круговое избраніе есть дѣло не воли Божіей, а людей, которые по рожденію всѣ равны....»

Я разспрашивалъ крестьянъ о религіи. По ихъ словамъ, они собираются въ воскресные дни на открытое мѣсто; тамъ всякій молится тою молитвою, которую самъ сочинилъ для себя. Молодые люди соединяются у нихъ, по общему согласію и благословенію родителей, и, послѣ собственной молитвы подъ открытымъ небомъ, бракъ считается заключеннымъ. Умершихъ они хоронятъ безъ всякихъ обрядовъ; предавшихся пьянству и лѣнивцевъ отвозятъ въ городъ и сдаютъ въ очередные рекруты.

Возвратившись изъ путешествія, государь, по совѣщанію съ княземъ Голицынымъ, послалъ къ графу Ланжерону повелѣніе, которымъ, строго запрещая преслѣдованіе духоборцевъ, поручилъ защищать народъ отъ угнетеній. Тогда же учрежденъ секретный комитетъ, для разсматриванія всѣхъ дѣлъ о сектаторахъ.

Сообщилъ проф. **В. А. Бильбасовъ.**